

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

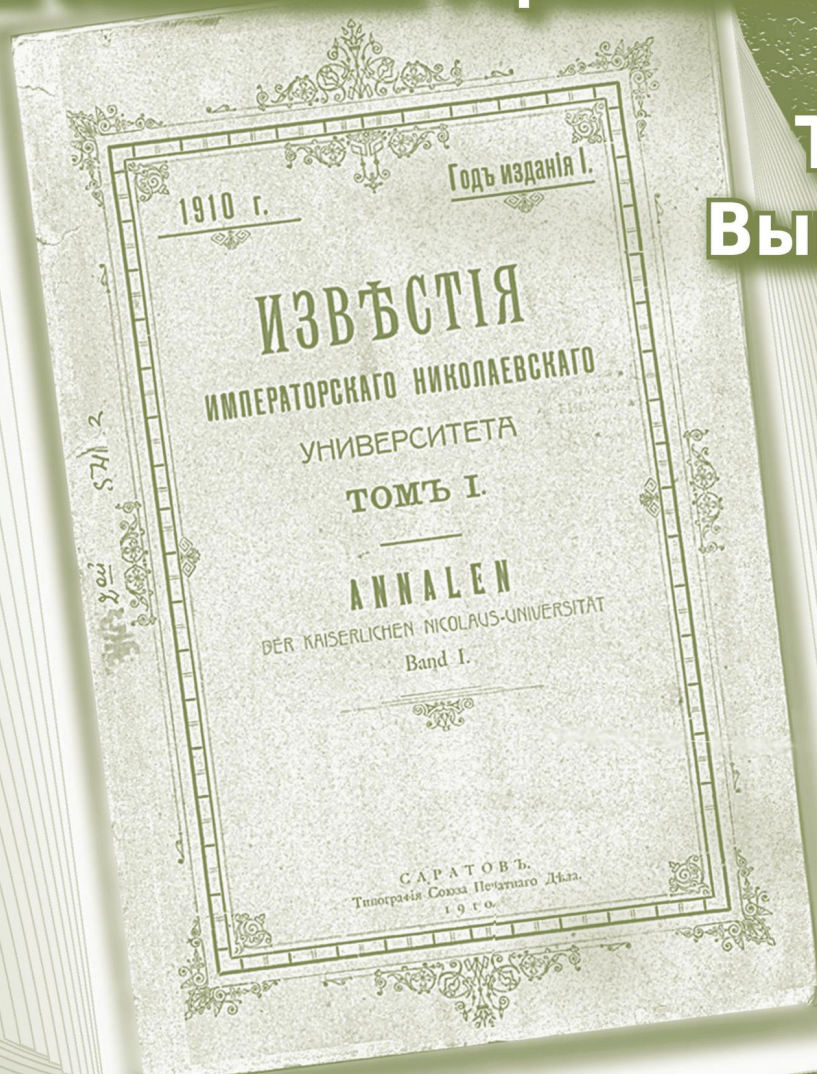
Новая серия

Серия: Экономика. Управление. Право

2023

Том 23

Выпуск 3

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW

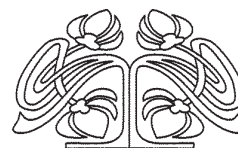
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1994-2540 (Print)

ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Черевичко Т. В., Темякова Т. В. Парадокс цифровизации туризма 246

Мусина Л. Р. Сравнительный анализ моделей инновационной активности вузов 255

Управление

Волкодавова Е. В., Жалнин В. В. Имущественные и неимущественные риски в системе российского корпоративного управления 261

Яковенко Н. А., Иваненко И. С. Обоснование приоритетов структурных изменений в агропродовольственном комплексе Саратовского региона 269

Faizliev A. R. Systemic risk in Russian financial market: A $\Delta CoVaR$ approach [Файзлиев А. Р. Системный риск на российском финансовом рынке: подход $\Delta CoVaR$] 278

Кирилов К. О. Проблемы и направления совершенствования цифровизации промышленного производства 293

Макарова Е. Л., Фирсова А. А., Дергачев А. А. Механизмы принятия управленческих решений в области цифровизации производственных процессов промышленного предприятия 299

Право

Анисимов А. П., Узакова Г. Ш. О понятии и правовых средствах обеспечения устойчивого развития городов 307

Варфоломеев Ю. В. Правовая регламентация и организация деятельности пенитенциарных учреждений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века в контексте реализации тюремной реформы 1879 года 316

Илюхина Ю. Ю. Свободное использование чужого произведения в учебных целях: некоторые проблемы правового регулирования и правоприменения 322

Василевич Д. Г. Правовые аспекты использования информационных технологий с целью компенсации физических недостатков человека 327

Кондукторов А. С. Исчисление налога при использовании упрощенной системы налогообложения: математические и статистические закономерности достижения социально значимого результата 333

Сычев В. Б. Предмет и порядок рассмотрения Конституционным Судом РФ дел о соответствии Конституции Российской Федерации инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума 341

Чулисова Ю. А. Конституционно-правовые основы ограничения свободы творчества: цели и пределы 349

Хасан М. Н. Конституционализация природоохранных отношений в России: становление и развитие 358

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Экономика. Управление. Право”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76645 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.2.1; 5.2.3; 5.2.4; 5.2.5; 5.2.6)

Подписной индекс издания 36012. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (eup.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Пермяков Алексей Сергеевич

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.08.2023.

Подписано в свет 31.08.2023.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 100 экз. Заказ 100-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <https://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статья подвергается анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить допечатную правку текста статьи, не изменяющую ее основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Адрес редколлегии серии: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Саратовский университет, экономический факультет/юридический факультет.

Ответственный секретарь разделов «Экономика», «Управление» – e-mail: sgu-eup@rambler.ru, тел.: (8452) 22-51-38; ответственный секретарь раздела «Право» – e-mail: kulikovasveta@inbox.ru, тел.: (8452) 22-51-17.

Сайт журнала: <https://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

Cherevichko T. V., Temyakova T. V. Tourism digitalization paradox 246

Musina L. R. Comparative analysis of university models by their innovation activity 255

Management

Volkodavova E. V., Zhalnin V. V. Property and non-property risks in the Russian corporate governance system 261

Yakovenko N. A., Ivanenko I. S. Substantiation of structural changes priorities in the Saratov region agro-food complex 269

Faizliev A. R. Systemic risk in Russian financial market: A $\Delta CoVaR$ approach 278

Kirilov K. O. Problems and directions of improving the industrial production digitalization 293

Makarova E. L., Firsova A. A., Dergachev A. A. Mechanisms for managerial decision making during the digitalization of production processes for an industrial enterprise 299

Law

Anisimov A. P., Uzakova G. Sh. On the concept and legal means of ensuring sustainable urban development 307

Varfolomeev Yu. V. Legal regulation and organization of the activities of penitentiary institutions of the Saratov province in the late XIX – early XX centuries in the context of the implementation of the prison reform of 1879 316

Ilyukhina Yu. Yu. Free use of someone else's work for educational purposes: Some problems of legal regulation and law enforcement 322

Vasilevich D. G. Legal aspects of using information technology to compensate for physical disabilities 327

Konduktorov A. S. Calculating the amount of tax when using the simplified taxation system: Mathematical and statistical patterns of achieving a socially significant result 333

Sychev V. B. The subject and procedure for consideration of cases of compliance of the initiative to hold a referendum on the proposed issue (proposed issues) of the referendum with the Constitution of the Russian Federation by the Constitutional Court of the Russian Federation 341

Chulisova Yu. A. Constitutional and legal bases of restriction of freedom of creativity: Goals and limits 349

Hassan M. N. Constitutionalization of environmental relations in Russia: Formation and development 358

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственные секретари

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Ананьева Анна Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Александр Анна, Ph.D. (Вайоминг, США)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Афанасьев Сергей Федорович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Бенойт Уильям, Ph.D. (Огайо, США)

Василевич Григорий Алексеевич, доктор юрид. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Велиева Джамиля Сейфаддиновна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Гиверц Павел, Ph.D. (Иерусалим, Израиль)

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D., доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)

Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Кокин Андрей Васильевич, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юрид. наук, профессор (Тольятти, Россия)

Лхавгадори Ариунаа, Ph.D. (Уланбаатор, Монголия)

Манахова Ирина Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)

Митяева Наталья Вячеславовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Муравьев Николай Васильевич, Ph.D., MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)

Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юрид. наук, профессор (Пенза, Россия)

Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стойлова Десислава, Ph.D. (Благоевград, Болгария)

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Чердаков Олег Иванович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Эртин Сефика Шуле, Ph.D. (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW"**

Editor-in-Chief – Elena V. Ogurtsova (Saratov, Russia)

Deputy Editors-in-Chief – Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretaries – Olga Yu. Chelnokova (Saratov, Russia)

Svetlana A. Kulikova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anna A. Ananyeva (Moscow, Russia)

Anne Alexander (Wyoming, USA)

Alexey P. Anisimov (Moscow, Russia)

Sergey F. Afanasiev (Saratov, Russia)

Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)

William Benoit (Ohio, USA)

Grigory A. Vasilevich (Minsk, Belarus)

Jamila S. Veliyeva (Saratov, Russia)

Pavel Giverts (Jerusalem, Israel)

Tatiana V. Goryacheva (Saratov, Russia)

Vladimir G. Gromov (Saratov, Russia)

Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)

Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)

Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)

Andrey V. Kokin (Moscow, Russia)

Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)

Dmitry A. Lipinsky (Tolyatti, Russia)

Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Irina V. Manakhova (Moscow, Russia)

Janna A. Mingaleva (Perm, Russia)

Natalia V. Mityaeva (Saratov, Russia)

Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)

Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)

Georgy B. Romanovsky (Penza, Russia)

Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)

Svetlana Zh. Solovykh (Saratov, Russia)

Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)

Irina N. Tkachenko (Ekaterinburg, Russia)

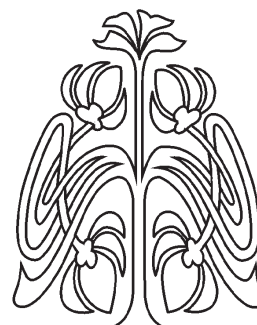
Vitali N. Khrustaluv (Saratov, Russia)

Oleg I. Cherdakov (Moscow, Russia)

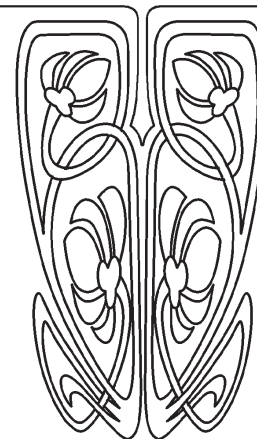
Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)

Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)

Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

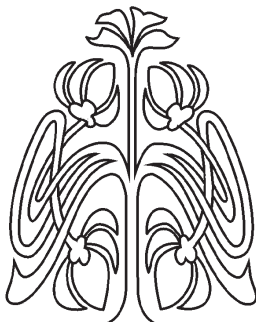

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

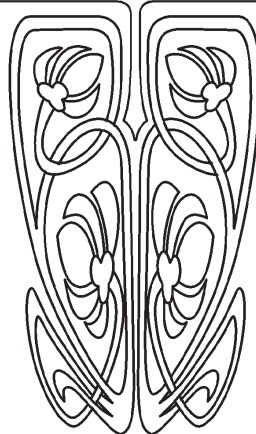

ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 246–254
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 246–254
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-246-254>
EDN: DXOGAS

Научная статья
УДК 338.48

Парадокс цифровизации туризма

Т. В. Черевичко, Т. В. Темякова ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экономических наук, профессор кафедры туризма и культурного наследия, директор Института истории и международных отношений, tvcherevichko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9645-1513>

Темякова Татьяна Витальевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия, temyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1767-7240>

Аннотация. Введение. Обосновывается актуальность развития внутреннего туризма, исследуется динамика внутреннего туристского потока, говорится о значимости развития массового туризма для российской экономики. **Теоретический анализ.** Институционализация и цифровизация являются основополагающими элементами матрицы развития массового внутреннего устойчивого туризма. Отмечается, что прямое обращение к производителям туристских услуг со стороны потенциальных туристов посредством цифровых институтов становится условием восстановления массового туризма в нашей стране. **Эмпирический анализ.** Важную роль в развитии внутреннего туризма играет создание цифровых продуктов, к числу которых относится мобильное приложение-конструктор туристских путешествий «Сам себе туроператор». В работе приведен пример построения туристского маршрута по г. Самаре, доказываются преимущества пользования услугами предлагаемого приложения. **Результаты.** Становление массового внутреннего устойчивого туризма требует производства кастомизированного туристского продукта, чего можно добиться путем применения к туристской отрасли институционально-цифровых механизмов. Кастомизация туристского продукта снижает роль туроператоров на внутреннем рынке и повышает роль экскурсоводов и других прямых производителей туристских услуг, в чем и заключается парадокс цифровизации туризма.

Ключевые слова: цифровизация, цифровизация туризма, цифровые технологии в туризме, цифровой туризм, институционализация, институционализация туризма, мобильное приложение

Для цитирования: Черевичко Т. В., Темякова Т. В. Парадокс цифровизации туризма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 246–254. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-246-254>, EDN: DXOGAS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Tourism digitalization paradox

T. V. Cherevichko, T. V. Temyakova ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tatiana V. Cherevichko, tvcherevichko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9645-1513>

Tatiana V. Temyakova, temyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1767-7240>

Abstract. Introduction. The article substantiates the relevance of domestic tourism development, examines the domestic tourist flow dynamics, and pays attention to the importance of mass tourism development for Russian economy. **Theoretical analysis.** Institutionalization and digitalization are fundamental elements of the mass domestic sustainable tourism development matrix. It is noted that a direct appeal to the tourist services producers by potential tourists through digital institutions becomes a condition for mass tourism restoration of in our country. **Empirical analysis.** An important role in domestic tourism development is played by the creation of digital products, which include a mobile application-designer of tourist trips "Be your own tour operator". The paper gives an example of building a tourist route in Samara, proves the advantages of using the services of the proposed application. **Results.** The formation of mass domestic sustainable tourism requires the production of a customized tourist product, which can be achieved by applying institutional and digital mechanisms to the tourism industry. The customization of the tourist product reduces the role of tour operators in the domestic market and increases the role of tour guides and other direct producers of tourist services, which is the tourism digitalization paradox.

Keywords: digitalization, tourism digitalization, digital technologies in tourism, digital tourism, institutionalization, tourism institutionalization, mobile application

For citation: Cherevichko T. V., Temyakova T. V. Tourism digitalization paradox. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 246–254 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-246-254>, EDN: DXOGAS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Тенденция роста числа соотечественников, выбирающих в качестве туристских регионов субъекты Российской Федерации, положенная в 2020 г. в связи с угрозой распространения пандемии коронавируса, а впоследствии продиктованная неблагоприятной геополитической обстановкой, в 2022 г. и текущем 2023 г. набирает обороты, укрепляется, в результате чего внутренний туризм становится не просто доступным для платежеспособного населения, но и модным трендом. Любое туристское путешествие по территории России, преследуя разнообразные туристские цели, вбирает в себя элементы патриотического воспитания: узнавать родную страну посредством участия как в составе организованных туристских групп, так и в качестве самостоятельных туристов становится престижно и общественно значимо. По данным Ростуризма, в 2021 г. в России путешествовали 56 млн чел., при этом Минэкономразвития прогнозировало прирост внутреннего турпотока в 2022 г. на 6 млн чел. [1], однако фактические данные превзошли даже самые смелые ожидания: прошедший год стал рекордным по числу туристов, путешествовавших по территории РФ, число поездок с туристскими целями по России составило 68,5 млн единиц, при этом итоги 2023 г. будут еще более ошеломляющими, прогнозируется рост внутреннего турпотока до 72 млн чел. [2]. Примечательно, что выездной туризм в 2022 г. практически втрое уступал внутреннему.

Считается, что при соблюдении баланса «цена-качество» игроками туристского рынка, а также способности удовлетворить растущий спрос на внутренние турмаршруты со стороны всех производителей туристских услуг стабилизация внешнеполитической и экономической ситуации не способна коренным образом повлиять на тенденцию роста спроса на туристские

продукты на внутреннем рынке, вследствие чего российские туристские дестинации станут центром притяжения отечественных туристов. Итак, положен старт перезагрузки туристского рынка, результатом которого станет тотальное восстановление на территории Российской Федерации массового внутреннего регионального туризма.

Теоретический анализ

Современную туристскую отрасль можно представить как матрицу с множеством исходов, заданными параметрами которой в собирательном смысле являются процессы институционализации и цифровизации (рис. 1). Институционализация туризма представляет собой совокупность последовательных действий по превращению отношений между участниками туристского рынка в некую форму отношений с установленными нормами, правилами и их саморегуляцией. Примечательно, что в отличие от нормы, понимаемой как связующее звено между ценностной системой субъекта туристского рынка, носящей сугубо добровольный характер, и его повседневным поведением, правила теряют добровольный характер выполнения и считаются общепризнанными и защищенными предписаниями, которые запрещают или разрешают определенные виды действий одного хозяйствующего субъекта или их группы с другими хозяйствующими субъектами [3, с. 20]. В рамках анализа институционализации туризма к правилам можно отнести запрет на осуществление туроператорской деятельности в сфере внутреннего туризма без финансового обеспечения в размере 500 тыс. руб., без регистрации в едином федеральном реестре туроператоров, запрет на осуществление предпринимательской деятельности в качестве туроператора в такой организационно-правовой форме, как,

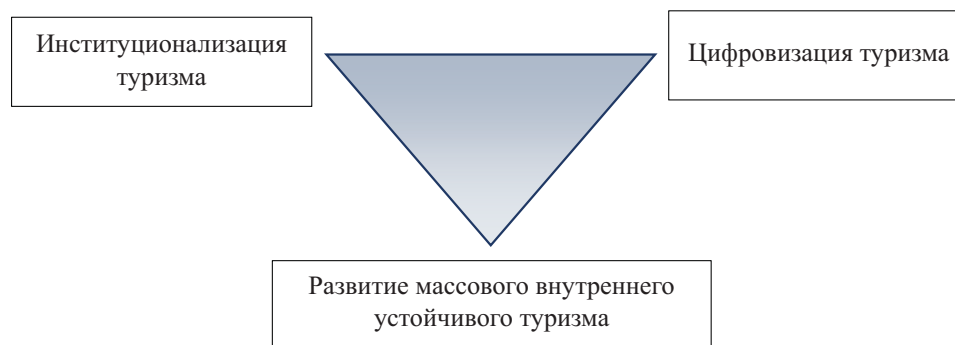

Рис. 1. Институционально-цифровая обусловленность реализации концепции развития массового устойчивого внутреннего туризма

Fig. 1. Institutional and digital conditions for the implementation of the mass sustainable domestic tourism development concept

например, индивидуальный предприниматель, и многое другое. При этом стоит помнить, что истоком институционализации, в том числе туризма, является хаби́туализация, т.е. процесс опривычивания, предполагающий, что любое часто повторяемое действие становится образцом, которое впоследствии воспроизводится с экономией усилий, освобождая энергию и ресурсы на разработку инновационных решений [4, с. 38].

Так, в сфере туризма с 1 июля 2022 г. вступил в силу Федеральный закон от 20 апреля 2021 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах туристской деятельности в Российской Федерации” в части правового регулирования деятельности экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников» [5]. Теперь экскурсовод (гид) и гид-переводчик вправе оказывать услуги только при условии прохождения ими аттестации. Кроме того, тех же экскурсоводов, гидов, инструкторов, проводников и т.п. касается и закон о самозанятых гражданах, позволяющий заниматься законной предпринимательской деятельностью будучи плательщиком НПД, т.е. при минимальной налоговой нагрузке. Таким образом, в настоящее время деятельность экскурсоводов находится в процессе хаби́туализации, следствием чего становится введение ограничительных правил, а результатом будет институционализация отношений экскурсоводов и иных участников туристского рынка, что высвободит ресурсы на инновации, как условие развития сферы туризма.

Другим элементом матрицы туризма является цифровизация. Сегодня уровень развития цифровых инноваций – один из определяющих факторов конкурентоспособности национальной экономики. Цифровая экономика, реализу-

ющая цифровые инновации, представляет собой определенную систему экономических, социальных и культурных отношений, осуществляемых на основе использования цифровых ИКТ. Процесс цифровизации при этом предполагает переход от аналоговой к цифровой передаче информации. Преимуществами цифровизации является снижение стоимости туристских услуг по сравнению с традиционной экономикой туризма, рост производительности труда, появление возможностей для создания добавленной стоимости в туристской отрасли [6].

Результатом соединения институционализации туризма и его цифровизации во всем многообразии становится внедрение и реализация на практике концепции развития устойчивого внутреннего туризма. Устойчивое развитие туризма предполагает такое его состояние, при котором достигается баланс социально-экономических, экологических, культурных целей развития туристских дестинаций с учетом интересов всех институциональных субъектов туристского рынка, заинтересованных в его развитии на основе рационального использования туристских ресурсов, в том числе с помощью цифровых технологий, и партнерства между институциональными субъектами. Под институциональным субъектом туристского рынка авторы понимают субъектов, поведение которых ограничено системой формальных и неформальных норм и правил, выработанных при взаимодействии с другими участниками экономических отношений в сфере туризма.

Вместе с тем региональные рынки внутреннего туризма находятся в процессе динамичного развития, в результате возникают пограничные состояния, определяемые авторами как парадокс цифровизации туризма: с одной стороны,

институционализация высвобождает ресурсы для инновационной деятельности, в частности для цифровизации, цифровизация вместе с институционализацией обеспечивает реализацию концепции внутреннего устойчивого туризма. В результате ускорения роста спроса на внутренние туристские маршруты туристы стремятся использовать в целях удовлетворения своих туристских потребностей как стандартные институциональные связи (обращение к туроператорам и турагентам за готовыми организованными турами), так и цифровые институты, в которых за имплементацию выработанных правил в процессах функционирования данных институтов отвечают не третьи лица (чиновники, обслуживающий персонал и т.д.), а программные алгоритмы с их неизменной и заранее определенной в ходе выработки институциональных правил логикой. При превращении внутреннего туризма в массовый, а именно такая задача стоит перед российской экономикой, роль туроператоров будет снижаться по мере роста значимости экскурсионных услуг, а также иных непосредственных производителей туристских услуг. У туристов, напрямую обратившихся к ним, появится возможность реализовывать право на вариативность и самостоятельную комплектацию своего туристского путешествия. Таким образом, институционализация, с одной стороны, устанавливает правила, а с другой – развитие цифровых технологий приводит к борьбе с этими правилами в рамках меняющегося порядка.

Эмпирический анализ

Поскольку потребитель туристских услуг в настоящее время активно присутствует в сети Интернет, цифровизация сферы туризма предполагает совершенствование качества, увеличение числа, а иногда и укрупнение интернет-ресурсов туристской тематики. Наш взгляд, особое внимание надо уделять такому потребителю сегменту, как самостоятельные туристы, путешествующие по субъектам России. Территориальная близость городов, находящихся в регионах, отличных от постоянного места жительства туристов, заставляет граждан самостоятельно планировать поездки, в том числе с использованием личного автомобиля, без обращения к туроператорам и турагентам. В связи с этим сегодня назрела насущная необходимость в создании туристского помощника – мобильного приложения, которое с использованием заданных фильтров и исходных вводных способно будет проложить

маршрут самостоятельного туриста по городам и иным населенным пунктам. Пока же при самостоятельном планировании поездки туристы вынуждены пользоваться разнообразными форумами, на которых местные жители или бывалые путешественники размещают рекомендации к посещению тех или иных объектов туристского интереса, сайтами туристских информационных центров регионов, где представлены достопримечательности субъектов РФ, Яндекс.Картами, позволяющими проложить маршрут. В качестве пилотного проекта можно предложить создание мобильного приложения-конструктора туристского путешествия по региональным центрам Приволжского федерального округа.

В большинстве случаев в целях самостоятельного формирования туристского маршрута потенциальный турист вынужден собирать информацию из разных источников: вычленив достопримечательности на одних ресурсах, он должен занести их координаты на карту, рассчитать временные издержки на переход/переезд между объектами туристского интереса, определить, достаточно ли ему времени, которым он располагает, чтобы к назначенному часу достичь конечной точки маршрута, а также предусмотреть частотность и продолжительность приемов пищи в предприятиях общественного питания в зависимости от планируемой длительности нахождения в месте временного пребывания, убедиться, что данные предприятия находятся по маршруту следования туриста, выявить места нахождения общественных туалетов и др. В ряде случаев допускаем спонтанность решений относительно выбора объектов туристского интереса, продиктованных психолого-поведенческими характеристиками путешественников, а также посещением населенного пункта с транзитными целями в течение одного-двух часов, что, собственно, не позволяет планировать полноценную прогулку/поездку по достопримечательностям города. Однако пребывание в населенном пункте в течение более длительного времени, даже в пределах одних суток, с помощью приложения-конструктора путешествий может быть насыщено осмотром достаточного количества объектов туристского интереса, что является одним из главенствующих принципов формирования транспортных туров, а значит, рекомендуемое к созданию мобильное приложение может носить название «Сам себе туроператор».

Для реализации описываемой идеи мобильного приложения необходимо воспользоваться коммерческой версией Яндекс.Карт. Требуется-

ся пояснения по вынесенному предложению. Бесплатной версией API Яндекс.Карт можно пользоваться при создании приложений, доступ к которым может получить любой пользователь интернета, данное условие является бесспорной исходной характеристикой приложения-конструктора туристских путешествий, поэтому конфликта интересов между разработчиками карт и приложения не возникает. Однако не допускается использовать карты в бесплатной версии для автоматического ведения по маршруту, например в качестве навигатора. Кроме того, стоит отметить, что для сервиса «Матрица расстояний» и «Построение маршрутов между двумя точками» нет бесплатной версии. Матрица расстояний – это HTTP API, который дает возможность рассчитать продолжительность и длину маршрутов между несколькими точками, при этом расчет осуществляется для всех комбинаций пунктов отправления и назначения. Построение маршрута между точками – это HTTP API, позволяющий продолжить маршрут между заданными точками. Маршрут рассчитывается с учетом пробок и допустимых задержек на маневры. Применение указанного сервиса предполагает использование стандартной или расширенной версии коммерческой лицензии. Разница между этими видами лицензии заключается в возможности/невозможности сохранять или изменять данные, полученные через API. Минимальная стоимость стандартной версии лицензии составляет 14 000 руб. в месяц (120 000 руб. в год), а расширенной – 620 000 руб. в год при не более 1000 запросов в сутки. Для сервиса построения маршрутов между двумя точками за один запрос считается запрос на построение одного маршрута [7].

Старт приложения может предполагать использование стандартной коммерческой лицензии и даже бесплатной версии Яндекс.Карт путем нанесения на карты готовых невариативных маршрутов, дающих возможность туристам не самостоятельно выбирать достопримечательности и иные объекты туристского интереса из множества нанесенных на карты и определять последовательность их осмотра, а воспользоваться заранее проложенным маршрутом при среднем пребывании в населенном пункте (региональном центре) в течение одного-двух дней.

Окупаемость разработанного продукта может быть достигнута путем нативной рекламы, т.е. встроенных в мобильное приложение рекламных блоков, которые выглядят как часть интерфейса. Правильно встроенная нативная реклама не создает помех для пользователя приложением, минимизирует возникновение негативных эмоций. Рекламодателями могут стать субъекты

региональных и местных туристских рынков, экскурсионные бюро, самозанятые экскурсоводы, предприятия общественного питания, средства размещения и др. Монетизация мобильного приложения необходима в целях реализации социальной задачи по обеспечению бесплатного доступа и пользования услугами конструктора туристских путешествий физическими лицами – потенциальными экскурсантами и туристами различных субъектов России.

Коммерческая версия мобильного приложения должна дать возможность туристам выбрать оптимальный туристский маршрут по населенному пункту/населенным пунктам по заданным параметрам: наименование субъекта РФ, наименование населенного пункта/населенных пунктов, начальный/конечный пункт туристского маршрута, внутримаршрутные перевозки/переходы (вид транспорта, пешком, комбинированный), время старта и окончания путешествия, цель туристской поездки (осмотр достопримечательностей, посещение музеев, отдых на пляже, гастрономия и др.), количество приемов пищи с использованием услуг предприятий общественного питания, ночевка (их количество), ценовая категория средств размещения и предприятий общественного питания, добавление или удаление объектов показа, перерасчет маршрута с учетом пожеланий туриста. Вариативность маршрутов достигается путем присвоения объектам туристского интереса статуса объектов, соотносящихся с целями путешествия. В рассчитанный с помощью приложения маршрут должны быть автоматически добавлены общественные туалеты и возможные пункты зарядки мобильного устройства, поскольку в течение длительного нахождения в месте временного пребывания у туристов разряжаются телефоны и иные взятые в собой в поездку гаджеты. Кроме того, у потребителей туристских услуг должна быть возможность оперативной перестройки маршрута в случае спонтанного изменения предпочтений или задержки на маневры. Впоследствии мобильное приложение можно интегрировать с иными мобильными продуктами, позволяющими ознакомиться с историей каждого из объектов туристского интереса по ходу маршрута.

Рассмотрим в качестве примера построение маршрута по г. Самаре с учетом того, что туристы отправляются из г. Саратова. Поезд 059 летом 2022 г. отправлялся из Саратова в 23.09, после нахождения в пути в течение 9 ч прибывал в Самару в 08.09 по местному времени. В этот же день туристы планируют уезжать из Самары на теплоходе выше по Волге. Теплоход отходит

в 18.00 по местному времени. Таким образом, пункт начала путешествия – это железнодорожный вокзал Самары, располагающийся по адресу: Комсомольская площадь, 1. Конечный пункт пребывания – речной вокзал Самары, ул. Максима Горького, 82. Итого туристы будут пребывать в Самаре 11 часов, это достаточное время для осмотра большого количества достопримечательностей с учетом заявленной туристом цели путешествия – рекреация.

Проложенный маршрут должен быть прямоточным, т.е. не допускать повторного прохождения участков маршрута, если это не предусмотрено технологической целесообразностью. Представим часть 11-часового маршрута (от ул. Куйбышева, 72, особняк Белоусова, до станции метро «Алабинская»), предполагая, что турист добавил в качестве объекта туристского интереса поездку на метро от ст. «Алабинская» до ст. «Юнгородок» и обратно с выходом на ст. «Российская», а также отдых на пляже. Стоит учесть, что при использовании Яндекс.Карт физи-

ческие лица могут отложить только 10 пунктов маршрута, потом можно отправить построенный маршрут на почту или на телефон и переходить дальше к построению следующих участков пути, в связи с чем работа по созданию маршрута становится крайне долгой. Однако сперва воспользуемся быстрым способом – путеводителем, представленным на сайте Туристского информационного центра Самарской области. В целях возможности осуществления сравнительного анализа зададим исходную и конечную точки – те же ул. Куйбышева, 72 и ст. метро «Алабинская». Применим фильтры: уберем места размещения (11-часовое дневное пребывание в Самаре не предполагает ночевку), аренду и прокат, экскурсии и путешествия (турист именно в данном конкретном случае самостоятельно конструирует путешествие по областному центру, не прибегая к помощи специализированных туристских организаций), святыни. В результате получим автоматически проложенный маршрут между заданными пунктами (рис. 2).

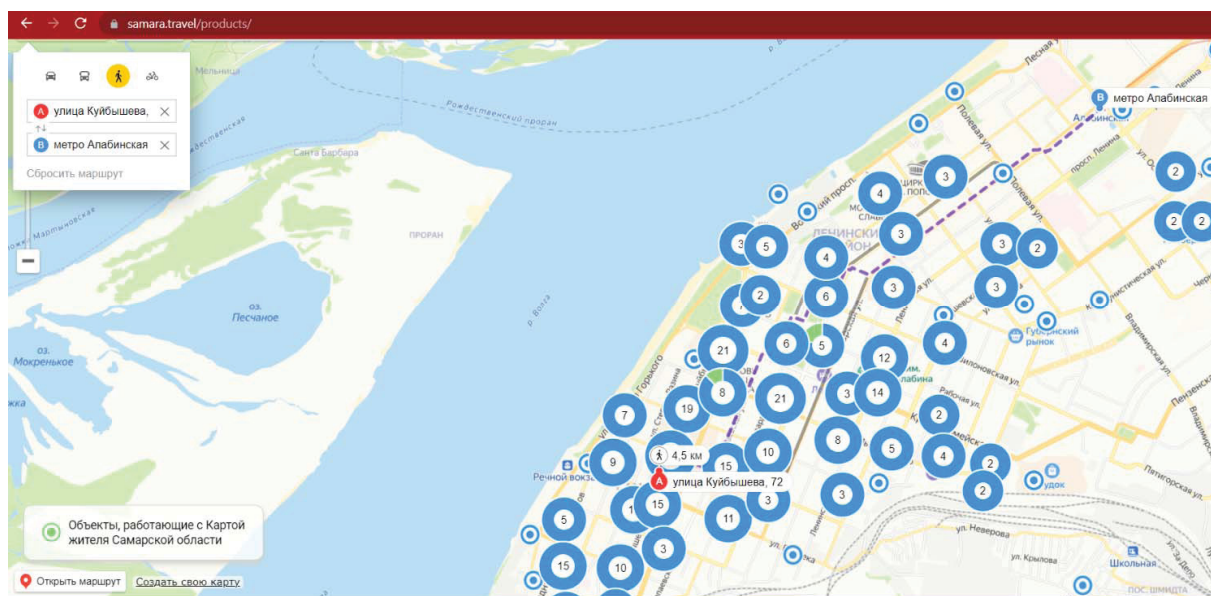

Рис. 2. Маршрут между ул. Куйбышева, 72 и станцией метро «Алабинская» г. Самары, построенный с помощью путеводителя ТИЦ Самарской области [8]

Fig. 2. The route between Kuibysheva street, 72 and Alabinskaya underground station in Samara, built with the help of the Samara region TECH guide [8]

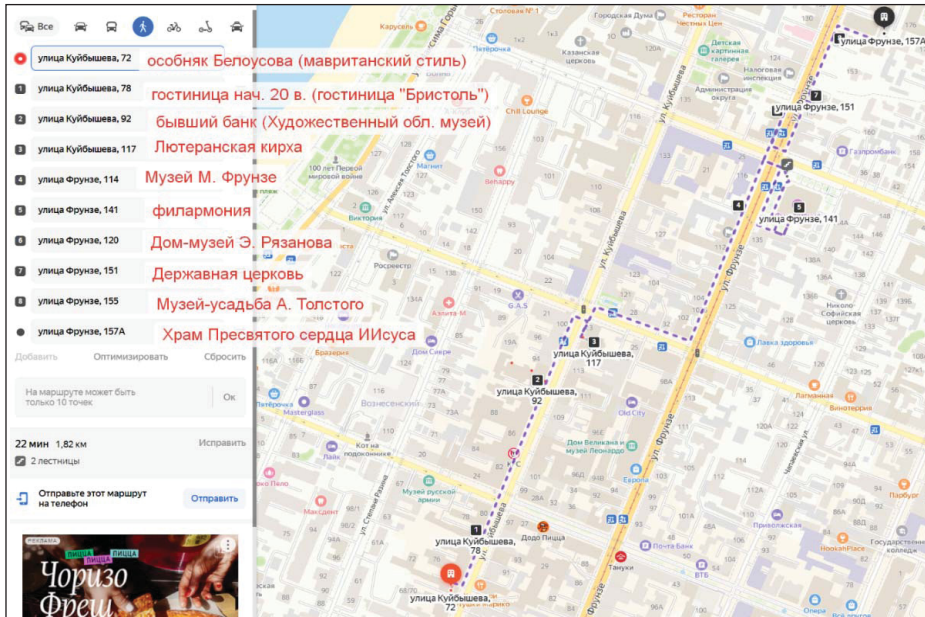
В данном маршруте обращает на себя внимание тот факт, что путеводитель ведет туриста по ул. Чапаевской, оставляя в стороне большое количество достопримечательностей, расположенных на одной из центральных улиц – улице Куйбышева. Таким образом, воспользовавшись предложенным маршрутом, турист не увидит комплекс Лютеранской кирхи, филармонию, дом-музей Э. Рязанова, красивейший Струков-

ский сад с архитектурно-скульптурной композицией, посвященной вальсу Ильи Шатрова «На сопках Маньчжурии», католический храм Пресвятого Сердца Иисуса. Проходя по пешеходной ул. Ленинградской, турист не доходит до ул. Молодогвардейской, а значит, не увидит бронзовый памятник шестиметровому дяде Степе, созданный знаменитым скульптором Зурабом Церетели.

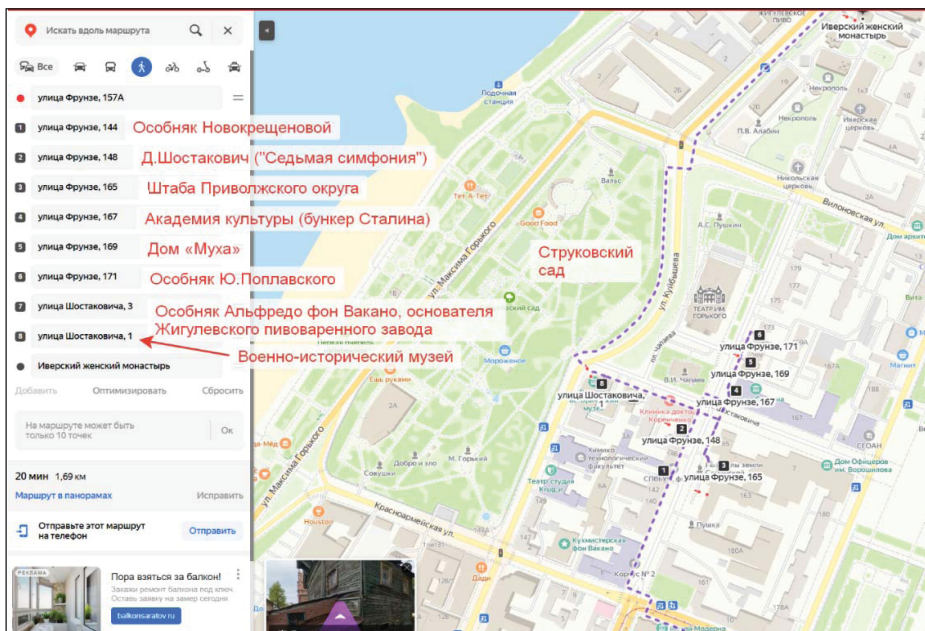

Однозначно при построении такого маршрута не учитываются туристские интересы проектирующего свое путешествие потенциального туриста, потому что задача Яндекс.Карт заключается в создании оптимального маршрута, прежде всего требующего минимальных временных затрат на доставку делающего запрос пользователя из пункта А в пункт Б. Кроме того, обилие объ-

ектов, представленных в путеводителе, делает выбор пути несведущим туристом – пользователем Яндекс.Карт крайне затруднительным. Именно поэтому Яндекс.Карт используется для создания мобильных приложений, заточенных под конкретную задачу. Рассмотрим туристский маршрут по заданным исходным точкам, сконструированный самостоятельно (рис. 3).

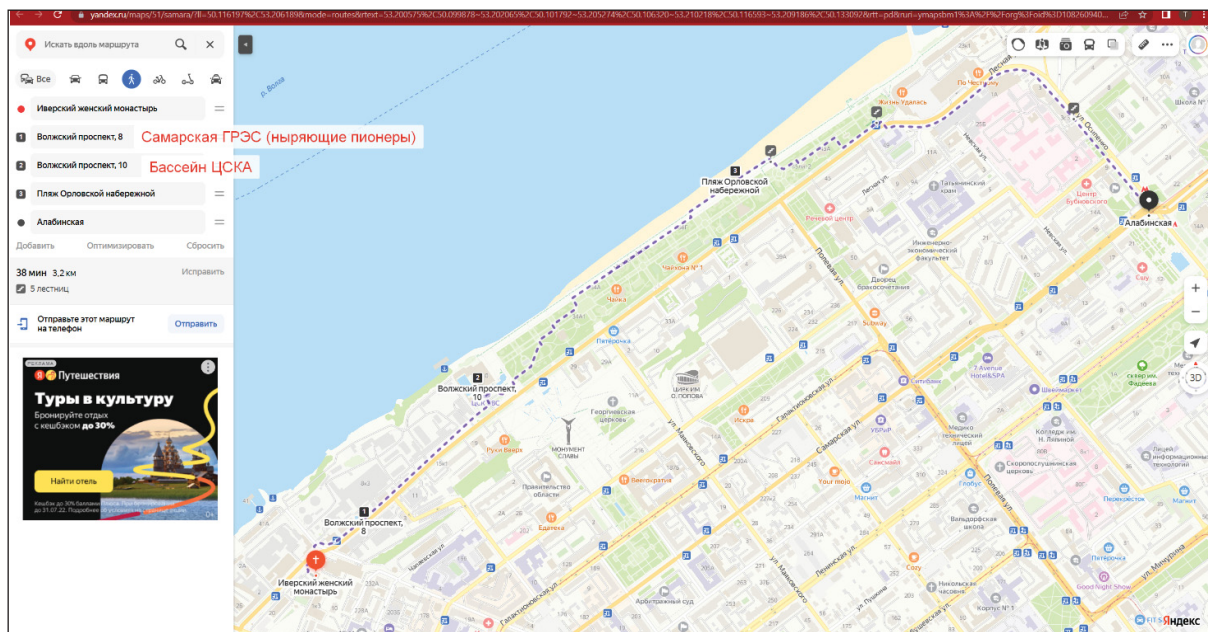

а/а

б/б

Рис. 3. Туристский маршрут между ул. Куйбышева, 72 и станцией метро «Алабинская» г. Самара, построенный Яндекс.Карт: а – начало, б – продолжение [9]
Fig. 3. A tourist route between Kuibysheva Street, 72 and Alabinskaya underground station in Samara, built by Yandex. Maps: a is the beginning, b is the continuation [9]

в/с

Окончание рис. 3. Туристский маршрут между ул. Куйбышева, 72 и станцией метро «Алабинская» г. Самары, построенный Яндекс.Карт: в – конец [9]

End of Fig. 3. A tourist route between Kuibysheva Street, 72 and Alabinskaya underground station in Samara, built by Yandex. Maps: c is the end [9]

Предложенный на рис. 3 маршрут отвечает туристским интересам пользователя потенциального мобильного приложения «Сам себе туроператор». Он предполагает комбинированное перемещение как с помощью пешего хода, так и на метро с осмотром красивейших его станций во время движения, посещение пляжа Орловской набережной, отдых и купание в Волге. По пути турист может посетить предприятие общественного питания, например «Додо Пицца». Примечательно, что люди склонны выбирать те предприятия общественного питания в местах временного пребывания, со стандартами обслуживания и качеством блюд которых они хорошо знакомы, поэтому, как правило, такими предприятиями становятся ресторанные сети, предприятия быстрого питания, получившие распространение на территории страны.

Таким образом, автоматизация конструирования туристского маршрута с учетом заданных параметров, режима работы объектов туристского интереса, особенностей поведенческих характеристик пользователей туристских услуг приведет к росту числа самостоятельных туристов, которые с использованием как личного автотранспорта, так и иных видов транспортных средств способны будут организовать свое путешествие, спланировав его за считанные минуты

и не огорчаясь, если набор туристов в число организованных групп завершен. С мобильным приложением каждый турист станет сам себе туроператором!

Результаты

Основополагающим принципом концепции развития внутреннего туризма является принцип его устойчивости, базирующийся на реализации партнерских институциональных отношений при посредничестве цифровых институтов. Сегодня запрос общественности на мобильные приложения является элементом процесса хабиутализации. Следовательно, создание мобильного приложения-конструктора туристских путешествий удовлетворит потребность потенциальных туристов в вариативности туристских маршрутов. По сути, подобное приложение – это вариация кастомизации, позволяющей производить массовый туристский продукт по индивидуальным заказам туристов. В результате наблюдается парадокс цифровизации туризма, когда цифровые технологии снижают роль типичных производителей типичных туристских услуг (туроператоров и турагентов), превращая их из главных игроков внутреннего туристского рынка в институциональные субъекты, деятельность которых ограничена ценностными нормами, проявляющимися

в многообразии запросов на вариативность туристских маршрутов, а значимость других институциональных субъектов, непосредственных производителей туристских услуг, благодаря цифровизации возрастает.

Список литературы

1. Туризм в России и в мире. 2022 год, итоги. URL: <https://corp.wtcmoscow.ru/services/international-partnership/actual/turizm-v-rossii-i-v-mire-2022-god-itogi/> (дата обращения: 05.05.2023).
2. Туризм в России бьет рекорды, внутри страны в 2022 году отдохнули 68 млн человек. URL: <https://www.kp.ru/russia/novosti-turizma-v-rossii/vnutrennij-rekord/> (дата обращения: 05.05.2023).
3. Темякова Т. В. Институционально-экономическое развитие механизмов ценовой конкуренции : дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2010. 197 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в части правового регулирования деятельности экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников» : федер. закон от 20 апреля 2021 г. № 93-ФЗ. Доступ из прав.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Черевичко Т. В., Темякова Т. В. Цифровизация туризма: формы проявления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 1. 2019. С. 59–64. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-1-59-64>
7. Цены и условия использования API Яндекс.Карт. URL: https://yandex.ru/dev/maps/commercial/?utm_source=undefined&utm_medium=undefined&utm_campaign=undefined (дата обращения: 25.04.2023).
8. Путеводитель ТИЦ Самарской области. URL: <https://samara.travel/products/> (дата обращения: 25.04.2023).
9. Яндекс.Карты. URL: <https://yandex.ru/maps/51/samara/> (дата обращения: 25.04.2023).

References

1. *Turizm v Rossii i v mire. 2022 god, itogi* (Tourism in Russia and in the world. 2022, results). Available at: <https://corp.wtcmoscow.ru/services/international-partnership/actual/turizm-v-rossii-i-v-mire-2022-god-itogi/> (accessed May 5, 2023) (in Russian).
2. *Turizm v Rossii b'yet rekordy, vnutri strany v 2022 godu otdokhnuli 68 mln chelovek* (Tourism in Russia is breaking records, 68 million people rested inside the country in 2022). Available at: <https://www.kp.ru/russia/novosti-turizma-v-rossii/vnutrennij-rekord/> (accessed May 5, 2023) (in Russian).
3. Temyakova T. V. *Institutional and economic development of price competition mechanisms*. Diss. Cand. Sci. (Econ.). Saratov, 2010. 197 p. (in Russian).
4. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow, Medium, 1995. 323 p. (in Russian).
5. *On amendments to the Federal Law "On the Basics of Tourist Activity in the Russian Federation" regarding the legal regulation of the activities of guides (guides), guides-interpreters and instructors-guides*". Federal Law 93-FZ of April 20, 2021. ATP «Consultant» [electronic resource] (in Russian).
6. Cherevichko T. V., Temyakova T. V. Digitalization of tourism: forms of manifestation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 59–64 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-1-59-64>
7. *Tseny i usloviya ispol'zovaniya API Yandeks.Kart* (Prices and terms of use of the Yandex.Maps API). Available at: https://yandex.ru/dev/maps/commercial/?utm_source=undefined&utm_medium=undefined&utm_campaign=undefined (accessed April 25, 2023) (in Russian).
8. *Putevoditel'TITS Samarskoy oblasti* (Travel guide of the Samara region TIC). Available at: <https://samara.travel/products/> (accessed April 25, 2023) (in Russian).
9. *Yandex.Maps*. Available at: <https://yandex.ru/maps/51/samara/> (accessed April 25, 2023) (in Russian).

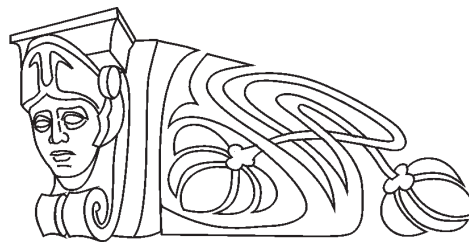
Поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 30.05.2023
The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 30.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 255–260
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 255–260
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-255-260>, EDN: XHEZGO

Научная статья
УДК 378

Сравнительный анализ моделей инновационной активности вузов

Л. Р. Мусина

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Мусина Лилия Рустэмовна, аспирант кафедры менеджмента организации, lilya.za@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9107-8566>

Аннотация. Введение. Вузы играют важную роль в формировании и передаче новых знаний, их применении и коммерциализации, становятся центрами интеллектуального развития, научных открытий и технологического прогресса. Инновационная активность является одним из ключевых факторов успеха вуза в сфере отечественного высшего образования. Это обуславливает актуальность рассмотрения направлений развития инновационной активности вузов, учитывая различные модели инновационной активности, этапы жизненного цикла вузов и их функции. **Теоретический анализ.** Проведен анализ моделей университетов (1.0–4.0) и рассмотрены методы реализации инноваций, а также ожидаемые результаты инновационной активности. В зависимости от выполнения вузом той или иной функции возникают различные результаты инновационной деятельности в зависимости от уровня инновационной активности вуза при выполнении каждой из этих функций и стадий жизненного цикла. Проанализированы направления развития инновационной активности вуза в зависимости от этапа его жизненного цикла и проведена сравнительная характеристика моделей вузов по методам инновационной активности. **Результаты.** Представлены ключевые направления развития инновационной активности вузов, среди которых укрепление связей с промышленностью и организациями для совместного проведения научных исследований, разработки и внедрения новых технологий, создание специальных программ и структур, поддерживающих инновационную деятельность, повышение финансовой поддержки инновационных проектов и инициатив, развитие культуры инноваций и предпринимательства.

Ключевые слова: инновационная активность, инновации, жизненный цикл, модели университетов, функции вуза

Для цитирования: Мусина Л. Р. Сравнительный анализ моделей инновационной активности вузов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 255–260. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-255-260>, EDN: XHEZGO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Comparative analysis of university models by their innovation activity

L. R. Musina

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Lilia R. Musina, lilya.za@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9107-8566>

Abstract. Introduction. Universities play an important role in the formation and transfer of new knowledge, its application and commercialization, becoming centers of intellectual development, scientific discoveries and technological progress. Innovative activity is one of the key success factors for a university in the field of domestic higher education. This determines the relevance of considering the directions of universities' innovative activity development, taking into account various models of innovative activity, stages of the universities' life cycle and their functions. **Theoretical analysis.** The analysis of university models (1.0–4.0) was carried out and the methods for implementing innovations, as well as the expected results of innovative activity, were considered. Depending on the performance of a particular function by a university, different results of innovation activity arise depending on the level of the university's innovative activity when performing each of these functions and stages of the life cycle. The directions of the university innovative activity development are analyzed depending on its life cycle stage and a comparative characteristic of the university's models according to the innovative activity methods is carried out. **Results.** The key directions for the universities innovative activity development are presented, including strengthening ties with industry and organizations for joint research, development and new technologies implementation, creation of special programs and structures that support innovation, increasing financial support for innovative projects and initiatives, developing a culture of innovation and entrepreneurship.

Keywords: innovation activity, innovation, life cycle, university models, university functions

For citation: Musina L.R. Comparative analysis of university models by their innovation activity. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 255–260 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-255-260>, EDN: XHEZGO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современном мире инновационная активность является ключевым фактором успешного развития и конкурентоспособности любой организации, включая вузы. Вузы играют важную роль в формировании и передаче новых знаний, их применении и коммерциализации. Они становятся центрами интеллектуального развития, научных открытий и технологического прогресса. Вузы активно привлекают финансирование для разработки и внедрения инноваций, создают стартап-инкубаторы и технопарки, способствуют развитию предпринимательства и инновационной экосистемы в регионе.

Инновационная активность – один из ключевых факторов успеха вуза в сфере отечественного высшего образования. Анализ моделей развития инновационной активности вузов связан с многими факторами. Жизненный цикл инновационной активности вуза представляет собой последовательность этапов, через которые он проходит в процессе развития и реализации своей инновационной стратегии. Этот цикл включает несколько ключевых стадий, начиная с формирования и развития инновационных структур и заканчивая поддержкой и устойчивостью инновационной активности.

Целью данной статьи является рассмотрение направлений развития инновационной активности вузов, учитывая различные этапы жизненного цикла вузов и их функций. Для этого будет проведен анализ моделей университетов (1.0–4.0) и рассмотрены методы реализации инноваций, а также ожидаемые результаты инновационной активности.

Результаты исследования помогут лучше понять роль и значимость инновационной активности вузов, а также определить практические шаги по ее усилению и развитию. Это имеет важное значение для повышения качества образования, подготовки квалифицированных специалистов и внедрения передовых технологий в различные сферы общественной жизни.

Основываясь на анализе моделей вузов и опыте различных учебных заведений, будут представлены рекомендации и практические решения, которые помогут вузам активно внедрять инновации, эффективно использовать свой потенциал и успешно справляться с вызовами современного информационного общества.

Теоретический анализ

Вуз выполняет несколько основных функций, включая образовательную, научно-ис-

следовательскую, инновационную и социально-культурную. В зависимости от выполнения вузом той или иной функции могут возникать различные результаты инновационной деятельности в зависимости от уровня инновационной активности учебного заведения при выполнении каждой из этих функций и стадий жизненного цикла. Особенности результатов инновационной активности вуза могут проявляться в зависимости от его функций.

В модели 1.0 вузы сконцентрированы на основной образовательной функции, предоставляя студентам знания и навыки в соответствии с установленными программами. Инновационная активность вузов на этом этапе обычно ограничивается базовым исследованием и внедрением известных методик и подходов. В модели 2.0 вузы начинают активно развивать научно-исследовательскую и инновационную деятельность, устанавливая сотрудничество с промышленными предприятиями, научными институтами и общественными организациями. В модели 3.0 инновационная активность вузов становится междисциплинарной и включает в себя совместные исследования, разработку инновационных проектов и реализацию совместных программ. В модели 4.0 вузы играют ведущую роль в инновационной сфере, становясь центрами развития и коммерциализации новых технологий и инноваций.

Рассмотрим направления развития инновационной активности вузов на этапах жизненного цикла для понимания их адаптации под различные модели (табл. 1) [1, с. 224].

На стадии зарождения акцент делается на создании инфраструктуры и поддержке стартапов. В период роста основное внимание уделяется научно-технической базе, партнерству с промышленностью и развитию академических программ [2, с. 108]. На стадии зрелости активизируются деятельность по созданию инновационных кластеров, участие в международных проектах и коммерциализации научных разработок. В период затухания происходит реорганизация и оптимизация структуры университета, а также поиск альтернативных источников финансирования и поддержка выпускников.

Эти направления помогают вузам эффективно развивать свою инновационную активность и достигать успехов в сфере научно-технического прогресса и промышленности.

Представим результаты инновационной активности по выполнению функций вуза (табл. 2) [3, с. 15].

Таблица 1 / Table 1

Этапы жизненного цикла инновационной активности вуза
Life cycle stages of a university's innovative activity

Этап жизненного цикла вуза	Направления развития инновационной активности
Зарождение	Создание технологических инкубаторов и инновационных центров
	Установление партнерских связей с индустрией и бизнесом
	Поддержка стартапов и коммерциализация идей
	Привлечение грантов и инвестиций в исследования и разработки
Рост	Укрепление научно-технической базы и лабораторий
	Развитие академических программ, направленных на инновации
	Участие в государственных и отраслевых научно-технических программах
	Расширение партнерства с промышленными предприятиями
	Профессиональное развитие персонала в области инноваций
Зрелость	Формирование инновационного кластера и технопарка
	Создание технологических трансферных центров
	Участие в международных исследовательских проектах
	Повышение эффективности коммерциализации научных разработок
	Развитие программы подготовки и обучения предпринимателей
Затухание	Реорганизация структуры университета
	Оптимизация научных и инновационных подразделений
	Перенаправление усилий на развитие других образовательных направлений
	Поиск альтернативных источников финансирования
	Поддержка выпускников и развитие сети

Таблица 2 / Table 2

Результаты инновационной активности по функциям вуза
Results of innovation activity by university functions

Функции вуза	Ожидаемые результаты инновационной активности
Образовательная	Повышение качества образования через инновационные методики и технологии
	Развитие инновационных образовательных программ и курсов
	Подготовка высококвалифицированных кадров в области инноваций
	Привлечение студентов к участию в научно-исследовательской деятельности
Научно-исследовательская	Увеличение объема и качества научных публикаций и исследований
	Разработка новых технологий, продуктов и услуг
	Участие в грантовых исследовательских проектах и программах
	Внедрение научных разработок в промышленность и практику
Инновационная	Создание стартапов и инновационных предприятий
	Трансфер технологий и коммерциализация научных разработок
	Поддержка инновационной деятельности студентов и преподавателей
	Взаимодействие с промышленными и инновационными партнерами
Социальная	Вовлечение студентов и преподавателей в социальные инновации
	Решение социальных проблем через инновационные подходы
	Поддержка предпринимательства и развития малого бизнеса
	Укрепление связей с общественностью и региональными структурами

В рамках образовательной функции ожидаются повышение качества образования, разработка инновационных образовательных программ и привлечение студентов к научно-исследовательской работе. Научно-исследовательская функция предполагает увеличение объема и качества научных публикаций, разработку новых технологий и их внедрение в промышленность. Инновационная функция направлена

на создание стартапов, трансфер технологий и поддержку инновационной деятельности студентов и преподавателей. Социальная функция включает в себя решение социальных проблем, поддержку предпринимательства и укрепление связей с общественностью [4, с. 72].

Представим сравнительную характеристику моделей вузов по методам инновационной активности (табл. 3) [5, с. 89].

Таблица 3 / Table 3

**Модели инновационной активности вузов
Models of universities innovation activity**

Модель университета	Характеристика модели	Методы реализации инновационной активности	Результаты инновационной активности
Вуз 1.0	Традиционная	Основное внимание уделяется образованию, малое внимание – инновациям	Ограниченное количество новых идей и инноваций
Вуз 2.0	Исследовательская	Развитие научно-исследовательской базы, академические свободы	Увеличение научных публикаций и исследовательских проектов
Вуз 3.0	Партнерская	Взаимодействие с промышленностью, сотрудничество с внешними организациями и инновационными центрами	Трансфер технологий, создание стартапов, коммерциализация научных разработок
Вуз 4.0	Интегрированная	Цифровая трансформация, внедрение инноваций в образовательный процесс, активное сотрудничество со стартапами и предприятиями	Инновационные образовательные программы, разработка новых технологий, индустриальная реализация инноваций

Можно предложить следующие ключевые направления развития инновационной активности для каждой из моделей [6, с. 151].

Вуз 1.0

Усиление академической деятельности: сосредоточиться на развитии качественных учебных программ, академическом исследовании и привлечении квалифицированных преподавателей.

Создание партнерств: стремиться к установлению партнерских отношений с предприятиями и организациями, чтобы сотрудничать в области исследований, стажировок и совместных проектов.

Привлечение студентов: сосредоточиться на усилении маркетинговых и привлекательных программ для студентов, чтобы привлечь больше кандидатов и обеспечить разнообразие студенческого сообщества.

Развитие инфраструктуры: развивать инфраструктуру университета, включая обновление и модернизацию учебных помещений, библиотек и лабораторий, чтобы предоставить современные ресурсы для студентов и исследователей.

Вуз 2.0

Интеграция с индустрией: стремиться к укреплению связей с промышленными и коммер-

ческими секторами, чтобы развивать совместные исследования, технологические трансферы и стажировки для студентов.

Повышение гибкости в учебных программах: предлагать более гибкие форматы обучения, включая онлайн-курсы, смешанное обучение и модульные программы, чтобы соответствовать потребностям разных студентов.

Развитие предпринимательства: сосредоточиться на развитии культуры предпринимательства, поддержке стартапов и коммерциализации исследований студентами и преподавателями.

Междисциплинарные исследования: стимулировать сотрудничество между различными дисциплинами и факультетами для проведения комплексных исследовательских проектов и решения сложных проблем.

Вуз 3.0

Глобальное сотрудничество: активно сотрудничать с университетами и исследовательскими организациями в разных странах для обмена знаниями, опытом и проведения международных исследовательских проектов.

Инновационные формы обучения: экспериментировать с инновационными методами обучения, такими как геймификация, виртуальная

реальность, искусственный интеллект и другие технологии для улучшения образовательного процесса.

Социальная ответственность: активно вкладываться в социальные проекты и инициативы, направленные на решение социальных и экологических проблем и формирование гражданского сознания у студентов.

Развитие инновационной инфраструктуры: создавать инновационные центры, технопарки и инкубаторы стартапов, чтобы поддерживать предпринимательскую активность и коммерциализацию идей и разработок [7, с. 52].

Вуз 4.0

Искусственный интеллект и автоматизация: активно исследовать и применять искусственный интеллект, машинное обучение и автоматизацию в различных областях, включая образование, исследования и управление университетом.

Гибкая и персонализированная система обучения: предлагать индивидуализированные образовательные программы, адаптированные под потребности каждого студента, с использованием технологий аналитики данных и адаптивного обучения.

Революция в науке и исследованиях: активно исследовать передовые области науки, такие как квантовые вычисления, биотехнологии и другие, и стимулировать междисциплинарные исследовательские проекты.

Подготовка к будущим профессиям: быть готовым к изменениям на рынке труда и активно сотрудничать с индустрией, чтобы обеспечить подготовку студентов к будущим профессиям, включая цифровые навыки, управление инновациями и предпринимательство [8, с. 13].

Результаты

Таким образом, инновационная активность вузов имеет огромное значение для развития общества и экономики. Вузы играют ключевую роль в формировании и передаче знаний, научных исследований, разработке новых технологий и их коммерциализации.

В статье были рассмотрены различные модели вузов (1.0–4.0) и их характеристики, методы реализации инновационной активности и ожидаемые результаты. Анализ этих моделей позволяет вузам лучше понять свои возможности и потенциал в области инноваций, а также определить оптимальные стратегии развития.

Ключевыми направлениями развития инновационной активности вузов являются: укрепление связей с промышленностью и орга-

низациями для совместного проведения научных исследований, разработки и внедрения новых технологий; создание специальных программ и структур, поддерживающих инновационную деятельность, включая инкубаторы, технопарки и инновационные центры; повышение финансовой поддержки инновационных проектов и инициатив, в том числе через государственные программы и венчурные инвестиции; развитие культуры инноваций и предпринимательства среди студентов и преподавателей; внедрение инновационных образовательных программ; усиление международного сотрудничества и обмена опытом с ведущими университетами и научными центрами.

Список литературы

1. Пономарева О. Н. Методы взаимодействия университета с участниками инновационной экосистемы // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11, № 12А. С. 224–233. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.31.59.008>
2. Шишов А. В. Инновационный компонент в содержании моделей университетов // Финансовый бизнес. 2021. № 12. С. 108–109.
3. Клытин А. В., Вьюнов С. С., Захаревич Е. В., Тихонов Р. А. Методологический подход определения вклада патентной и инновационной активности вузов в научно-технологическое развитие страны // Экономика науки. 2021. Т. 7, № 1. С. 4–18. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2021-7-1-4-18>
4. Пономарева О. Н. Модели университетов, обеспечивающие развитие инновационной деятельности // Экономические исследования и разработки. 2020. № 7. С. 70–79. EDN: OLVJTR
5. Мамаева Л. Н. Инновационная активность высших учебных заведений // Международное сотрудничество вузов государств – участников Содружества Независимых Государств. Роль технических университетов в формировании единого научно-технологического и образовательного пространства СНГ : сб. науч. ст. / под ред. А. А. Александрова, В. К. Балтяна. М. : Ассоциация технических университетов, 2021. С. 89–92.
6. Клабукова А. А., Шишов А. В. Инновационная активность и конкурентоспособность вузов // Финансовый бизнес. 2021. № 6. С. 150–153. EDN: IIGFWI
7. Авдеева Е. С. Особенности поведения студентов в условиях цифровой экономики и инновационной активности // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 3. С. 50–57. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2022-3-50-57>
8. Сулейманов С. Ф. Использование интерактивных технологий при обучении студентов в вузе // Педагогика & Психология. Теория и практика. 2022. № 4 (42). С. 13–17. EDN: MLSNXO

References

1. Ponomareva O. N. Methods of interaction of the university with the participants of the innovation ecosystem. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2021, vol. 11, no. 12A, pp. 224–233 (in Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2021.31.59.008>
2. Shishov A. V. Innovative component in the content of university models. *Finansovyy biznes* [Financial Business], 2021, no. 12, pp. 108–109 (in Russian).
3. Klypin A. V., Vyunov S. S., Zakharevich E. V., Tikhonov R. A. Methodological approach to determining the contribution of patent and innovation activity of universities to the country scientific and technological development. *The Economics of Science*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 4–18 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2021-7-1-4-18>
4. Ponomareva O. N. Models of universities that ensure the development of innovative activities. *Economic Development Research Journal*, 2020, no. 7, pp. 70–79 (in Russian). EDN: OLJVTR
5. Mamaeva L. N. Innovative activity of higher educational institutions. In: Aleksandrov A. A., Baltian V. K. (eds.) *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo vuzov gosudarstv – uchastnikov Sotrudzhestva Nezavisimykh Gosudarstv. Rol' tekhnicheskikh universitetov v formirovani edinogo nauchno-tekhnologicheskogo i obrazovatel'nogo prostanstva SNG* [International cooperation of universities of the member states of the Commonwealth of Independent States. The role of technical universities in the formation of a unified scientific, technological and educational space of the CIS]. Moscow, Association of Technical Universities, 2021, pp. 89–92 (in Russian).
6. Klabukova A. A., Shishov A. V. Innovative activity and competitiveness of universities. *Finansovyy biznes* [Financial Business], 2021, no. 6, pp. 150–153 (in Russian). EDN: IIGFWI
7. Avdeeva E. S. Student behavior in digital economy and innovation activity. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2022, vol. 22, no. 3, pp. 50–57 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2022-3-50-57>
8. Suleymanov S. F. The use of interactive technologies in teaching students at the university. *Pedagogy & Psychology. Theory and Practice*, 2022, no. 4 (42), pp. 13–17 (in Russian). EDN: MLSNXO

Поступила в редакцию 29.05.2023; одобрена после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 27.06.2023
The article was submitted 29.05.2023; approved after reviewing 21.06.2023; accepted for publication 27.06.2023

УПРАВЛЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 261–268

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 261–268
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-261-268>

EDN: WWKHAM

Научная статья
УДК 338.1+338.001.36

Имущественные и неимущественные риски в системе российского корпоративного управления

Е. В. Волкодавова ✉, В. В. Жалнин

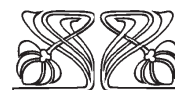
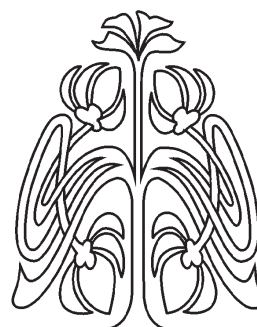
Самарский государственный экономический университет, Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

Волкодавова Елена Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, vev.sseu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3335-2016>

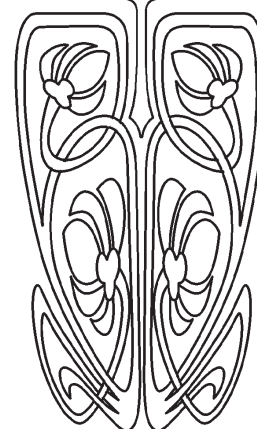
Жалнин Василий Владимирович, аспирант кафедры менеджмента, kodeks.samara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0004-3087-905X>

Аннотация. *Введение.* Корпорации сегодня являются основой экономики любого государства, а в рамках корпоративного управления согласовываются и принимаются ключевые стратегические решения, определяющие судьбу компаний. Соответственно, проблема управления рисками корпоративного управления является одной из ключевых экономических проблем, так как затрагивает интересы не только участников корпоративных отношений, но и огромного числа экономических агентов. *Теоретический анализ.* В статье приведены взгляды российских ученых на характеристики и классификации рисков корпоративного управления, даны определения имущественного и неимущественного рисков, рассмотрены причины их возникновения, а также механизмы воздействия на корпорацию, ее участников, кредиторов, публично-правовые образования. Также проведено разграничение объективно существующего нормального предпринимательского риска от преимущественно субъективных по своей природе рисков корпоративного управления. *Эмпирический анализ.* На основе статистических данных о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности показано, что количество банкротств российских компаний из-за проявления рисков корпоративного управления неуклонно растет. *Результаты.* Разработана авторская типология рисков корпоративного управления, характеристика их взаимосвязи и взаимозависимости. Выявлены имущественные и неимущественные риски корпоративного управления, влияние которых на деятельность российских корпораций в настоящее время наиболее существенно. Среди них выделены те, к которым возможно адаптироваться в современных условиях ведения бизнеса. Сделан вывод о том, что в процессе управления корпоративными рисками на основе использования существующих в России институтов корпоративного права и их комбинаций полностью свести на нет возникновение и проявление рассматриваемых рисков невозможно. Тем не менее, обеспечить необходимый взаимный контроль субъектов корпоративных отношений, ограничив их возможности действовать недобросовестно и неразумно в ущерб компании, – вполне достижимая задача.

Ключевые слова: корпорация, корпоративное управление, имущественные и неимущественные риски корпоративного управления, управление рисками, ненадлежащее управление, неопределенность

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Волкодавова Е. В., Жалнин В. В. Имущественные и неимущественные риски в системе российского корпоративного управления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 261–268. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-261-268>, EDN: WWWKHAM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Property and non-property risks in the Russian corporate governance system

E. V. Volkodavova , V. V. Zhalnin

Samara State University of Economics, 141 Sovetskoi Armii St., Samara 443090, Russia

Elena V. Volkodavova, vev.sseu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3335-2016>

Vasily V. Zhalnin, kodeks.samara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0004-3087-905X>

Abstract. Introduction. Corporations today are the basis of any state's economy, and within the framework of corporate governance, key strategic decisions are made that determine the fate of corporations. Accordingly, the problem of corporate governance risk management is one of the key economic problems, as it affects the interests of not only the participants of corporate relations, but also a huge number of economic agents. **Theoretical analysis.** The article presents the views of Russian scientists on the characteristics and classification of corporate governance risks, defines the property and non-property risks of corporate governance, considers the causes of their occurrence, as well as the mechanisms of influence on the corporation, its participants, creditors, public law entities. Also, a distinction is made between the objectively existing normal business risk and the predominantly subjective risks of corporate governance. **Empirical analysis.** Based on statistical data on bringing controlling persons to subsidiary liability, it is shown that the number of bankruptcies of Russian companies due to the manifestation of corporate governance risks is steadily growing. **Results.** The author's typology of corporate governance risks, characterized by their relationship and interdependence is developed. Property and non-property risks of corporate governance are identified, the impact of which on the activities of Russian corporations is currently the most significant. Among them are those to which it is possible to adapt in the modern conditions of doing business. It is concluded that in the process of managing corporate risks based on the use of corporate law institutions existing in Russia and their combinations, it is impossible to nullify completely the occurrence and manifestation of the risks in question. Nevertheless, to ensure the necessary mutual control of the corporate relations subjects, limiting their ability to act in bad faith and unreasonably to the detriment of the company, is quite an achievable task.

Keywords: corporation, corporate governance, property and non-property risks of corporate governance, risk management, mismanagement, uncertainty

For citation: Volkodavova E. V., Zhalnin V. V. Property and non-property risks in the Russian corporate governance system. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 261–268 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-261-268>, EDN: WWWKHAM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Риски свойственны любой человеческой деятельности, экономической – особенно. В 1990-е гг., с возникновением и постепенным развитием в России корпоративной формы организации бизнеса на основе законодательства о юридических лицах и создания соответствующей нормативно-правовой базы и «правил поведения» экономических субъектов, а также в дальнейшем, когда в Гражданский кодекс РФ Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ было введено понятие «корпорация», определены признаки и виды корпоративных юридических лиц, отечественные авторы все большее внимание стали уделять проблемам корпоративного управления, а также присутствующим ему рискам [1, 2]. Корпорации сегодня являются основой экономики любого государ-

ства, а в рамках корпоративного управления согласовываются и принимаются ключевые стратегические решения, определяющие их судьбу. Соответственно, проблема управления рисками корпоративного управления является одной из ключевых экономических проблем, так как затрагивает интересы не только участников корпоративных отношений, но и огромного числа экономических агентов. Риск – это вероятность наступления неблагоприятных событий при негативном стечении обстоятельств. Несмотря на то что корпоративное управление традиционно считается наиболее оптимальным организационно-экономическим механизмом, применяемым в управлении компаниями на уровнях волеизъявления и воле реализации, ему свойственно большое количество проблем и сопряженных с ними рисков.

Теоретический анализ

С целью проведения теоретического анализа рисков корпоративного управления, выявления их особенностей и причин возникновения, а также инструментов их снижения считаем необходимым классифицировать такие риски по объекту воздействия на имущественные и неимущественные.

По мнению авторов, в отечественной литературе изучению рисков корпоративного управления, в том числе их классификации уделяется недостаточно внимания. Разграничение этих рисков на имущественные и неимущественные до настоящего момента не проводилось. Так, А. Н. Багрянцев проводит классификацию рисков по субъектам корпоративных отношений, от которых они исходят, и выделяет следующие их виды: риск конфликта между различными группами интересов; риск ущемления интересов миноритарных акционеров со стороны мажоритарных акционеров; риск корпоративного шантажа и противодействия со стороны миноритарных акционеров; риск, связанный с недостаточным уровнем профессионализма членов органов управления; риски, связанные с недобросовестными действиями менеджмента и т. д. [3]. В своей статье А. Ю. Жданов классификацию рисков корпоративного управления как таковую не приводит, а лишь перечисляет некоторые их виды: риск снижения стоимости бизнеса; риск обесценения или потери активов и имущества; риски чрезмерного или недостаточного контроля за менеджментом; риск снижения инвестиционной привлекательности; риск возникновения корпоративных конфликтов [4]. Е. О. Красильникова выделяет три группы рисков корпоративного управления: риски реализации прав акционеров; риски деятельности органов управления; риски раскрытия коммерческой информации [5]. Н. М. Манян касается лишь рисков, связанных с деятельностью совета директоров: риск низкого качества управления советом директоров; риск получения советом директоров некорректной информации от менеджеров; риск избрания ненадлежащих членов совета директоров [6]. Е. А. Дубовицкая приводит классификацию рисков по принципу источника их происхождения (внешние и внутренние), а также по принципу субъектности риска (риски для акционеров, риски для менеджеров и риски для различных категорий стейкхолдеров) [7].

С точки зрения выявления особенностей и механизмов влияния рисков корпоративного управления на деятельность современных

российских корпораций считаем наиболее актуальным выделение таких классификационных признаков, как имущественный и неимущественный. Данная классификация позволяет понять, на какую сферу в первую очередь (имущественную или неимущественную) оказывает влияние тот или иной риск, а также определить механизм такого влияния, раскрыть взаимозависимость имущественных и неимущественных рисков.

Имущественный риск в корпоративном управлении – это вероятность неполучения, недополучения прибыли на вложенный капитал, утраты и снижения стоимости активов корпорации, ее участников, кредиторов, поручителей, публично-правовых образований и иных заинтересованных лиц в результате неразумных и (или) недобросовестных действий (бездействия) руководителей.

Под руководителями в данном случае целесообразно понимать не только высший менеджмент (членов исполнительных органов, традиционно относимых к агентам в корпоративном управлении), но и любых лиц, осуществляющих фактическое управление корпорацией (с точки зрения как волеобразования, так и волеуверования), будь то контролирующие участники, члены совета директоров, иные бенефициары или заинтересованные лица. Необходимо также подчеркнуть, что имущественный риск в корпоративном управлении связан именно с действиями (бездействием) руководителей и, соответственно, зависит от них, а не от каких-то иных обстоятельств, т. е. носит исключительно субъективный характер. Напротив, существует понятие нормального предпринимательского риска, который носит объективный характер, имеет место всегда, вне зависимости от воли участников корпоративных отношений или кого бы то ни было другого. Такой риск не является предметом нашего исследования и в данной статье не рассматривается.

Неимущественный риск в корпоративном управлении – это вероятность наступления тех или иных событий в процессе управления корпорацией на уровнях волеобразования и (или) волеуверования, сразу и непосредственно не влияющих на экономическую ситуацию, но косвенно способных негативным образом сказаться на имущественном положении самой корпорации, ее участников, кредиторов, поручителей, публично-правовых образований и иных заинтересованных лиц.

Неимущественные корпоративные риски, в отличие от имущественных, могут носить как

объективный, так и субъективный характер. Например, риск возникновения конфликта интересов между участниками корпоративных отношений во многих случаях имеет объективный характер, учитывая различные интересы агентов и принципалов в системе корпоративного управления. Тем не менее, такой риск влечет за собой иные риски корпоративного управления, как имущественные, так и не имущественные, являющиеся субъективными. В частности, риск нарушения внутрикорпоративных процедур выбора и контроля носит очевидный субъективный характер, так как связан с действиями (бездействием) конкретных субъектов системы корпоративного управления.

Эмпирический анализ

С целью выявления практической значимости для российской экономики проблемы управления рисками корпоративного управления, а также распространенности их проявления представляется целесообразным изучить динамику привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц российских компаний в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) за последние несколько лет. Каждый факт привлечения того или иного контролирующего лица несостоятельной компании к субсидиарной ответственности связан с проявлением тех или иных рисков корпоративного управления (рис. 1).

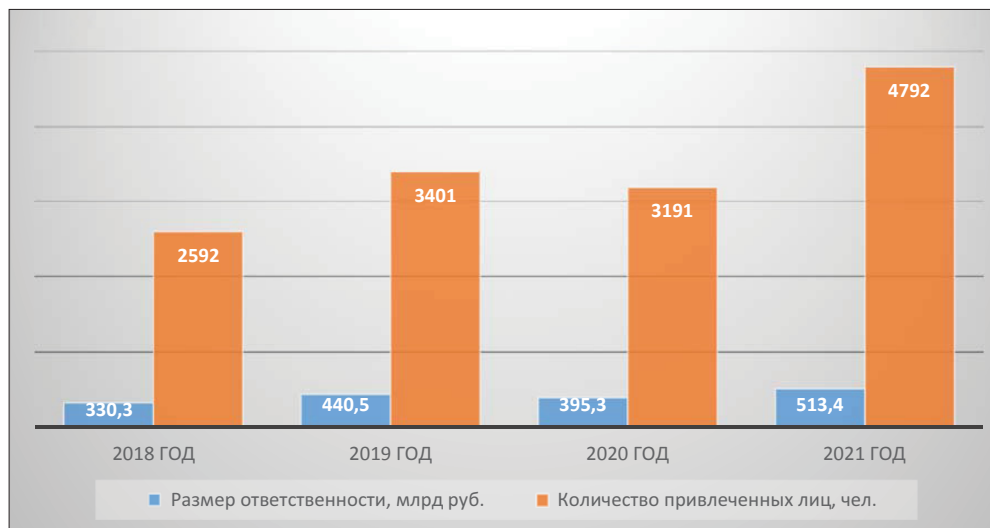

Рис. 1. Динамика привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц российских компаний (по данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве) (цвет онлайн)
Fig. 1. Dynamics of bringing Russian companies' controlling persons to subsidiary liability (according to the Unified Federal Register of Bankruptcy Information) (color online)

Статистические данные показывают, что количество контролирующих лиц российских несостоятельных компаний, привлекаемых к субсидиарной ответственности, растет, как растет и размер их имущественной ответственности [8]. Данное обстоятельство указывает на увеличение имущественного ущерба от проявления рисков корпоративного управления как для отдельных экономических агентов, так и для экономики в целом. В то же время, несмотря на привлечение судами контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, во многих случаях это не приводит к фактическому взысканию с них соответствующих сумм и не позволяет погасить задолженность несостоятельной компании перед всеми конкурсными

кредиторами. В 2020 г. некоторое снижение данных показателей по сравнению с 2019 г., видимо, обусловлено последствиями пандемии коронавируса. Общий рост показателей привлечения к субсидиарной ответственности связан, в первую очередь, с ужесточением законодательства и формированием судебной практики в данной области. По всей видимости, можно ожидать их дальнейшего повышения, так как банкротства российских компаний традиционно в значительной степени связаны с недобросовестными действиями руководителей, т. е. с проявлением рисков корпоративного управления.

Таким образом, эмпирические данные свидетельствуют о важности проблемы управления рисками корпоративного управления и на этой

основе снижения негативных экономических последствий для российских компаний и иных заинтересованных лиц (в частности, снижения числа банкротств по причине ненадлежащего управления). В настоящее же время российскому обществу (в лице конкурсных кредиторов, уполномоченных и судебных органов) приходится бороться преимущественно с последствиями проявления рисков корпоративного управления.

Результаты

На практике с имущественными корпоративными рисками чаще всего можно столкнуться при одобрении и заключении сделок. Если при их одобрении и заключении руководители действуют недобросовестно и (или) неразумно, такие сделки могут напрямую негативно влиять на имущественное положение самой корпорации и всех иных заинтересованных лиц. Порой одна или несколько подобных сделок могут привести корпорацию к несостоятельности (банкротству). С экономической точки зрения имеют значение не только имущественные корпоративные риски, возникающие для самой корпорации, но и соответствующие риски, возникающие для ее участников, кредиторов, публично-правовых образований.

Участники (акционеры) являются владельцами долей (акций), составляющих уставный капитал корпорации. Очевидно, что стоимость принадлежащих им долей (акций) так или иначе будет снижаться в случае заключения корпорацией невыгодных сделок. Помимо этого, невыгодные сделки компании напрямую будут негативно влиять на размер ее чистых активов и, соответственно, на действительную стоимость доли каждого участника непубличной корпорации, на выплату которой он сможет рассчитывать при выходе из общества. Аналогичная ситуация будет и с ликвидационным остатком, на который имеют право участники при ликвидации компании. Данные риски участников корпораций являются по своей сути рисками утраты или снижения стоимости вложенного капитала либо рисками неполучения (недополучения) прибыли на вложенный капитал. Однако неблагоприятные имущественные последствия для некоторых из них могут этим не ограничиться. В том случае, когда участники своими действиями (бездействием) способствовали или были инициаторами заключения подобных невыгодных сделок, они могут быть привлечены к имущественной ответственности по инициативе самой корпорации, других

ее участников, членов органов управления и, соответственно, должны будут возместить причиненный корпорации ущерб [9]. Такой риск можно считать имущественным риском ненадлежащего управления.

Очевидно, что принятие ненадлежащих управленческих решений несет также риск возникновения негативных имущественных последствий для кредиторов компании. Это проявляется в полной или частичной неспособности предприятия удовлетворить требования кредиторов. В данном случае можно сказать, что субъективный имущественный риск корпоративного управления, связанный с возникновением неплатежеспособности, за некоторыми исключениями, является нормальным предпринимательским риском, носящим объективный характер для его кредиторов, т. е. отражает положение неопределенности для кредиторов, которое невозможно предсказать и существенным образом на него повлиять. Исключениями в данном случае можно считать лишь ситуации, в которых руководители самого предприятия-кредитора действуют недобросовестно и (или) неразумно во взаимоотношениях с неплатежеспособной корпорацией, самостоятельно повышая собственные риски.

Аналогичным образом будут возникать имущественные риски для публично-правовых образований (Российской Федерации, субъектов Федерации, муниципальных образований), когда ненадлежащим образом управляемая корпорация по причине собственной неплатежеспособности не сможет своевременно и в полном объеме выполнять свои обязанности по уплате налоговых и неналоговых платежей в бюджет, исполнять в установленные сроки свои обязанности по государственным и муниципальным контрактам.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что проблема управления имущественными рисками корпоративного управления носит не только частный (локальный) характер, но и непосредственным образом влияет на публичные интересы, на экономическую ситуацию в стране в целом.

В большинстве случаев неимущественные по своей природе риски корпоративного управления так или иначе могут приводить к возникновению рисков имущественного характера. Так, например, неимущественный по своей сути риск искажения (сокрытия) информации вполне может привести к принятию неправильных управленческих решений органами управления корпорации, что в свою очередь мо-

жет привести к наступлению неблагоприятных последствий для имущественного положения предприятия, его участников, кредиторов, сотрудников, публично-правовых образований и иных заинтересованных лиц. В частности, действуя из оппортунистических соображений, менеджмент может вынести на рассмотрение совета директоров или общего собрания участников (акционеров) компании вопрос об одобрении крупной сделки по приобретению дорогостоящего объекта основных средств у того или иного «дружественного» менеджменту поставщика по объективно завышенной цене, предоставив искаженную информацию о его свойствах и характеристиках, а также ценах иных поставщиков. Если сделка будет одобрена и в дальнейшем заключена, корпорации будет нанесен имущественный ущерб. То есть, неимущественный корпоративный риск в данном случае повлиял на возникновение имущественного корпоративного риска. Аналогично повышение неимущественного риска возникновения внутрикорпоративных конфликтов, безусловно, способствует одновременному увеличению рисков имущественных, причем для всех участников корпоративных отношений, а не только для самой корпорации.

В практике корпоративного управления зачастую возникают ситуации, когда различные группы акционеров (участников) по-разному видят цели и задачи компании. Например, одна группа участников, поддерживаемая менеджментом, желает реализовать тот или иной масштабный инвестиционный проект и для его финансирования предлагает увеличить уставный капитал компании за счет дополнительных вкладов всех участников. Другая группа участников выступает против этого, так как не готова дополнительно инвестировать в деятельность компании либо не считает данный инвестиционный проект достаточно выгодным. Принципиальная позиция каждой из таких групп по данному вопросу и отсутствие готовности идти на компромисс, скорее всего, создаст конфликтную ситуацию внутри корпорации. Далеко не всегда подобный конфликт удастся разрешить путем переговоров и прийти к единому мнению, особенно если одна из сторон конфликта чувствует себя сильнее другой. В этих условиях конфликтующие стороны стремятся заблокировать инициативы друг друга, используя законные и не вполне законные инструменты: обжалуют решения органов управления, пытаются ограничить друг друга в возможности реализации корпоративных прав,

лишить корпоративного контроля и т. д. [10]. Соответственно, нормальная работа предприятия становится весьма затруднительной. Тем более подобные конфликты, как правило, сопровождаются рассмотрением корпоративных споров в арбитражных судах, о чем, безусловно, становится известно неограниченному кругу лиц, в том числе действующим и потенциальным контрагентам компании. Риски сотрудничества с такой компанией повышаются, она начинает терять клиентов и нести убытки. Кроме того, в ходе корпоративного конфликта участники, не желающие вносить дополнительные вклады в уставный капитал, при принятии решения о его увеличении квалифицированным большинством могут потребовать выплаты действительной стоимости принадлежащих им долей в уставном капитале, что также может негативно отразиться на имущественном положении корпорации.

Неимущественный риск нарушения внутрикорпоративных процедур выбора и контроля, связанный с недобросовестными и (или) неразумными действиями или бездействием субъектов корпоративных отношений, также может привести, и зачастую приводит, к повышению имущественных корпоративных рисков. В частности, избрание (назначение) в состав исполнительных органов корпорации лиц, не обладающих необходимыми опытом и квалификацией, ожидаемо приведет к повышению имущественных рисков корпоративного управления. Аналогичным образом на имущественные риски корпоративного управления будет воздействовать отсутствие или ненадлежащий контроль исполнительных органов корпорации со стороны совета директоров и ревизионной комиссии.

В свою очередь, имущественные риски корпоративного управления тоже могут оказывать влияние на риски неимущественные. Например, проявление таких имущественных рисков, как риск получения отрицательного финансового результата и риск утраты (снижения стоимости) вложенного капитала, влияет на повышение риска корпоративных конфликтов, а риск возникновения объективного банкротства повышает риск утраты корпоративного контроля.

Очевидно, что в столь сложных по своей экономической и правовой природе корпоративных отношениях, являющихся общественными отношениями по поводу членства и управления в корпорации, постоянно возникают риски как имущественного, так и неимущественного характера: риск возникно-

вения конфликта интересов и корпоративных конфликтов (неимущественные); риск утраты корпоративного контроля (неимущественный); риск неполучения и (или) искажения информации (неимущественный); риск нарушения внутрикорпоративных процедур выбора и

контроля (неимущественный); риск получения отрицательного финансового результата (имущественный); риск возникновения неплатежеспособности (имущественный); риск наступления объективного банкротства (имущественный) и т.д. (рис. 2).

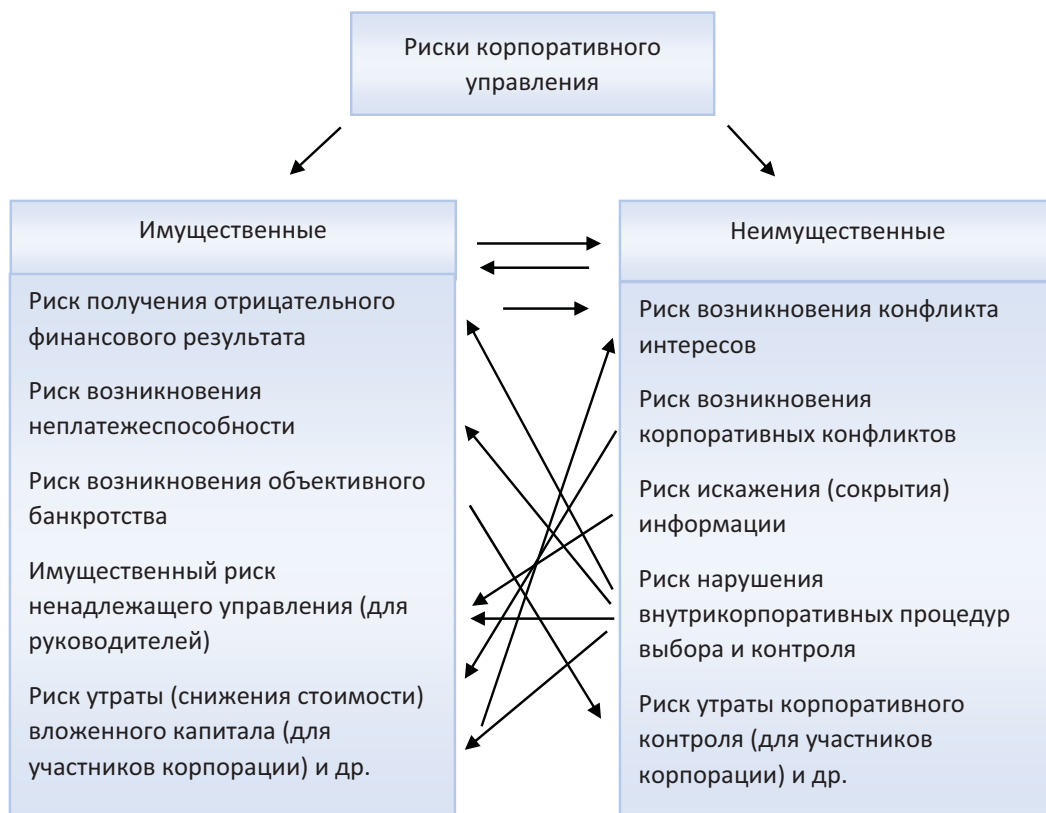

Рис. 2. Типология имущественных и неимущественных рисков корпоративного управления
 Fig. 2. Typology of property and non-property risks of corporate governance

Как уже было отмечено выше, проблема управления рисками корпоративного управления имеет важное экономическое значение не только на уровне отдельных предприятий, поскольку существенно влияет как на экономические показатели их деятельности, так и в значительной степени на экономику государства в целом.

Корпорации являются налогоплательщиками, работодателями, поставщиками и покупателями товаров, работ и услуг. Соответственно, своевременное и добросовестное исполнение ими своих налоговых обязательств, обязанностей по выплате заработной платы, договорных обязательств перед контрагентами важно для стабильности экономики вообще. Адекватно управлять корпоративными рисками можно лишь при наличии на предприятии эффективной системы корпоративного управления,

балансирующей интересы всех участников корпоративных отношений и обеспечивающей неукоснительное соблюдение ими их обязанностей действовать добросовестно и разумно в интересах самой корпорации и всех заинтересованных лиц.

Все рассмотренные в настоящей статье риски корпоративного управления, как имущественные, так и неимущественные, являются управляемыми и в той или иной степени могут быть снижены. Тем более что снижение одних рисков корпоративного управления может приводить к одновременному снижению других. Эффективная система корпоративного управления может быть построена на основе использования существующих в России институтов корпоративного права, таких как корпоративный договор (акционерное соглашение, договор об осуществлении прав участников

ООО), единоличный исполнительный орган, состоящий из нескольких лиц, действующих совместно, совет директоров, ревизионная комиссия, а также оптимального соотношения их комбинаций в зависимости от конкретных особенностей каждого предприятия и условий, в которых оно осуществляет свою деятельность. Очевидно, что в процессе управления корпоративными рисками полностью свести на нет их возникновение и проявление невозможно. Тем не менее, обеспечить необходимый взаимный контроль субъектов корпоративных отношений, ограничив их возможности действовать недобросовестно и неразумно в ущерб компании и друг другу, – вполне достижимая задача.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 31 июля 2022 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Горячева Т. В. Инновационная направленность промышленной политики государства // Инновационная деятельность. 2009. № 1 (6). С. 14–20. EDN: KPUDKB
3. Багрянцев А. Н. Организационно-экономический механизм управления рисками корпоративных отношений : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Самара, 2010. 23 с.
4. Жданов А. Ю. Риски в системе корпоративного управления // Вестник Финансовой академии. 2008. № 3 (47). С. 50–61.
5. Красильникова Е. О. Риски в системе корпоративного управления // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 3. С. 66–70.
6. Манян Н. М. Стратегические риски в корпоративном управлении // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 1. С. 59–61. EDN: YNSAST
7. Дубовицкая Е. А. Риски корпоративного управления в контексте реструктуризации : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 26 с.
8. Юхнин А. В. Кредиторы переходят на личности. Практика привлечения к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве бьет рекорды // Экономика и жизнь. 2022. 25 февр.
9. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2019. 488 с.
10. Долгопятова Т. Г. Собственность и корпоративный контроль в российских компаниях в условиях активизации интеграционных процессов // Российский журнал менеджмента. 2004. Т. 2, № 2. С. 3–26.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) 14-FZ of January 26, 1996 (an edition of July 31, 2022). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
2. Goryacheva T. V. Innovative orientation of industrial policy of the government. *Innovation Activity*, 2009, no. 1 (6), pp. 14–20 (in Russian). EDN: KPUDKB
3. Bagryantsev A. N. *Organizational and economic mechanism of risk management of corporate relations*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Econ.). Samara, 2010. 23 p. (in Russian).
4. Zhdanov A. Yu. Risks in the corporate governance system. *Bulletin of the Financial Academy*, 2008, no. 3 (47), pp. 50–61 (in Russian).
5. Krasilnikova E. O. Risks in the corporate governance system. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy* [Business Education in the Knowledge Economy], 2018, no. 3, pp. 66–70 (in Russian).
6. Manyan N. M. Strategic risks in corporate governance. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy* [Business Education in the Knowledge Economy], 2018, no. 1, pp. 59–61 (in Russian). EDN: YNSAST
7. Dubovitskaya E. A. *Risks of corporate governance in the context of restructuring*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Econ.). Moscow, 2008. 26 p. (in Russian).
8. Yukhnin A. V. Lenders become personal. The practice of bringing to subsidiary liability in bankruptcy cases breaks records. *Ekonomika i zhizn'* [Economics and Life], February 25, 2022 (in Russian).
9. Gutnikov O. V. *Korporativnaya otvetstvennost' v grazhdanskom prave* [Corporate liability in civil law]. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2019. 488 p. (in Russian).
10. Dolgopyatova T. G. Ownership and corporate control in Russian companies in the context of activation of integration processes. *Russian Journal of Management*, 2004, vol. 2, iss. 2, pp. 3–26 (in Russian).

Поступила в редакцию 14.04.2023; одобрена после рецензирования 14.05.2023; принята к публикации 30.05.2023
The article was submitted 14.04.2023; approved after reviewing 14.05.2023; accepted for publication 30.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 269–277
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 269–277
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-269-277>, EDN: RKERJD

Научная статья
УДК 338.43

Обоснование приоритетов структурных изменений в агропродовольственном комплексе Саратовского региона

Н. А. Яковенко, И. С. Иваненко ✉

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94

Яковенко Наталия Анатольевна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник лаборатории макроэкономического анализа и стратегии развития агропромышленного комплекса, yana0206@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7589-6302>

Иваненко Ирина Серафимовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории макроэкономического анализа и стратегии развития агропромышленного комплекса, ivanenko.i.s@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7877-6568>

Аннотация. Введение. Современные вызовы и угрозы развития агропродовольственного комплекса России определяют поиск новых источников роста комплекса, усиление ориентации на формирование сбалансированной функционально-отраслевой структуры. Актуальность регионального аспекта исследования и обоснования структурных изменений в агропродовольственном комплексе связана с глубокой социально-экономической, природно-климатической и социокультурной дифференциацией регионов страны. **Теоретический анализ.** Изменение роли регионов в решении проблем продовольственной безопасности и обеспечения населения качественными продуктами питания является общемировым трендом. Разрыв глобальных продуктовых цепочек как следствие пандемии COVID-19 и санкционного противостояния усиливает влияние локальных производителей на продовольственный рынок, предполагает необходимость формирования многоуровневого агропродовольственного комплекса страны. Структурные изменения в агропродовольственном комплексе России имеют свои особенности, связанные с неоднородностью его пространственного развития. **Эмпирический анализ.** Выявлен ускоренный рост аграрного сектора экономики Саратовской области за счет концентрации на производстве ограниченной группы сельскохозяйственной продукции (зерновые и масличные культуры, сахар). Определены сегменты продовольственного рынка региона, обладающие избытком и дефицитом продуктов. Обосновано, что экстраполяция сложившихся тенденций в развитии агропродовольственного комплекса региона сохраняет его несбалансированную структуру и дальнейший рост доли сырьевой продукции и продукции первичной переработки при снижении доли продукции глубокой переработки. **Результаты.** Адаптация к новым рискам и угрозам связана с усилением тренда на локализацию производства и поставок сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Приоритетными направлениями развития региональной продовольственной системы должны стать диверсификация агропродовольственного производства, формирование локальных продуктовых сетей с глубокой переработкой сельскохозяйственного сырья, интенсификация межрегионального обмена.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, структурные изменения, приоритеты, регионы, емкость рынка, производство, экспорт

Для цитирования: Яковенко Н. А., Иваненко И. С. Обоснование приоритетов структурных изменений в агропродовольственном комплексе Саратовского региона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 269–277. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-269-277>, EDN: RKERJD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Substantiation of structural changes priorities in the Saratov region agro-food complex

N. A. Yakovenko, I. S. Ivanenko ✉

Institute of Agrarian Problems – a separate structural subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Center “Saratov Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Nataliya A. Yakovenko, yana0206@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7589-6302>

Irina S. Ivanenko, ivanenko.i.s@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7877-6568>

Abstract. Introduction. Modern challenges and threats to the development of the Russian agro-food complex determine the search for new growth sources of the complex, the strengthening of orientation towards the formation of a balanced functional and sectoral structure. The relevance of the regional aspect of research and substantiation of structural changes in the agro-food complex is associated with a deep socio-economic,

natural-climatic and socio-cultural differentiation of the country's regions. **Theoretical analysis.** Changing the role of regions in solving food security problems and providing the population with quality food is a global trend. The rupture of global food chains as a result of the COVID-19 pandemic and the sanctions confrontation strengthens the influence of local producers on the food market, suggests the need to form a multi-level agro-food complex of the country. Structural changes in the agro-food complex of Russia have their own characteristics associated with the heterogeneity of its spatial development. **Empirical analysis.** The accelerated growth of the agricultural sector of Saratov region economy due to the concentration on the production of a limited group of agricultural products (cereals and oilseeds, sugar) has been revealed. The regional food market segments, which have a surplus and shortage of products, are determined. It is substantiated that current trends extrapolation in the development of the regional agro-food complex preserves its unbalanced structure and further growth in the share of raw materials and primary processing products, while reducing the share of deep processing products. **Results.** Adaptation to new risks and threats is associated with an increasing trend towards the localization of production and supply of agricultural products and food. The priority areas for the development of the regional food system should be the diversification of agro-food production, local food chains formation with deep processing of agricultural raw materials, and the intensification of interregional exchange.

Keywords: agri-food complex, structural changes, priorities, regions, market capacity, production, export

For citation: Yakovenko N. A., Ivanenko I. S. Substantiation of structural changes priorities in the Saratov region agro-food complex. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 269–277 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-269-277>, EDN: RKERJD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность исследования определяется трансформацией условий функционирования агропродовольственного комплекса (АПК) страны, а соответственно, и регионов. Внешние шоки, связанные с последствиями пандемии COVID-19, санкционным и контрсанкционным противостоянием России и ряда западных стран, усилили структурный дисбаланс в российской экономике, привели к деформации продуктовых цепочек и производственно-сбытовых связей в АПК страны, нарушению глобальных производственно-логистических цепочек продовольственных систем, локализации производства и потребления сельскохозяйственной продукции и продовольствия, падению инвестиций в основной капитал и сокращению реальных доходов населения. При этом значительная часть вызовов и угроз, стоящих перед российской продовольственной системой, является не только следствием внешнего воздействия со стороны мировой экономики, но и результатом накопленных на протяжении последнего периода внутренних ограничений развития. В сложившихся условиях выбор стратегии развития национального агропродовольственного комплекса предполагает обоснование соотношения приоритетов развития экспорта и внутреннего рынка, открытости продовольственного рынка и продовольственной безопасности, что влияет на изменение структуры комплекса. В рамках современных экономических тенденций устойчивость экономического развития продовольственных систем во многом определяют межотраслевая сбалансированность продуктовых цепочек, пропорциональное развитие

отраслей, возможности быстрой адаптации структуры к инновационным и инвестиционным изменениям.

Одной из главных проблем обеспечения продовольственной безопасности России является диспропорция в развитии ее субъектов [1–3]. Учет регионального аспекта при исследовании и обосновании структурных изменений в АПК России связан с неоднородностью природно-климатического и ресурсного потенциала субъектов Российской Федерации, дифференциацией их социально-экономического развития, неравномерной вовлеченностью в национальный продовольственный рынок. При обосновании направлений преобразования продовольственных систем все больше внимания уделяется таким подходам, которые адаптированы к местным условиям. На необходимость развития локальных систем производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия для обеспечения устойчивости продовольственного обеспечения обращается внимание и в ряде международных исследований [4].

Целью исследования являются анализ функционально-отраслевой сбалансированности и обоснование приоритетов структурных изменений, обеспечивающих устойчивое развитие агропродовольственного комплекса Саратовской области.

Теоретический анализ

Проблемы отраслевых структурных сдвигов, структурных кризисов, взаимосвязи структурных изменений и экономического роста рассматривались в работах зарубежных ученых Р. Барра, К. Кларка, М. Портера, Дж. Й. Лин и др. Теоретико-методологические и методические

основы исследований структурных изменений в агропродовольственном комплексе России и структурной аграрной политики разработаны в научных работах А. А. Анфиногентовой, Э. Н. Крылатых, В. А. Тихонова, М. Л. Лезиной, А. Г. Зельднера, А. А. Черняева, А. А. Шутькова и других российских ученых [5, 6].

Агропродовольственный комплекс представляет сложную многофункциональную и многоуровневую систему. «Агропродовольственный комплекс (АПК) – это важнейшая часть экономики страны, которая обеспечивает удовлетворение потребностей в продуктах питания, сохраняя и поддерживая жизнедеятельность и воспроизводство населения страны, использует и восстанавливает почвенное плодородие и агроландшафт, содействует занятости значительной части населения» [7, с. 366]. Функционально-отраслевая структура агропродовольственного комплекса характеризует основные отрасли и технологические процессы, участвующие в производстве конечного продукта. Необходимость структурно-технологических сдвигов связана с инновационной модернизацией комплекса и обеспечением технологической независимости России в условиях геополитической напряженности.

В последние годы наблюдается изменение роли регионов в национальной и мировой экономике. Это связано с ростом их самостоятельности в экономических процессах. Результатом пандемии COVID-19 стали замедление процессов глобализации, рост внимания к исследованию локальных продовольственных рынков, региональных продовольственных систем. Эффективное управление структурными преобразованиями, которые пропагандирует повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., базируется на поддержке национальной безопасности и политической стабильности как ключевых факторов, способствующих формированию устойчивой продовольственной системы. Усиливается актуальность исследований структурных изменений локальных продовольственных систем, экономических, институциональных и социальных отношений участников продовольственных систем, региональной специфики производства и потребления продуктов питания [8, 9].

Регионы Российской Федерации отличаются широким географическим, природно-климатическим, демографическим, социокультурным и социально-экономическим разнообразием, что открывает широкие возможности для формирования новых кон-

курентных преимуществ и альтернативных стратегий развития агропродовольственного комплекса. Исследование регионального аспекта структурных изменений в АПК направлено на решение двойственной задачи – оптимизация объемов производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия для обеспечения нужд местного населения и вхождение в российский продовольственный рынок. Формирование приоритетов структурных изменений, целевые ориентиры развития региональных продовольственных систем связаны с фактическим состоянием АПК региона, уровнем включенности региона в единый агропродовольственный комплекс страны, учетом глобальных экономических и технологических трендов и локальных особенностей их реализации [10].

Эмпирический анализ

Саратовская область характеризуется высоким уровнем развития агропродовольственного комплекса. Доля его валового продукта в валовом региональном продукте занимает более 30%, в том числе сельского хозяйства около 20%, что значительно выше среднероссийского уровня. В агропродовольственном комплексе региона сосредоточено около 30% основных производственных фондов и работает около 25% занятых в сфере материального производства. Реализация стратегии импортозамещения, повышение эффективности бюджетной поддержки аграрного сектора экономики, благоприятные природно-климатические условия в последние годы способствовали положительной динамике экономических показателей как агропродовольственного комплекса России, так и АПК Саратовской области (рис. 1). Объемы производства сельскохозяйственной продукции Саратовской области выросли в 2021 г. по сравнению с 2007 г. в 4,3 раза, в Российской Федерации за тот же период – в 3,95 раза. Положительная динамика аграрного сектора позитивно отразилась на потреблении основных продуктов питания в регионе и позволила достигнуть по некоторым продуктам рациональных норм потребления.

На уровень среднедушевого потребления основных продуктов питания оказывает воздействие достаточно широкий набор факторов. Одним из наиболее существенных факторов является изменение уровня цен, увеличение которых на фоне снижения реальных доходов отрицательно влияет на экономическую доступность продуктов питания и сокращает

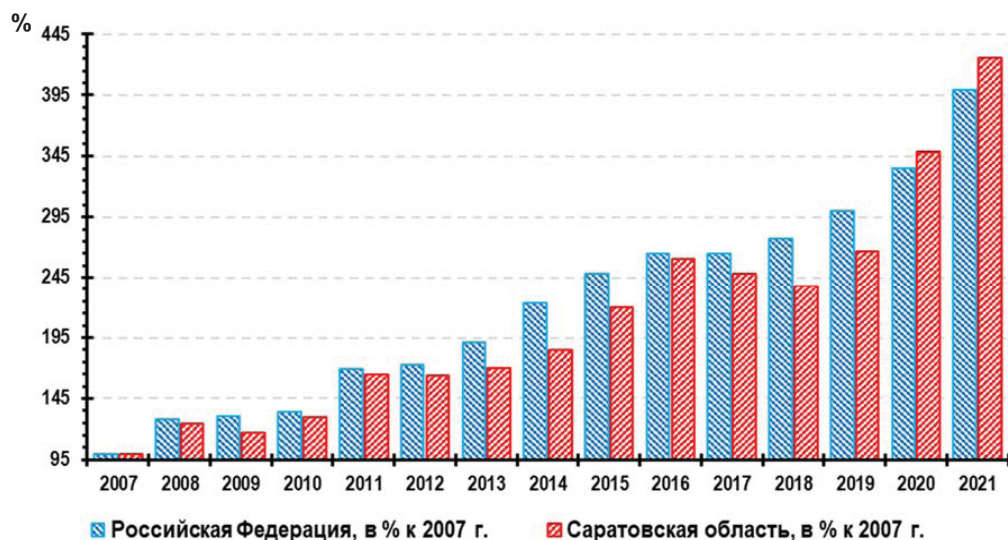

Рис. 1. Динамика продукции сельского хозяйства (в хозяйствах всех категорий) [11] (цвет онлайн)
Fig. 1. Dynamics of agricultural production (in farms of all categories) [11] (color online)

объемы потребления. Тенденции в потреблении смещаются в сторону более доступных категорий продовольственных товаров. Кроме того, на объемы потребления продовольствия оказывают влияние неценовые факторы, такие как уровень урбанизации и демографическая нагрузка.

С 2014 по 2021 г. отмечается нестабильная динамика в рационе потребления населения Саратовской области (табл. 1). Наблюдается снижение фактического потребления по пяти группам основных продуктов питания и незначительный рост по четырем продуктовым группам.

Таблица 1 / Table 1

Динамика потребления основных продуктов питания в Саратовской области на душу населения, кг
Basic foodstuffs consumption dynamics in Saratov region per capita, kg

Продовольственные продукты	Рекомендуемая норма*	Фактическое потребление		Темпы (+/-) 2021 г., в % к 2014 г.	Отклонение от рекомендуемой нормы, %	
		2014	2021		2014	2021
Хлеб и хлебобродуки	96	102	103	101,0	106,3	107,3
Молоко и молокопродукты	325	263	234	89,0	80,9	72,0
Мясо и мясопродукты	73	61	60	98,4	83,6	82,2
Яйца и яйцопродукты	260	314	313	99,7	120,8	120,4
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	140	105	103	98,1	75,0	73,6
Картофель	90	56	54	96,4	62,2	60,0
Сахар	24	27	27	100,0	112,5	112,5
Фрукты и ягоды	100	54	56	103,7	54,0	56,0
Растительное масло	12	20,4	20,9	102,5	170,0	174,2

* Приказ Минздрава России № 614 от 16 августа 2016 г.
Рассчитано по: [12] / Compiled to [12].

Сложившиеся тенденции, однако, не позволяют судить об изменении структуры потребления с точки зрения удовлетворения физиологических потребностей. Степень

удовлетворения потребностей населения в основных продуктах питания оценивается путем сопоставления фактического потребления и рациональных норм потребления. Кроме того,

соотношение фактического среднедушевого потребления основных продуктов питания и рекомендуемого Минздравом России рационального уровня потребления является одним из целевых индикаторов Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Продовольственная безопасность страны обеспечивается в том случае, если фактическое потребление основных продуктов питания на душу населения соответствует рациональной норме. Оценка потенциальных рисков в области продовольственной безопасности требует информации о перспективных изменениях в уровне потребления основных продуктов питания.

В результате исследования динамики потребления основных продуктов питания населением Саратовской области выявлено, что по некоторым продовольственным группам фактическое потребление в регионе не соответствует рациональным нормам потребления пищевых продуктов (приказ Минздрава № 614 от 19.08.2016). Согласно данным Росстата, в 2014 г. потребление овощей и продовольственных бахчевых в Саратовской области составило 105 кг на человека в год. В 2021 г. этот показатель снизился до 103 кг при рациональной норме 140 кг, рекомендованной Министерством здравоохранения РФ. Потребление фруктов и ягод в регионе за исследуемый период составило 54,0% от рациональной нормы в 2014 г. и 56,0% – в 2021 г. В 2021 г. фактическое потребление населения Саратовской области характеризовалось отставанием от рациональной нормы молока и молокопродуктов на 28,0%, мяса и мясопродуктов – на 17,8%, картофеля – на 40,0%. Мясная и молочная отрасли остаются одними из немногих отраслей, где сохраняется потенциал импортозамещения. В 2021 г. доля импорта, включая ввоз из других регионов, молочной продукции в Саратовской области составила 11,1% от продовольственных ресурсов, мясной продукции – 43,6%.

В регионе наблюдается значительное превышение рациональной нормы потребления по растительному маслу (на 74,2%), яйцам и яйцепродуктам (на 20,4%), сахару (на 12,5%). Потребление растительных масел в Саратовской области в период 2014–2021 гг. оставалось устойчивым и находилось на достаточно высоком уровне, превышающем рекомендованную Минздравом России норму на 74,2%. Однако эта ситуация имеет негативную оценку, когда нехватка животных жиров компенсируется более дешевым растительным маслом.

Наиболее проблемная ситуация в регионе сложилась с производством и потреблением картофеля. Сокращение производства картофеля является устойчивой тенденцией. Согласно данным Росстата, в 2021 г. по сравнению 2007 г. в Саратовской области производство картофеля упало в 2,6 раза. Следствием этого стало снижение личного потребления картофеля. В 2021 г. по сравнению с 2007 г. личное потребление картофеля уменьшилось в 1,8 раза и достигло 128,4 тыс. т. Импорт картофеля, включая ввоз из других регионов РФ, за исследуемый период увеличился на 97,3 тыс. т. В 2007 г. потребность населения Саратовской области в картофеле была удовлетворена на 100,0%. В 2021 г. потребность населения Саратовской области в картофеле удовлетворялась лишь на 60,0%. Исследование показало, что существенное сокращение потребления населением региона картофеля связано не с недостатком предложения, а с фактором снижения спроса на фоне развития культуры здорового образа жизни. Неблагополучная ситуация в потреблении продуктов питания отражается на снижении конкурентоспособности региона, может служить сигналом усиления социальной напряженности.

Оценка устойчивости развития продовольственной системы региона тесно взаимосвязана с исследованием емкости продовольственного рынка, что предполагает анализ потребительского спроса и объемов и структуры предложения продуктов питания. Продолжающийся рост объемов производства в таких перспективных отраслях, как свиноводство, птицеводство, производство сахара, зерновых и масличных культур, может привести к перенасыщению внутреннего рынка, снижению доходности отечественных товаропроизводителей. В условиях стагнации внутреннего спроса, связанной с ростом цен и падением реальных доходов населения, выявленные тенденции могут оказать дестабилизирующее влияние на функционирование агропродовольственного комплекса.

Оценка физической емкости внутреннего рынка Саратовской области рассчитывалась как разница между общим объемом потребления продукта *i*-группы по рациональной норме и фактическим потреблением продукта *i*-группы. Это позволило выявить сегменты продовольственного рынка региона, обладающие излишком и дефицитом продуктов (табл. 2). В результате исследования выявлены излишки продуктов по хлебу и хлебобулочным изделиям, сахару и яйцам. Сохраняется дефицит молочных и мясных продуктов, фруктов, овощей и картофеля.

Таблица 2 / Table 2

Динамика емкости рынков основных продовольственных товаров Саратовской области, тыс. т
Dynamics of the main food products market capacity in Saratov region

Продовольственные продукты	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Дефицит продуктов								
Молоко и молокопродукты	-154,6	-154,3	-193,4	-231,5	-227,0	-225,2	-220,3	-214,9
Мясо и мясопродукты	-29,9	-29,9	-39,7	-34,5	-26,9	-26,6	-28,7	-30,7
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	-87,3	-87,1	84,3	-86,2	85,4	-82,3	-88,6	-87,4
Картофель	-84,8	-79,6	-79,3	-81,3	-80,6	-79,9	-83,8	-85,0
Фрукты и ягоды	-227,6	-227,1	-226,5	-224,8	-222,0	-219,1	-217,0	-212,4
Излишки продуктов								
Хлеб и хлебобулочные изделия	15,0	14,9	14,9	19,7	19,5	19,4	9,6	16,5
Сахар	7,5	7,5	5,0	12,3	9,8	12,1	12,0	7,1
Яйца и яйцопродукты	134,6	134,4	148,7	157,6	146,5	140,5	136,5	125,1

Рассчитано по: [12] / Compiled to [12].

В 2020–2021 гг. хозяйства и предприятия мясной и молочной отраслей столкнулись с серьезными экономическими сложностями, которые повлекли значительный рост себестоимости производства и переработки. Этому способствовали девальвация рубля и последовавшее удорожание импортозависимых статей затрат, а также ряд конъюнктурных факторов, таких как существенное повышение цен на белковые корма и рост цен на минеральные удобрения для кормопроизводства, удорожание других статей затрат (стоимость привлекаемых трудовых ресурсов, тарифы на электроэнергию, удорожание упаковки и пр.). Повышение себестоимости производства и переработки мяса и молока не было своевременно компенсировано эквивалентным повышением цен на конечную продукцию. В связи с этим многие предприятия этих отраслей столкнулись с существенным снижением уровня доходности производств, а в ряде случаев деятельность стала убыточной.

Решение выявленных проблем предполагает интенсивное развитие межрегионального обмена, стимулирование формирования многоуровневой системы продуктовых цепочек, включая глобальные, национальные и локальные цепочки. Перепроизводство отдельных групп сельскохозяйственных продуктов и продовольствия активизировало выход региональных товаропроизводителей на внешние рынки для стабилизации региональной продовольственной системы.

С 2012 г. наблюдается ускоренный рост экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия Саратовской области (рис. 2).

Агропродовольственный экспорт региона в 2021 г. вырос по сравнению с 2007 г. почти в 7,5 раза, в то время как в России этот показатель увеличился в 4 раза. Факторы такого роста: высокий урожай зерновых (6,8 млн т зерна, 2021 г. – 3,7 млн т, урожайность зерновых составила 30 ц/га) и подсолнечника (1,9 млн т), а также организационные изменения, связанные с переменной места регистрации юридического лица, занимающегося экспортом.

На рис. 3 представлен рост доли экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия в общем объеме экспорта России и Саратовской области. В 2007 г. доля агропродовольственного экспорта Саратовской области в общем объеме экспорта региона составляла 7,4%, по России – 2,6%, в 2021 г. – 32,7 и 7,3% соответственно.

Однако при динамичном развитии экспорта отмечается деградация структуры агропродовольственного экспорта региона. Усиливается его сырьевая ориентация в Саратовской области. В 2014 г. доля агропродовольственного экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью составляла 16,9%, в 2021 г. она снизилась до 2,4%. Происходит последовательное «усугубление» концентрации экспорта на ограниченном наборе сегментов мирового агропродовольственного рынка. Доля зерновых и

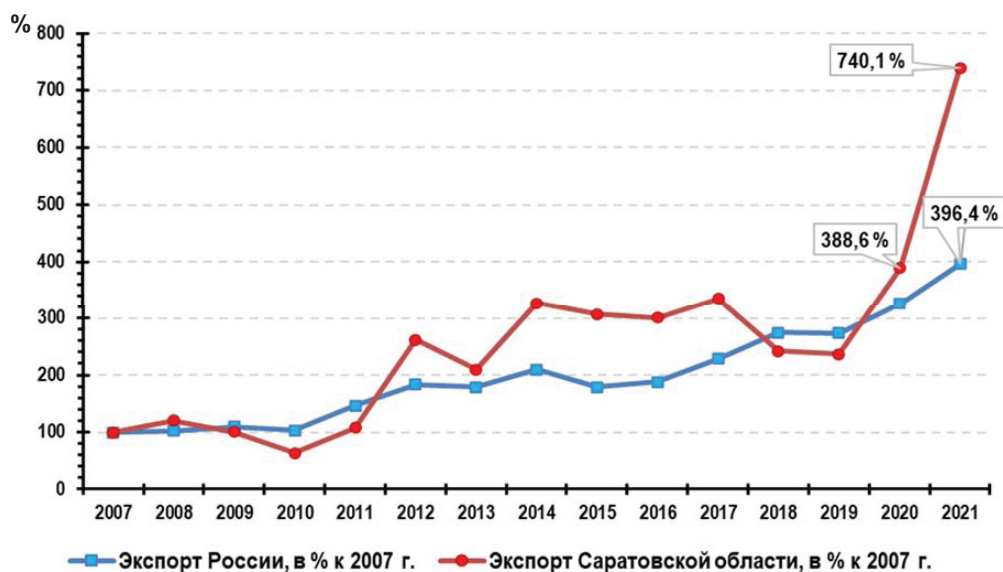

Рис. 2. Динамика экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья [12]

Fig. 2. Dynamics of food products and agricultural raw materials exports [12]

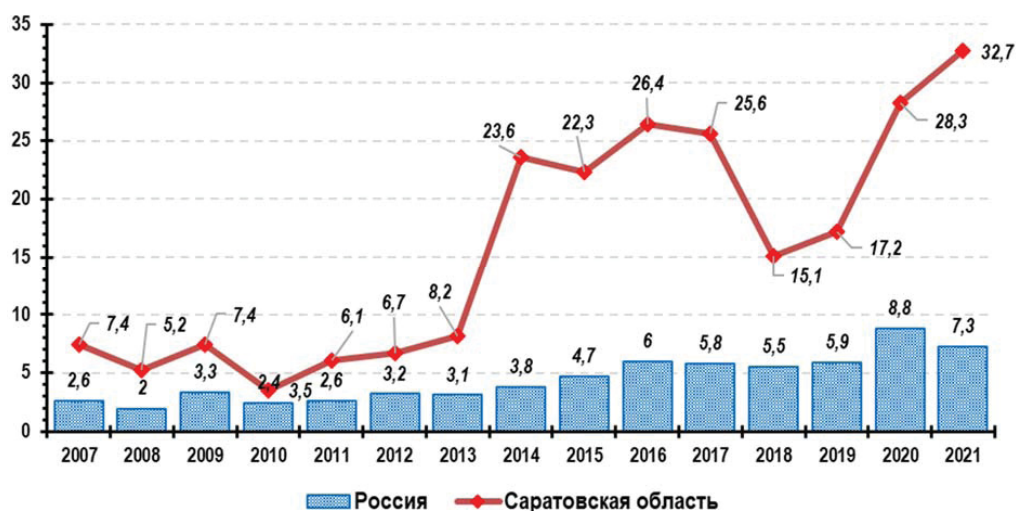

Рис. 3. Доля агропродовольственного экспорта в общем экспорте, % [12]

Fig. 3. Share of agri-food exports in total exports, % [12]

масличных культур в 2014 г. составляла 71,0% агропродовольственного экспорта региона, в 2021 г. он вырос до 81,6%. Сформировавшиеся экспортные сегменты работают в основном под влиянием экзогенных факторов мировой конъюнктуры и слабо связаны с внутренним рынком страны. Дальнейшее наращивание объемов экспорта зерновых и масличных культур усиливает риски случайных колебаний цен на рынках специализации российских экспортеров, резкого падения спроса. Специализация региона на узком ограниченном круге товаров, особенно сырьевой продукции, значительно замедляет развитие перерабатывающих и высокотехнологичных отраслей из-за отсутствия стимулов для такого развития.

Экстраполяция сложившихся тенденций в развитии экспорта агропродовольственной продукции консервирует сформировавшуюся его структуру как на уровне Российской Федерации, так и на уровне Саратовской области. Прогнозируется рост доли сырьевой продукции или продукции первичной переработки и снижение в агропродовольственном экспорте доли продукции глубокой переработки.

Результаты

Реализация стратегии импортозамещения в аграрном секторе экономики, рост государственной поддержки сельхозпроизводителей позволили создать условия для существенного роста объемов сельскохозяйственного

производства. Адаптация к новым рискам и угрозам, связанным с последствием пандемии, санкционными ограничениями, сокращением емкости внутреннего продовольственного рынка на фоне роста цен на продовольствие и снижением реальных доходов населения, является первоочередной задачей развития агропродовольственного комплекса. В условиях внешних ограничений происходит обострение внутренних структурных проблем, включающих неразвитость производственной инфраструктуры, ограниченность доступа к инновациям и инвестициям, высокая зависимость аграрного сектора от погодных условий. В системе приоритетов, направленных на формирование эффективной структуры АПК, особое значение приобретает территориально-отраслевое разделение труда в агропромышленном производстве страны [6].

В условиях кризисных явлений в мировой экономике и экономике России агропродовольственный комплекс Саратовской области сохраняет положительную динамику. В результате исследования выявлено усиление специализации АПК региона. Это отражается на несбалансированности потребления населения. Наблюдается перепроизводство ограниченного количества продуктов питания (хлеб и хлебобулочные изделия, сахар, яйца) при дефиците остальных продуктов. Приоритетными направлениями развития региональной продовольственной системы становятся диверсификация агропродовольственного производства, формирование локальных продуктовых сетей с глубокой переработкой сельскохозяйственного сырья, интенсификация межрегионального обмена.

Объем и структура производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия Саратовской области влияет на агропродовольственный экспорт. Усиливается концентрация производителей на сырьевых рынках зерновых и масличных культур, снижается доля экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью. Следует отметить, что в краткосрочном периоде концентрация российских экспортеров на сегментах мирового продовольственного рынка, где они имеют устойчивые конкурентные преимущества, позволяет наращивать объемы экспорта продукции агропродовольственного комплекса за счет создания новой товарной массы. Этот период необходимо использовать для структурной модернизации АПК, развития постсельскохозяйственных отраслей, внедрения инноваций для глубокой переработки отечественного сырья.

Список литературы

1. *Вартанова М. Л.* Региональные аспекты развития агропромышленного комплекса, сельских территорий и продовольственной безопасности // *Российское предпринимательство*. 2017. Т. 18, № 5. С. 869–886. <https://doi.org/10.18334/rp.18.5.37649>
2. *Плотников В. А., Лисицина Е. А.* Оценка уровня региональной дифференциации в Российской Федерации // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. 2018. № 2 (36). С. 5–15.
3. *Коварда В. В., Лантев Р. А., Гололобова М. А.* Перспективы развития импортозамещения в России: региональный аспект // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019. № 10 (ч. 3). С. 45–50. <https://doi.org/10.17513/vaael.907>
4. *Béné C.* Resilience of local food systems and links to food security – A review of some important concepts in the context of COVID-19 and other shocks // *Food Security*. 2020. № 12. P. 805–822. <https://doi.org/10.1007/s12571-020-01076-1>
5. *Шутьков А. А.* Структурные преобразования в аграрном секторе экономики, этапы и результаты: проблемы модернизации и импортозамещения // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2017. Т. 8, № 1 (29). С. 31–38. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2017.8.1.31-38>
6. *Алтухов А. И.* Территориально-отраслевое разделение труда в агропромышленном производстве страны в системе ее продовольственного обеспечения: вопросы методологии и практики // *Вестник Курской сельскохозяйственной академии*. 2016. № 7. С. 2–8. EDN: WYONCF
7. *Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В.* Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Экономика, 2011. 604 с.
8. *Ревенко Л. С., Ревенко Н. С., Солдатенкова О. И.* Продовольственные системы Канады: взгляд сквозь призму новых концепций // *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2022. Вып. 2. С. 112–126. <https://doi.org/10.31857/S2686673022020080>
9. *Béné C., Oosterveer P., Lamott L., Brouwer I. D., de Haan S., Prager S. D., Talsma E. F., Khoury C. K.* When food systems meet sustainability – Current narratives and implications for actions // *World Development*. 2019. Vol. 113. P. 116–130. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.08.011>
10. *Ермолова О. В., Яковенко Н. А., Кирсанов В. В., Иваненко И. С., Остапенко Т. В.* Оценка структурных преобразований в агропродовольственном комплексе России // *Продовольственная политика и безопасность*. 2022. Т. 9, № 1. С. 49–66. <https://doi.org/10.18334/ppib.9.1.114347>
11. *Российский статистический ежегодник*. 2021 : стат. сб. / Росстат. М., 2021. 692 с.
12. *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2021 : стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

References

1. Vartanova M. L. Regional aspects of the development of the agro-industrial complex, rural areas and food security. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo*, 2017, vol. 18, iss. 5, pp. 869–886 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/rp.18.5.37649>
2. Plotnikov V. A., Lisitsina E. A. Assessment of the level of regional differentiation in the Russian Federation. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, social'naya sfera, tekhnologii* [Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology], 2018, no. 2 (36), pp. 5–15 (in Russian).
3. Kovarda V. V., Laptev R. A., Gololobova M. A. Prospects for the development of import substitution in Russia: regional aspect. *Vestnik Altajskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2019, no.10, pt. 3, pp. 45–50 (in Russian). <https://doi.org/10.17513/vaael.907>
4. Béné C. Resilience of local food systems and links to food security – A review of some important concepts in the context of COVID-19 and other shocks. *Food Security*, 2020, no. 12, pp. 805–822. <https://doi.org/10.1007/s12571-020-01076-1>
5. Shutkov A. A. Structural Reforms in Agrarian Sector of Economy, Stages and Results: Problems of Modernization and Import Substitution. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 2017, vol. 8, iss. 1 (29), pp. 31–38 (in Russian). <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2017.8.1.31-38>
6. Altukhov A. I. Territorial and sectoral division of labor in the agro-industrial production of the country in the system of its food supply: Questions of methodology and practice. *Vestnik Kurskoy sel'skokhoziaystvennoy akademii* [Bulletin of the Kursk Agricultural Academy], 2016, no. 7, pp. 2–8 (in Russian). EDN: WYOHCF
7. Kuzyk B. N., Kushlin V. I., Yakovets Yu. V. *Prognostirovanie, strategicheskoe planirovanie i nacional'noe programmirovaniye* [Forecasting, Strategic Planning and National Programming. 4th ed., rev. and suppl.]. Moscow, Economics, 2011. 604 p. (in Russian).
8. Revenko L. S., Revenko N. S., Soldatenkova O. I. Canada's food systems: A look through the prism of new concepts. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, 2022, iss. 2, pp. 112–126 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S2686673022020080>
9. Béné C., Oosterveer P., Lamott L., Brouwer I. D., de Haan S., Prager S. D., Talsma E. F., Khoury C. K. When food systems meet sustainability – Current narratives and implications for actions. *World Development*, 2019, vol. 113, pp. 116–130. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.08.011>
10. Ermolova O. V., Yakovenko N. A., Kirsanov V. V., Ivanenko I. S., Ostapenko T. V. Assessment of structural transformations in the agro-food complex of Russia. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost'* [Food Policy and Security], 2022, vol. 9, no. 1, pp. 49–66 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/ppib.9.1.114347>
11. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2021: stat. sb.* [Russian Statistical Yearbook. 2021: Stat. sat.]. Moscow, Rosstat, 2021. 692 p. (in Russian).
12. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2021: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-economic Indicators. 2021: Stat. sat.]. Moscow, Rosstat, 2021. 1112 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 30.04.2023
The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 30.04.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 278–292
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 278–292
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-278-292>, EDN: QHNHVA

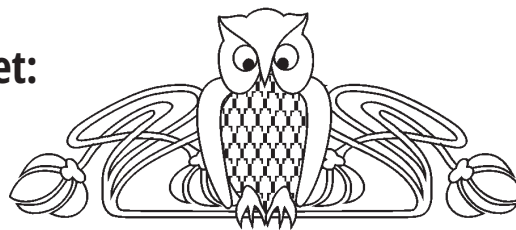
Article

Systemic risk in Russian financial market: A $\Delta CoVaR$ approach

A. R. Faizliev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexey R. Faizliev, faizlievar1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6442-4361>

Abstract. Introduction. Recent financial crises have highlighted the need for increased attention to systemic risks and indicators to track them. This study is devoted to the assessment of systemic risk, which is a popular subject of economic research. The paper analyzes systemic risks in the Russian stock market for companies included in the RTS index. **Theoretical analysis.** We will focus on one common measure of systemic risk, $CoVaR$, which is the notional value at risk (notional VaR), defined as the change in the value of a financial system (asset) at risk versus another asset (system) in decline. The $CoVaR$ risk measure is a powerful risk management tool and can be viewed as a simultaneous measure of system vulnerability, allowing the identification of assets that are classified as systemically important. **Empirical analysis.** The study tests the hypothesis of structural changes in the risk propagation network over time and looks at various measures of strength centrality, betweenness centrality, eigenvector centrality and Page Rank to identify assets that can propagate negative shocks through the network. **Results.** The results show that during the shocks of 2014 and 2020 the Russian stock market was exposed to more systemic risk and greater interconnectedness between assets. Shares of Sberbank and Tatneft contributed significantly to this risk during the political crisis and beyond, with company size not a dominant factor.

Keywords: financial stability, systemic risk, conditional value at risk, macroeconomic models, stock markets, market graph

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-21-00305).

For citation: Faizliev A. R. Systemic risk in Russian financial market: A $\Delta CoVaR$ approach. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 278–292. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-278-292>, EDN: QHNHVA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 330.43

Системный риск на российском финансовом рынке: подход $\Delta CoVaR$

А. Р. Файзлиев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Файзлиев Алексей Раисович, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории функций и стохастического анализа, faizlievar1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6442-4361>

Аннотация. Введение. Современные финансовые кризисы обуславливают необходимость повышенного внимания к системным рискам и индикаторам для их отслеживания. Данное исследование посвящено оценке системного риска, являющейся востребованным предметом экономических исследований. В работе анализируются системные риски на российском фондовом рынке для компаний, входящих в индекс РТС. **Теоретический анализ.** Исследуется одна из распространенных мер системного риска $CoVaR$, которая представляет собой условную стоимость под риском (условный VaR), определяемую как изменение стоимости финансовой системы (актива), подверженной риску, в зависимости от другого актива (системы), находящегося в состоянии спада. Мера риска $CoVaR$ является мощным инструментом управления рисками, и ее можно рассматривать как одновременную меру уязвимости системы, позволяя выделить активы, которые относятся к категории системно значимых. **Эмпирический анализ.** В исследовании проверяется гипотеза о структурных изменениях в сети распространения рисков с течением времени и рассматриваются различные показатели strength centrality, betweenness centrality, eigenvector centrality and Page Rank для выявления активов, которые могут распространять негативные потрясения по сети. **Результаты.** Результаты показывают, что во время потрясений 2014 и 2020 гг. российский фондовый рынок был подвержен большему системному риску и большей взаимосвязанности активов. Акции компаний «Сбербанк» и «Татнефть» внесли значительный вклад в этот риск во время политического кризиса и в последующие периоды, при этом размер компании не был доминирующим фактором.

Ключевые слова: финансовая стабильность, системный риск, условная стоимость под риском, макроэкономические модели, фондовые рынки, рыночный граф

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-21-00305).

Для цитирования: Faizliev A. R. Systemic risk in Russian financial market: A Δ CoVaR approach [Файзлиев А. Р. Системный риск на российском финансовом рынке: подход Δ CoVaR] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 278–292. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-278-292>, EDN: QHNNHVA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Introduction

Today the world economy is a complex system with a high degree of interconnectedness both between the economies of different countries and between different sectors of the national economy.

The global financial and economic crisis of 2008 led to a rethinking of the relationship between the financial sector and macroeconomics. He showed how closely interconnected financial stability within the national economy and the state of the entire global financial system, and how quickly financial contagion can spread between countries.

A simultaneous decline in all segments of the financial market (stock market, banking sector, money and foreign exchange market, etc.), which subsequently had a negative impact on the dynamics of the real sector, was observed in almost all countries. As a result, it became clear that the acceleration of integration processes between countries not only has positive aspects in the form of a more dynamic development of the world economy, but can also cause financial imbalances to be transmitted to almost all national segments of the global economic space. If earlier the financial sector was considered only as a technical condition for the development of the real economy, now it is financial instability that is being considered as the main cause of problems in the real sector, and financial indicators are actively considered in macroeconomic models.

The concept of systemic risk, which implies the effect of contagion, is usually considered in the context of the financial sector. The spread of risks can also occur in other sectors of the economy, but the consequences of the realization of systemic risk in the financial sector pose the greatest threat to the economy. Moreover, the dynamics of the financial (stock) market also affects the real sector of the economy. The volatility of output in the phases of the business cycle largely depends on the level of volatility in the financial market. The emerging instability in the financial market may lead to negative consequences for the real sector, primarily through a decrease in lending and a lack of liquidity. On the other hand, causality is not necessarily directed from the financial system to the real sector. An important question is whether the price dynamics of financial assets is really determined by fundamental and market factors, or whether it is dominated by other unaccounted

sources of information, such as market sentiment, the subjective goals of investors, or clear adjustments by government regulators.

For Russia, as an economy integrated into the global financial system since 2013, the problem of systemic crises is particularly acute. Despite the introduction of economic sanctions against Russia, which partly isolated our country in the global economic space and played a positive role in reducing global systemic risks, it is impossible to stop this process completely. Assessment and management of systemic risk is becoming one of the priority tasks in modern economy. To increase the systemic strength of the financial sector, it is necessary to develop a warning system for possible future crises. This seems possible, since a modern financial sector has now been formed in Russia, which makes it possible to analyze the existing economic ties in terms of stable patterns and long-term forecasts.

In recent years, to assess the stability and stability of the financial sector, regulators (the central bank) use macroprudential stress testing. This approach makes it possible to identify systemic risks based on the analysis of the structure of relationships between financial institutions, the transmission of risks and their changes over time.

The introduction of lockdowns due to the unfavorable epidemiological situation, price instability in the commodity market, sanctions factors that impede the movement of foreign capital, only increase the importance of ensuring financial stability function. All these events are reflected in the volatility in the world markets, including the Russian financial market. Under these conditions, the regulator needs to assess adequately the financial sector's resilience to current shocks and their potential increase in the future. This requires, among other things, the identification of links between economic institutions (industries, sectors, companies, etc.).

Timely identification of these links and their impact on different institutions of economic sectors helps to prevent systemic risks. Systemic risk is a threat to the entire financial and economic system. The so-called "dominant effect" of individual institutions and sectors of the economy in distress leads to deep depressions in other sectors of the economy [1–3]. Therefore, it is important to identify companies that are particularly sensitive

to systemic shocks and are able to spread them to the rest of the market. Such companies can affect the entire system if they are in decline. Obviously, it will not be enough to limit the risks of an individual company, since the definition of systemic risk takes into account not only the risk associated with an individual company but also the risk for the entire economy (system). Thus, the prediction and prevention of factors contributing to the systemic risk emergence and development is an important task of modern science.

Two approaches are generally considered to measure systemic risk. The first approach involves assessing the systemic risk associated with an individual company, considering individual factors [4]. The first approach involves assessing the systemic risk associated with an individual company, considering individual factors. The other is based on network analysis and evaluates the connections between companies [5]. This approach allows us to detect a possible domino effect in case of one company's default.

This paper considers the network approach to the study of systemic risks, and we will focus on one of the common measures of systemic risk *CoVaR*, which uses the probability distribution of an asset's return. The *CoVaR* measure was proposed by the American economists Adrian, Tobias and Brunnermeier, Markus in their works [6, 7]. The *CoVaR* risk measure is the conditional value at risk (conditional VaR), defined as the change in the value of the financial system (asset) at risk, depending on another asset that is in a state of decline. This indicates the systemic nature of the risk measure, implying the mutual spillover of risk from other companies and parallel dynamics of institutions. Thus, unlike the *VaR* risk measure, which focuses on the risk of an individual institution, *CoVaR* assesses risks for the entire financial system. Today the *CoVaR* risk measure is a powerful risk management tool and can be considered as a simultaneous measure of system vulnerability. Moreover, the *CoVaR* risk measure, along with other indicators of systemic risk, makes it possible to identify assets that are classified as systemically important.

To analyze the relationship between companies in terms of systemic risk, we propose to use the graph theory approach. As noted above, one of the key aspects of modern economic systems is that they are complex systems consisting of a large number of interdependent parts. The more complex the system is, the more interconnected its parts are and the more complex behavior they demonstrate. The analysis of such market networks has attracted

increasing attention in the last decade. For the first time the concept of a market graph was considered in the work [8]. The market network is a weighted graph whose nodes are shares of companies and the weights of the edges determine the similarity in their behavior. As a rule, the value of the correlation coefficient is considered as such a similarity measure. Many studies apply and develop the market graph approach. As a rule, these are empirical studies based on real market data. Many works analyze various structural properties and attributes of market graphs, such as maximum cliques, maximum independent sets, degree distribution [8–10], clustering [11], market graph [12], graph dynamics [13]. Papers [14–17] explore the features of individual financial markets. Paper [18] proposes various similarity measures as an alternative to correlation.

In this study, a dynamic risk measure model $\Delta CoVaR$ is used to quantify the strength of links between companies in a market graph. For jointly normally distributed random variables, $\Delta CoVaR$ will be close to the correlation coefficient, being essentially a function of conditional correlations, volatilities, and *VaR*. But unlike correlation, which assesses the relationship between companies in both calm and turbulent periods of time, the definition of $\Delta CoVaR$ allows you to explore the relationship between companies, as well as identify which institutions are most at risk during financial crises. The main goal of the study is to study the various characteristics of such a market graph in dynamics, identify key companies in the network, determine the duration of shock impact on risk propagation, and study structural changes in the risk propagation network. The analysis is based on Russian financial market data from January 2012 to February 2022 (2613 trading days). The data used to estimate *CoVaR* is daily data on the performance of shares of 29 large companies traded on the Moscow Stock Exchange. In the empirical part of the article, the quantile regression method is used to estimate $\Delta CoVaR$. To determine directed weighted relationships between assets, the LASSO regularization procedure for selecting significant factors (assets) was used when constructing a quantile regression.

It should be noted that most of the work on the study of systemic risks was focused on relatively stable financial markets. However, it is also of scientific interest to study the behavior of the distribution networks of systemic risks for financial markets, which were extremely volatile during the analyzed period and experienced many different shocks. The Russian financial market was chosen as the object of study in our work for the following reasons.

First, from 2012 to 2022, the Russian economic system was affected by numerous negative factors and shocks (while during this period the economies of most other countries showed stable growth after the 2008 crisis):

- political crisis in Ukraine in 2014;
- structural problems of the Russian economy and low GDP growth compared to other countries due to the imposition of sanctions against Russia;
- the collapse of the national currency, caused, among other things, by the fall in oil prices in the second half of 2014;
- the introduction of new sanctions against Russia, as well as another drop in oil prices in 2018;
- the crisis caused by the COVID-19 pandemic, which led to a sharp drop in oil prices in early 2020;
- financial and economic uncertainty caused by the political crisis in connection with the deployment of Russian troops near the borders with Ukraine in 2021–2022.

All of the above factors and shocks had a negative impact on the stability of the Russian stock market, making it rather volatile and unpredictable. These characteristics make it interesting for our analysis, allowing us to see how systemic risk networks behave in unstable financial systems.

This document is divided into four main parts. The introduction briefly discusses the sources of systemic risk as well as the existing literature regarding systemic risk assessments. Section 2 covers the theoretical background needed to understand and apply the Δ CoVaR risk measure. Methods for estimating Δ CoVaR are also presented here. Section 3 presents the results of systemic risk analysis for the Russian stock market using graph theory methods. Conclusions are drawn at the end.

Theoretical analysis

Definition of CoVaR

First, recall that the risk value (*VaR*) of the random variable $X_{i,t}$ is implicitly defined as a q -quantile:

$$\Pr(X_{i,t} \leq VaR_{i,t,q}) = q, \quad (1)$$

where $X_{i,t}$ are the log returns of the asset i , for which $VaR_{i,t,q}^q$ is determined. The index t means that the value of *VaR* depends on macro variables of the state of the economy M_{t-1} . For small values of $q < 0.1$, the value of $VaR_{i,t,q}^q$ is usually a negative number, and a larger risk will correspond to a higher modulo $VaR_{i,t,q}^q$. It is obvious that in the context of the definition of *VaR* $X_{i,t}$ means “return loss”. To date, the value of *VaR* is one of the most – is one of

the most common measures of risk. A more detailed description of *VaR* can be found in the book [19].

Next, we define *CoVaR* implicitly in terms of the quantile q of the conditional probability distribution, as proposed in [6] or [7]:

$$\Pr(X_{j,t} \leq CoVaR_{j|i,t,q}|R_{i,t}) = q, \quad (2)$$

where $CoVaR_{j|i,t,q}|R_{i,t}$ is the value equal to $VaR_{j,t,q}$ of institute j under the condition $X_{i,t} = VaR_{j,t,q}$ and macrostate vector M_{t-1} . Obviously, $R_{i,t}$ refers to a decline in i when its stock return is equal to its *VaR*, i.e. $X_{i,t} = VaR_{i,t,q}$. In the case of the median (usual) state of the institution i , the profitability of its shares will be equal to its median, i.e. $X_{i,t} = VaR_{i,t,0.5}$ [6, 7].

The definition of *CoVaR* allows you to study the spillover effects of the entire financial network (system) and explore which institutions are most at risk during financial crises. The risk measure *CoVaR* is directional, i.e. the value of *CoVaR* calculated for some company 1 under the condition of the decline of company 2 is not equal to the value of *CoVaR* calculated for company 2 under the condition of the crisis of company 1.

Estimation Method: Quantile Regression

In this work, the quantile regression method is used to study *CoVaR*. A dynamic model is considered, which assumes that the values of *CoVaR* change over time depending on exogenous factors. The dynamic model makes it possible to take into account macroeconomic indicators which in a real economy will have a significant impact on the level of risk. The inclusion of macroeconomic indicators and the consideration of changes in the values in question over time are the basis of the *CoVaR* dynamic model [6].

Denote by M_{t-1} the vector of state variables. In order to fix the changes over time in the joint distribution of the returns $X_{i,t}$ and $X_{j,t}$ of the i and j institutions, we need to make assumptions about the form of the dependence of the conditional and unconditional quantiles ($CoVaR_{i,t,q}$ and $VaR_{i,t,q}$) from state variables. This will then allow modeling the evolution of conditional distributions over time.

Then, in the framework of the dynamic model, calculations begin with constructing a q -quantile regression that describes the dependence of the predicted value of the q -quantile of profitability $X_{j|i,t}$ of company j depending on company i , taking into account lagging state variables M_{t-1} :

$$X_{i,t} = \alpha_i + \gamma_i M_{t-1} + \epsilon_{i,t}, \quad (3)$$

$$X_{j|i,t} = \alpha_{j|i} + \gamma_{j|i}M_{t-1} + \beta_{j|i}X_{i,t} + \epsilon_{j|i,t}. \quad (4)$$

Then, based on the constructed regressions (3),(4), predictive values are found, which are used for subsequent calculations:

$$\widehat{VaR}_{i,t,q} = \hat{\alpha}_i + \hat{\gamma}_i M_{t-1}, \quad (5)$$

$$\widehat{CoVaR}_{j|i,t,q} = \hat{\alpha}_{j|i} + \hat{\gamma}_{j|i} M_{t-1} + \hat{\beta}_{j|i} \widehat{VaR}_{i,t,q}. \quad (6)$$

Finally, the value of the dynamic $\Delta CoVaR$ is the difference between the $CoVaR$ of company j provided that company i is in decline, and $CoVaR$ of company j , given the normal state of company i :

$$\begin{aligned} \Delta \widehat{CoVaR}_{j|i,t,q} &= \widehat{CoVaR}_{j|i,t,q} - \widehat{CoVaR}_{j|i,t,0.5} = \\ &= \hat{\beta}_{j|i} (\widehat{VaR}_{i,t,q} - \widehat{VaR}_{i,t,0.5}). \end{aligned} \quad (7)$$

As noted above, for jointly normally distributed random variables, $\Delta \widehat{CoVaR}$ is related to the correlation coefficient, and $CoVaR$ corresponds to the conditional variance. The conditionality of the $CoVaR$ risk measure reduces the variance, while adverse events in other companies increase the expected losses.

Next, let's move on to the monetary terms $\Delta CoVaR$:

$$\Delta^{\$} \widehat{CoVaR}_{j|i,t,q} = Cap_i \cdot \Delta \widehat{CoVaR}_{j|i,t,q}. \quad (8)$$

As a result, we obtain a set of values $\Delta^{\$} \widehat{CoVaR}_{j|i,t,q}$ for the corresponding pair of companies, taking into account the size (capitalization) of the company i , which allows us to compare institutions of different sizes. For this purpose, we quantify the size of the market capital of companies as the product of the number of shares of companies and their current value. Then, in this formulation, the risk of financial institution j is calculated through $VaR^{\$}$ of institution i . State variables in this case should not be considered as independent risk factors, but as conditional variables that change the conditional mean and volatility.

We are interested in the value $\Delta^{\$} \widehat{CoVaR}_{j|i,t,q}$, which just reflects the degree of interconnectedness. Given the direction of the systemic risk $\Delta^{\$} CoVaR$, it is advisable to measure the mutual influence in both directions. If j is the weighted average return of the stock index, and i is the return of company i , then we get the contribution of $\Delta^{\$} CoVaR$ of company i to systemic risk. If j is a company, and i corresponds to a stock index, then we get the company's exposure to systemic risk.

This approach allows you to identify the key elements of systemic risk. However, pairwise quantile regression is assumed. Since two companies are interacting in a non-isolated environment, all other

interaction effects must also be taken into account. In this regard, we expand the two-dimensional model to a higher dimension by including more variables (assets). That is, in the formula (6) M_{t-1} and $\widehat{VaR}_{i,t,q}$ can be considered as a vector. In this case, it is necessary to carry out the selection of variables. In this study, the LASSO-based variable selection method was used.

LASSO Penalized Quantile Regression

We used the A Tail Risk Network approach proposed in [20]. It is assumed that the composition of the variables that affect the size of the conditional quantile should include lagged values of factors specific to each of the firms and the influence of other companies. When evaluating quantile regression models, use regularization methods to select significant variables. Edge weights in A Tail Risk Network are calculated from the marginal effects of the variables in the regression dependencies.

In the first step, we estimate VaR for each company using linear quantile regression at the quantile level $q = 0.05$ using the equations (3), (5). Next, a network of company systemic (tail) risks interdependence is constructed using quantile regression with selection of variables to estimate the contribution to systemic risk as a result of changes in the respective company. The spread of tail risks across the network from one company to another indicates the interconnectedness of systemic risk and the presence of network spillovers. To do this, it is necessary to define the main element of the network: the $CoVaR$ risk. As in the (2) equation, X_j represents a single company, and j 's $CoVaR$ is estimated based on its information set [21, 22]:

$$X_{j,t} = \beta_{j|R_j}^T R_{j,t} + \epsilon_{j,t}, \quad (9)$$

$$\widehat{CoVaR}_{j|\tilde{R}_j,t,q}^{NET} = \hat{\beta}_{j|\tilde{R}_j}^T \tilde{R}_{j,t}, \quad (10)$$

$$\Delta \widehat{CoVaR}_{j|i,t,q}^{NET} = \widehat{CoVaR}_{j|i,t,q}^{NET} - \widehat{CoVaR}_{j|i,t,0.5}^{NET}, \quad (11)$$

$$\Delta^{\$} \widehat{CoVaR}_{j|i,t,q}^{NET} = Cap_{j,t} \cdot \Delta \widehat{CoVaR}_{j|i,t,q}^{NET}, \quad (12)$$

$$\hat{D}_{j|\tilde{R}_j,t} = \frac{\Delta^{\$} \widehat{CoVaR}_{j|i,t,q}^{NET}}{\sum_i Cap_{i,t}}. \quad (13)$$

Here $R_{j,t} = \{X_{-j,t}, M_{t-1}\}$ is the information set where $X_{-j,t} = \{X_{1,t}, X_{2,t}, \dots, X_{n,t}\}$ – explanatory variables including logarithmic returns of companies other than j -th.

Define $\beta_{j|R_j} = \{\beta_{j|-j}, \beta_{j|M}\}^T$. There is no time symbol t in the parameters because the model is tuned based on a single fixed window estimate.

In the future, the sliding time window procedure will be applied to estimate the parameters for all windows.

We define $\tilde{R}_{j,t} = \{\widehat{\text{VaR}}_{-j,t,q}, M_{t-1}\}$, where $\widehat{\text{VaR}}_{-j,t,q}$ are the estimated VaRs from (5) for all companies except j -th and $\hat{\beta}_{j|\tilde{R}_j} = \{\hat{\beta}_{j|j}, \hat{\beta}_{j|M}\}^\top$. CoVaR from the (10) equation represents the network risk caused by the tail-event and includes the influence of companies excluding the j -th, as well as the influence of macro variables. Finally, the dynamic $\Delta\text{CoVaR}^{\text{NET}}$ from the (11) equation measures how much other companies increase systemic risk of company j .

We denote the part of j 's systemic risk that can be attributed to i in dollar terms by $\Delta^s \text{CoVaR}_{j|i,t,q}^{\text{NET}}$.

The LASSO regularization procedure was used to select significant factors when constructing the quantile regression. Estimated coefficients $\hat{\beta}_{j|\tilde{R}_j}$ minimize the quantile regression objective function with a penalty:

$$f(\beta_{j|R_j}) = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \rho_q(y_i - x_i^\top \beta_{j|R_j}) + \lambda \|\beta_{j|R_j}\|_1, \quad (14)$$

where $\rho_q(u) = u(q - I(u < 0))$.

Thus, this approach makes it possible to select systemically important institutions for each company in all sliding time windows.

$\widehat{D}_{j|\tilde{R}_j}$ is equal to the ratio of the increase in the cost measure of risk associated with the i covariate to the total capitalization of the analyzed assets. $\widehat{D}_{j|\tilde{R}_j} = \{\widehat{D}_{j|j}\}^\top$ is a componentwise expression, where $\widehat{D}_{j|j}$ reflects the side effects of the spread of risk among selected companies and allows us to characterize their evolution in the network. It should be noted that only relationships between company j in relation to other companies ($\widehat{D}_{j|j}$) are included for network analysis. The $\widehat{D}_{j|M}$ macro state variables are not included because we are interested in side effects among companies in network analysis. In fact, when going from CoVaR risk to ΔCoVaR , macro state variables are eliminated by themselves.

The change in ΔCoVaR from normal to recession which measures the contribution of the risk of company i to the risk of company j is of special interest. In this study, we redefine the contribution of systemic risk as a percentage change in ΔCoVaR , standardized by companies' market capitalization. There are several reasons for adopting a new definition of the contribution to systemic risk. First, ΔCoVaR , defined as a simple change in CoVaR by Adrian and Brunnermeier [1], is not standardized,

which may not be an appropriate indicator for comparison. Second, ΔCoVaR , defined as a percentage change in CoVaR in Juan Reboledo and Andrea Ugolini [23], allows for a negative scaling denominator, which can change the sign of ΔCoVaR and bring to misleading results. As a reminder, ΔCoVaR must decrease with the dependency parameter. The new definition of ΔCoVaR allows, among other things, to take into account the size (market capital) of companies.

Let us define the estimation window in terms of s . Now we can build a directed tail risk network. The weighted adjacency matrix for all companies at the $\widehat{D}_{j|i}^s$ th window A_s (15) includes the absolute values in the upper triangular matrix (impact of company i on company j) and $\widehat{D}_{i|j}^s$ in the lower triangular matrix (impact of company j on company i).

$$A_s = \begin{pmatrix} 0 & \widehat{D}_{1|2}^s & \dots & \widehat{D}_{1|n}^s \\ \widehat{D}_{2|1}^s & 0 & \dots & \widehat{D}_{2|n}^s \\ \vdots & \vdots & \ddots & \vdots \\ \widehat{D}_{n|1}^s & \widehat{D}_{n|2}^s & \dots & 0 \end{pmatrix}. \quad (15)$$

This matrix shows the total connectivity of the variables in the s window. It is sparse and off-diagonal because the variable cannot be regressed onto itself. The rows of this matrix correspond to the incoming edges for the variable in the corresponding row, and the columns correspond to the outgoing edges for the variable in the corresponding column.

Network topological features

It is of interest how the level of systemic risk in the network changes over time. Graph density (edge density), which characterizes the interconnectedness of the network, can be considered as a measure of the overall systemic risk. However, the density of the graph does not take into account the weight of the edges. Therefore, we propose to generalize this measure of interconnectedness. Note that, unlike the degree of a node, the node strength takes into account not only the number of directly connected edges but also the weights of the edges. Since the spread of risk is directional, it is of interest to single out both companies that spread risk and companies that absorb risks. That out-strength (in-strength) is used to measure the ability of each company to infect (absorb) risk. These directional measures show the outgoing and incoming connectivity of each company. The out-strength (OS) of company i

is equal to the sum of the weights $|\widehat{D}_{j|i}^s|$ of outgoing edges from company i to other companies:

$$OS_i = \sum_{j=1}^n |\widehat{D}_{j|i}^s|.$$

In-strength (IS) of company i is equal to the sum of weights $|\widehat{D}_{i|j}|$ of incoming edges from other companies to company i :

$$IS_i = \sum_{j=1}^n |\widehat{D}_{i|j}|.$$

Then the following ratio can be considered as the level of systemic risk of the network (Total Strength):

$$TS = \sum_{i=1}^n OS_i = \sum_{i=1}^n IS_i.$$

Concentration can be another indicator that captures changes in systemic risk. For example, [24] showed that the more concentrated the network is, the higher is the systemic risk. Concentration is an important indicator of network structure and signals

the density of interconnectedness. As an indicator of network concentration, it is proposed to take the Herfindahl-Hirschman index (HHI) which for the network will have the following ratio:

$$HHI = \sum_{i=1}^n \left(\frac{E_i}{E_d}\right)^2.$$

Where E_i is the number of edges included in node i , E_d is the total number of edges in the network. Therefore, this ratio means the degree of relative connections of node i .

Empirical analysis

In this paper, we observe and analyse topological properties of the RTS network using the risk measure $\Delta CoVaR$. The list of considered companies by sectors of the economy is given in Table 1. The sample includes daily stock price quotes of 29 largest Russian companies for the period from 01.01.2012 to 24.02.2022 ($T = 2613$ trading days). Most of the companies under consideration belong to the energy and industrial sectors of the economy.

Table 1

List of companies by sector

Sector	Ticker	Name
Basic Materials	ALRS	Alrosa
	CHMF	Severstal
	GMKN	Nornickel
	MAGN	Magnitogorsk Iron and Steel Works
	NLMK	NLMK Group
	PHOR	Company PhosAgro
	PLZL	Polyus
	POLY	Polymetal
Communications Services	AFKS	AFK Sistema
	MTSS	MTS
	RTKM	Rostelecom
Consumer Defensive and Consumer Cyclical	MGNT	Magnit
	MVID	M. Video
Energy (Oil & Gas)	GAZP	Gazprom
	LKOH	Lukoil
	NVTK	Novatek
	ROSN	Rosneft
	SNGS	Surgutneftegas
	TATN	Tatneft
	TRNFP	Transneft
Financial Services	SBER	Sberbank of Russia
	VTBR	VTB Bank
Industrials (Airlines)	AFLT	Aeroflot
Real Estate	LSRG	LSR Group
	PIKK	PIK Group
Utilities	FEES	FGC UES
	HYDR	RusHydro
	IRAO	Inter RAO
	UPRO	Unipro

State variables M_{t-1} should not be treated as independent risk factors but as conditional variables that change the conditional mean and volatility. It should also be noted that the choice of state variable vector components should be approached very carefully [6]. When studying various processes, it is necessary to select appropriate macroeconomic indicators that affect them. In particular, if we are talking about the economic system as a whole, then such indicators will be the Gross Domestic Product (including per capita), the Gross National Product, the inflation rate, the key rate of the Central Bank, etc. If we are talking about the financial system, since it is mostly connected with the banking sector and the stock market, then the factors under consideration should include the rate on government bonds and bills, the key rate of the Central Bank, the yield of stock market indices, etc.

In the study, the following values were taken as macro variables: the RTS volatility index; liquidity spread defined as the difference between the REPO rate and the yield on government bonds; BRENT oil price level; dollar to ruble exchange rate. The choice of these indicators is due to the fact that each of them considers the financial and economic system of the Russian Federation from a certain point of view, and together they allow us to talk about the influence of macroeconomic factors in general.

Instead of the regression on system return, we will look at two indices that define the structure of companies' interconnectedness: the Systemic Risk Receiver index and the Systemic Risk Emitter index. They will allow to measure the contribution of

each company to systemic risk and, accordingly, to identify systemically important companies.

To analyze systemic risks determined by the ΔCoVaR measure, this paper proposes the following approaches:

- 1) estimation of the ΔCoVaR model over the entire period under consideration, taking into account macro variables;
- 2) sliding time window procedure;
- 3) study of structural changes in the risk distribution network.

The first approach provides a general (averaged) picture of the risk distribution network. Thus, ΔCoVaR is estimated for all companies over the considered period of 10 years. Estimation is done by applying the dynamic ΔCoVaR quantification model described in subsection 2.2 and the A Tail Risk Network approach with selection of variables using the LASSO regularization procedure (subsection 2.3).

Figure 1 shows an example of $\widehat{\text{VaR}}$ (thin black line), $\widehat{\text{CoVaR}}^{\text{NET}}$ (thinner blue line) and $\Delta\widehat{\text{CoVaR}}^{\text{NET}}$ (thinner red line) for Sberbank at the quantile level $q = 0.05$, i.e. a 5% quantile was taken for estimation (e.g. when Sberbank is dependent variable, then the independent variables include 16 other companies returns respectively and 5 macro state variables). It can be seen from the above graphs that the estimate of the conditional VaR is always lower than the unconditional one. This indicates the need to take into account systemic risks. This pattern is observed for all the companies under consideration. We also note the successful choice of macro variables for the dynamic ΔCoVaR model.

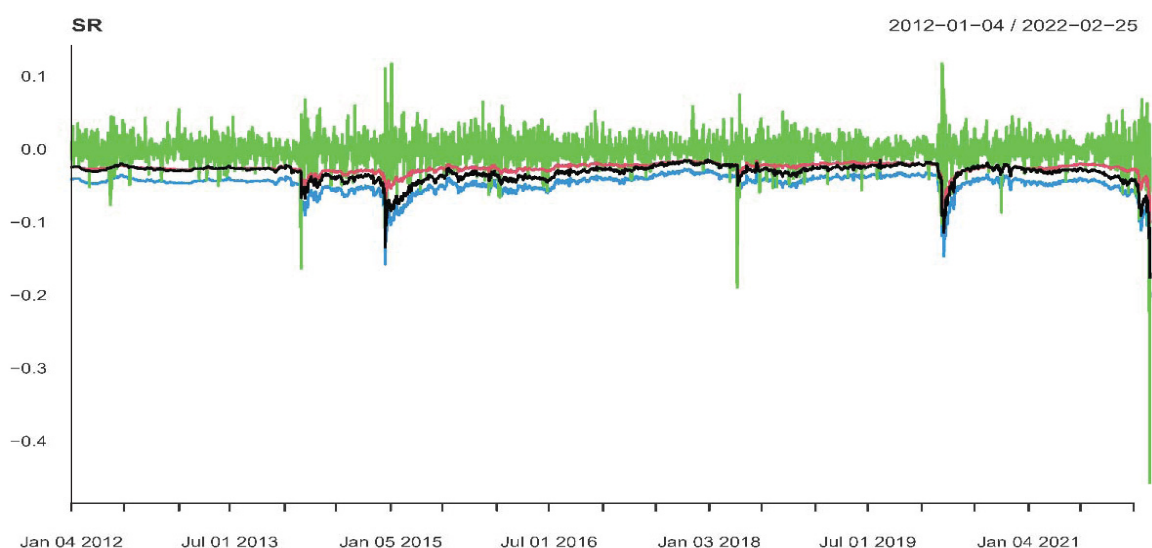

Fig. 1. Log return of Sberbank (thinner green line), VaR (thinner black line), $\widehat{\text{CoVaR}}^{\text{NET}}$ (thinner blue line) and $\Delta\widehat{\text{CoVaR}}^{\text{NET}}$ (thinner red line) for $q = 0.05$, window size = 2613 (color online)

Since we also obtained the matrix of the general connectivity of variables A_s in the window s , where s corresponds to the entire period under consideration, we can construct a graph implemented for this period. We show significant directional relationships between pairs of 29 company stocks over the entire period (Figure 2). The node size for company i corresponds to the value of the net risk transfer/acceptance to or from other variables ($OS_i - IS_i$). The red (blue) color of a node indicates

that the variable is a network transmitter (receiver) in the risk propagation system. The color of the edge corresponds to the magnitude of the pair risk spread. The green and orange edges correspond to the fifth and tenth percentiles of all pairwise directed links. As can be seen from the figure, the companies most exposed to risk are mainly the banking and energy sectors of the economy. At the same time, the list of companies that transfer risk is extensive and fairly evenly distributed.

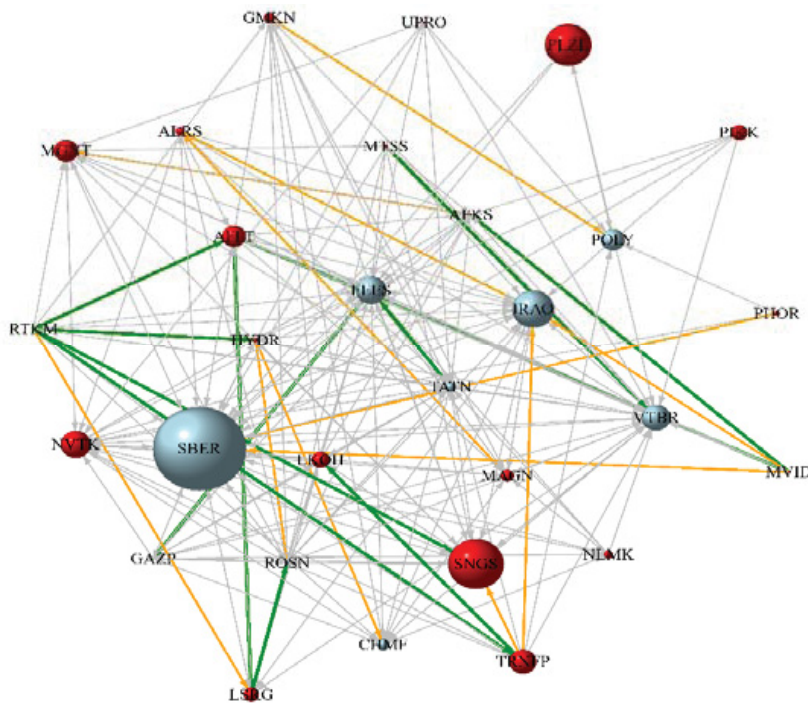

Fig. 2. Graph implemented for the entire period (color online)

The second approach allows to explore the evolution of market graph (how systemic risk changes over time). The size of the sliding window is taken equal to one calendar year (≈ 252 days). The sliding window is shifted by 1 month (≈ 22 days). We acknowledge that by choosing different window sizes and data rates, the results may vary. The choice of the optimal window size and data frequency requires a separate study that is beyond the scope of this work. In the next step, the $\Delta CoVaR$ based risk network is also estimated by applying a dynamic $\Delta CoVaR$ quantification model. As a result, 122 adjacency matrices A_s , $s = 1, \dots, 122$ were constructed and $\Delta CoVaR$ based risk network metrics were analyzed. This paper presents the results for $q = 0.05$, $\lambda = 0.0005$.

Figure 3 shows an important indicator of network structure: Total Strength and Herfindahl-

Hirschman Index (HHI) for all period (time corresponds to the end of the sliding window). It can be seen that Total Strength and the degree of concentration are strongly correlated. In the figure one can see sharp jumps (2014, 2015, 2018, 2020, 2022 years) in the density of the network. As you know, these periods correspond to the political, economic and pandemic crisis. A stronger inter-company relationship occurs during a more volatile period, hence a greater spillover risk (greater secondary risk) represented by the $\Delta CoVaR$ risk measure. These results agree with Adams, Fuess, Gropp [25]. It is worth noting that the level of systemic risk increased sharply even before the start of the military operation on February 24, 2022. Also, shortly before the significant drop in oil prices and the COVID-19 lockdown (March 2020), the level of systemic risk already started to increase.

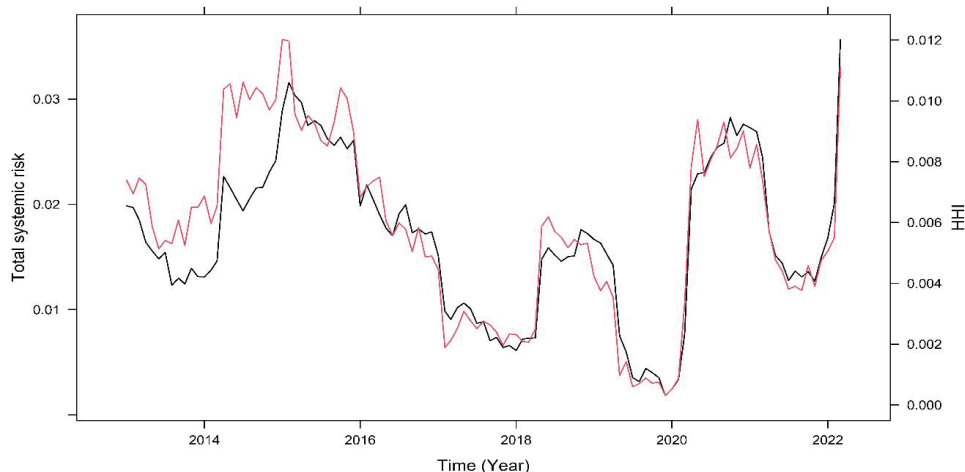

Fig. 3. Dynamics of the total systemic risk (thinner black line) and Herfindahl – Hirschman Index (thinner red line) (color online)

It is also of interest to identify the most important companies that are distributors of systemic risk. These are nodes with high propagation efficiency (powerful distributors) that are more likely to propagate negative shocks to a large portion of the network. These important knots can be used in practical applications for financial risk management, such as controlling the spread of shocks and making the economic system more resilient to negative events.

To find key nodes in a network, one can use known measures of centrality on a graph, such as degree centrality. It must be understood, however, that the location of a vertex may be more important than its degree. For example, if two companies have the same degree but different network position (one is located at the periphery and the other is connected to the most central set), then they may have different negative shock propagation efficiencies. Thus, highly connected assets with a high degree may not be the best propagators of negative shocks, while less connected assets associated with the center of the market graph can strongly stimulate the process of shock propagation. Therefore, different measures of centrality can be used to find important companies in a directed market graph. In our opinion, the most appropriate measures of centrality in the context of our study are:

- Strength Centrality (allows to identify companies with the highest weight of incoming and outgoing links);
- Betweenness Centrality (allows to identify connecting companies (“bridge companies”) through which systemic risk spreads);
- Page Rank (allows to find vulnerable companies that are most at risk);

- Eigenvector centrality (allows to determine which nodes (companies) are part of the cluster of influence).

We calculate given centrality measures for each node (company) for all sliding windows. We then rank company stocks in descending order, select the top 5 stocks for each measure, and combine them to create important assets. Table 2 shows the results for sliding windows corresponding to calendar years. The table also lists the top companies by measures of centrality for the entire period under review. As can be seen, over the entire period the leaders in all measures of centrality partly coincide. It is quite expected that these are predominantly banks (SBER, VTBR), which are leaders in all measures of centrality, and oil companies (ROSN, TATN), which are in the top in all measures of centrality, with the exception of Betweenness Centrality, where we find energy companies (FEES, NVTK, IRAO) along with the banks. The list of companies included in these tops by measures of centrality is unstable over time. Interestingly, during and after the 2020 pandemic, Sberbank fell out of the top in almost all measures of centrality, where oil and gas companies dominated.

We note that the In-Strength centrality, Page Rank and Eigenvector centrality measures give very similar results for sub-periods. Thus, it is safe to say that companies with a high In-Strength centrality score are also the most exposed to systemic risk and are part of the cluster of influence. The leaders in betweenness centrality through which systemic risk spreads most often include SBER and TATN.

During the first shock event (the political crisis in Ukraine in 2014), GAZP, VTBR and Sberbank

Table 2

Top 5 companies by period

Period	Active In-Strength	Active Out-Strength	Active Page Rank	Active Betw. Centr.	Active Eigen. Centr.
All	SBER 0.0677	SBER 0.0235	SBER 0.1269	SBER 0.2817	SBER 1.0000
	VTBR 0.0491	VTBR 0.0219	VTBR 0.0984	VTBR 0.2050	VTBR 0.7861
	FEES 0.0490	TATN 0.0216	FEES 0.0835	FEES 0.1548	TATN 0.6357
	TATN 0.0411	IRAO 0.0214	TATN 0.0807	NVTK 0.1283	FEES 0.6210
	IRAO 0.0309	MAGN 0.0214	ROSN 0.0680	IRAO 0.1164	ROSN 0.5660
2012	VTBR 0.0031	GAZP 0.0056	VTBR 0.1213	VTBR 0.4921	VTBR 1.0000
	HYDR 0.0029	SBER 0.0026	FEES 0.1138	SNGS 0.2831	HYDR 0.8056
	SNGS 0.0023	ROSN 0.0014	HYDR 0.0905	SBER 0.1481	FEES 0.6025
	TATN 0.0019	NVTK 0.0014	NLMK 0.0688	NLMK 0.1389	SNGS 0.5578
	FEES 0.0018	SNGS 0.0013	MAGN 0.0682	GAZP 0.1243	TATN 0.3672
2013	CHMF 0.0018	GAZP 0.0026	CHMF 0.1466	TATN 0.3175	CHMF 1.0000
	GMKN 0.0015	SBER 0.0025	NLMK 0.1021	GAZP 0.1667	NLMK 0.9194
	NLMK 0.0012	ROSN 0.0013	MAGN 0.0916	ROSN 0.1587	MAGN 0.5301
	MAGN 0.0011	LKOH 0.0009	IRAO 0.0885	NVTK 0.1508	TATN 0.5056
	RTKM 0.0011	VTBR 0.0007	FEES 0.0862	SBER 0.1310	GMKN 0.4943
2014	NVTK 0.0033	GAZP 0.0051	FEES 0.0881	NVTK 0.4061	MTSS 1.0000
	MTSS 0.0025	SBER 0.0041	AFLT 0.0796	SBER 0.2725	FEES 0.7711
	FEES 0.0018	NVTK 0.0028	SBER 0.0773	MTSS 0.2646	GMKN 0.6388
	GAZP 0.0018	ROSN 0.0028	NVTK 0.0692	AFKS 0.2566	AFLT 0.6119
	LSRG 0.0018	AFKS 0.0025	MAGN 0.0644	TATN 0.1852	VTBR 0.5092
2015	TATN 0.0031	GAZP 0.0039	TATN 0.1166	ROSN 0.4220	TATN 1.0000
	ROSN 0.0024	ROSN 0.0034	SNGS 0.1157	SBER 0.3638	LKOH 0.9444
	LKOH 0.0020	SBER 0.0021	LKOH 0.0742	SNGS 0.3598	ROSN 0.8116
	GAZP 0.0015	LKOH 0.0018	FEES 0.0651	GAZP 0.3056	GAZP 0.6205
	FEES 0.0011	SNGS 0.0015	SBER 0.0603	TATN 0.2460	SNGS 0.3239
2016	SBER 0.0027	SBER 0.0032	NLMK 0.1341	SBER 0.5899	SBER 1.0000
	TATN 0.0020	ROSN 0.0027	CHMF 0.1296	LKOH 0.5132	ROSN 0.8052
	ROSN 0.0015	GAZP 0.0022	MAGN 0.0941	CHMF 0.3175	LKOH 0.7697
	LKOH 0.0015	LKOH 0.0015	SBER 0.0624	ROSN 0.3135	TATN 0.6145
	NLMK 0.0008	CHMF 0.0006	LKOH 0.0617	NLMK 0.1733	VTBR 0.6097
2017	TATN 0.0008	SBER 0.0012	MTSS 0.1311	VTBR 0.2831	AFKS 1.0000
	AFKS 0.0007	ROSN 0.0009	HYDR 0.1276	HYDR 0.2434	HYDR 0.8171
	HYDR 0.0007	GAZP 0.0007	FEES 0.1060	SNGS 0.1693	MTSS 0.7889
	AFLT 0.0007	NVTK 0.0005	AFKS 0.1043	NLMK 0.1336	FEES 0.5002
	ALRS 0.0007	SNGS 0.0004	AFLT 0.0694	ROSN 0.1270	AFLT 0.4944
2018	SBER 0.0025	SBER 0.0050	SBER 0.1767	SBER 0.4854	GMKN 1.0000
	GMKN 0.0022	ROSN 0.0025	GMKN 0.1421	GMKN 0.2407	POLY 0.6535
	PLZL 0.0018	LKOH 0.0017	POLY 0.0975	IRAO 0.1138	SBER 0.6407
	VTBR 0.0014	GMKN 0.0015	PLZL 0.0891	NLMK 0.1124	PLZL 0.5676
	POLY 0.0012	NVTK 0.0010	NLMK 0.0709	ALRS 0.0979	VTBR 0.5185
2019	SBER 0.0006	GAZP 0.0006	SBER 0.1625	GAZP 0.0979	SBER 1.0000
	HYDR 0.0003	SBER 0.0005	HYDR 0.0911	VTBR 0.0714	HYDR 0.8837
	TATN 0.0003	NVTK 0.0002	GAZP 0.0797	SBER 0.0701	GAZP 0.6018
	GAZP 0.0002	PLZL 0.0002	PLZL 0.0720	SNGS 0.0635	MAGN 0.0685
	POLY 0.0002	MAGN 0.0001	POLY 0.0716	MAGN 0.0556	ROSN 0.0281
2020	TATN 0.0064	ROSN 0.0045	TATN 0.1270	ROSN 0.4947	TATN 1.0000
	ROSN 0.0031	GAZP 0.0035	ROSN 0.1020	TATN 0.1931	ROSN 0.4747
	IRAO 0.0024	LKOH 0.0035	IRAO 0.0873	LKOH 0.1905	LKOH 0.3762
	LKOH 0.0019	SBER 0.0033	LKOH 0.0855	IRAO 0.1680	GAZP 0.2348
	GAZP 0.0019	NVTK 0.0022	POLY 0.0772	GAZP 0.1627	IRAO 0.2089
2021	TATN 0.0025	ROSN 0.0030	NLMK 0.1276	GAZP 0.3439	TATN 1.0000
	GAZP 0.0022	GAZP 0.0028	MAGN 0.0916	GMKN 0.2910	NVTK 0.7569
	NVTK 0.0019	SBER 0.0026	CHMF 0.0862	ROSN 0.2778	GAZP 0.6231
	ROSN 0.0015	LKOH 0.0019	TATN 0.0794	CHMF 0.1944	ROSN 0.6064
	VTBR 0.0013	GMKN 0.0013	GAZP 0.0638	NVTK 0.1759	VTBR 0.5018

(SBER) have the highest value and are the main recipients of tail risk. During the 2020 pandemic, the oil and gas (TATN, ROSN, LKOH, GAZP) and energy (IRAO) sectors of the economy receive the largest incoming links. This is quite natural, since in 2020 there was “turbulence” in the oil market. Before the start of the military operation in Ukraine in 2022, the oil company Rosneft (ROSN) was exposed to the greatest systemic risks.

As for the Out-Strength dynamics, it can be noted that the distribution of the external force differs from the distribution of the internal force and is relatively uniform. During the political crisis of 2014, companies with a strong connection to Out-Strength: GAZP, SBER, NVTK, ROSN and AFK Sistema (AFKS). This list of companies is quite expected, with the exception of AFKS which extended its risks mainly to MTSS. This is quite natural, since AFK Sistema is the main shareholder of MTSS. Introduction of new sanctions in April 2018 primarily affected the systemic risk structures of SBER and ROSN. During the 2020 pandemic, we note a relatively small uniform increase in Out-Strength for almost all the companies under consideration. This is well explained by the lockdown, the imposition of restrictions, as well as external factors associated with the oil crisis. We note a relatively calm period of recovery after the pandemic, which gave way to a new political crisis in Ukraine. This led to the fact that the SBER bank, as well as the oil and gas sector of the economy (ROSN, LKOH, GAZP) increased the distribution of risks through the network.

In general, the higher the out-strength value is, the stronger is the ability of one company to spread residual risk to other companies. However, interconnectedness alone will not determine the systemic importance of each company. Therefore, we use the PageRank index, which takes into account both the interconnectedness and the influence of neighboring nodes.

The PageRank value for most companies is less than 0.1, while only a few companies have a high PageRank, indicating that they can act as influential companies in the Russian stock market. It can be noted that for most of the time interval under consideration, the largest bank in Russia, Sberbank, was a system-forming institution until the 2020 pandemic when oil companies seized this role. Thus, Sberbank is an important institution of the national economy with the characteristics of a high connection with other sectors of the economy. It comes as no surprise since the banking sector provides financial support to the development of enterprises in many industries, and if the financial

industry is in a state of recession, it will affect the development of the entire industry chain. The leadership of Sberbank is also confirmed by the betweenness centrality indicator. Throughout the considered time horizon, with the exception of the pandemic period, it was the main “bridge” for the spread of systemic risks.

During the pandemic, the leadership in terms of PageRank passed to oil companies (TATN, ROSN, LKOH). It is quite expected that during the period of the collapse in oil prices, these companies were at the center of the spread of risks.

Leadership in terms of eigenvector throughout the entire period under review was transferred from one company to another. During the political crisis of 2014–2015 SBER, VTBR, IRAO, FEES, AFLT, MAGN, CHMF, GMKN had a high degree of influence. As you can see, these are companies from different sectors of the economy. Since these companies are associated with many companies that also have high degrees of influence, they form a cluster of influence in this time period. In a relatively calm period (2018–2019), in addition to SBER, companies from the Basic Materials sector had a high degree of influence: POLY, PLZL, GMKN. During the pandemic, as well as the political crisis of 2022 in Ukraine, positions of oil companies (TATN, ROSN, LKOH) in the cluster of influence have strengthened.

We also compare the structure of graphs built over different periods. This period of time can be characterized as a transition from the crisis state of the Russian economy caused by political events in Ukraine, the imposition of sanctions and the depreciation of the national currency to a period of stable external conditions, a stable level of prices in the raw materials and oil markets, and relatively low volatility of most of the analyzed time series. During the relatively quiet period of 2012–2013, a significant positive NET-effect = $SO - SI$ (red) was observed for GAZP, which decreased over time, passing to SBER, LKOH, ROSN. The negative NET effect was typical for TATN, IRAO, FEES. During the 2014 crisis there were no cardinal changes in the structure of the risk distribution network. During the quiet periods of 2015–2017, the number of links as well as the NET effect is reduced. Since the imposition of new sanctions in April 2018, mainly SBER, but also ROSN and LKOH have put the system at significant risk. For companies in the steel sector such as GMKN, PLZL, POLY, as well as VTBR bank, incoming risks exceeded outgoing risks (blue) in this time period. As you can see from the graphs, the shock in April 2018 is limited to one month and starting from May 2018 systemic risks

are reduced to the lowest level for the considered ten-year period. Interestingly, the composition of risk source and recipient companies during the 2014 and 2020 crises practically match. During the 2020 pandemic, TATN, IRAO, FEES and AFKS became the main risk recipients. GAZP, SBER, LKOH, ROSN and NVTK became risk distributors during this period, as well as during the political crisis in 2014. It is interesting that the increase in the overall level of systemic risks before the start of the military operation in Ukraine is mainly associated with an increase in the outgoing risks of SBER and GAZP.

The third approach will determine whether perturbations lead to structural changes in the risk propagation network. Table 3 shows pairwise correlations for graphs for various subperiods, built on the basis of the approach proposed in Section 2.3. To calculate the significance of relationships between graphs (Table 4), the QAP procedure [26] was used. Sub-periods were distinguished in such a way that they did not capture the moments of the onset of recessions in the economy. This made it possible to localize adverse events in the economy and track structural changes in the network after they occur. The following sub-periods have been identified:

- 1) 2012.01 – 2013.01 – a relatively quiet period;
- 2) 2013.02 – 2014.02 – the period preceding the political crisis in Ukraine in 2014;
- 3) 2014.04 – 2015.04 – a turbulent period after the political events in Ukraine in February–March

2014, which also included the imposition of sanctions against Russia, the fall in oil prices and the collapse of the national currency;

- 4) 2016.01 – 2017.01 – a relatively quiet period;
- 5) 2017.02 – 2018.02 – a relatively quiet period, before the presidential elections and the introduction of new sanctions against Russia;
- 6) 2018.05 – 2019.03 – the period after the introduction of new sanctions;
- 7) 2019.04 – 2020.02 – a relatively quiet period, before the introduction of a lockdown due to the COVID-19 pandemic, as well as a collapse in oil prices;
- 8) 2020.04 – 2021.04 – the period of economic recovery after the effects of the COVID-19 pandemic;
- 9) 2021.05 – 2022.02 – a turbulent period accompanied by political tension in the country, preceding the military operation in Ukraine.

As we can see from Tables 3 and 4, there were practically no structural changes in the risk distribution network (adjacent and even distant graphs are significantly interconnected), with the exception of the 5th period (before the presidential elections and the introduction of new sanctions), after which the structure of the spread of risks moved into a new state. Interestingly, this period in the Russian economy can be characterized as a relatively calm period of stable economic growth, which also does not resemble previous periods, with the exception of the 3rd turbulent period for the Russian economy.

Table 3

Graph correlations for different sub-periods

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	1.00	0.23	0.11	0.09	0.12	0.20	0.21	0.06	0.04
2	0.23	1.00	0.07	0.25	0.04	0.36	0.24	0.25	0.15
3	0.11	0.07	1.00	0.04	0.79	0.11	0.05	0.07	0.04
4	0.09	0.25	0.04	1.00	-0.00	0.23	0.17	0.25	0.22
5	0.12	0.04	0.79	-0.00	1.00	0.09	0.05	-0.01	0.01
6	0.20	0.36	0.11	0.23	0.09	1.00	0.17	0.28	0.27
7	0.21	0.24	0.05	0.17	0.05	0.17	1.00	0.33	0.19
8	0.06	0.25	0.07	0.25	-0.01	0.28	0.33	1.00	0.36
9	0.04	0.15	0.04	0.22	0.01	0.27	0.19	0.36	1.00

Table 4

p-value for graph correlation for different sub-periods

Subperiods	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	0.00	0.00	0.03	0.04	0.02	0.00	0.00	0.09	0.16
2	0.00	0.00	0.05	0.00	0.09	0.00	0.00	0.00	0.00
3	0.02	0.03	0.00	0.11	0.00	0.02	0.04	0.03	0.10
4	0.03	0.00	0.08	0.00	0.37	0.00	0.00	0.00	0.00
5	0.02	0.10	0.00	0.34	0.00	0.03	0.06	0.44	0.30
6	0.00	0.00	0.02	0.00	0.02	0.00	0.00	0.00	0.00
7	0.00	0.00	0.05	0.00	0.06	0.01	0.00	0.00	0.00
8	0.11	0.00	0.03	0.00	0.45	0.00	0.00	0.00	0.00
9	0.20	0.00	0.09	0.00	0.28	0.00	0.00	0.00	0.00

Results

This article provides an analysis of systemic risks, the study of which has attracted increasing attention in recent years. The work is mainly empirical in nature, considering the “tail event” and network methods. A fairly simple risk measure ΔCoVaR was chosen as an indicator of Systemic risk, reflecting the directional, tail dependence between companies in the financial system taking into account their market capitalization. The dynamics of a network built on the basis of quantile regression to assess the systemic significance of financial institutions depending on their interconnectedness in the tails was considered.

ΔCoVaR expands the concept of systemic risk, complementing the measures designed to assess it within the framework of macroprudential policy. It can be concluded that ΔCoVaR is useful for better understanding how risk spreads through the stock market. It is easy to interpret, does not require a complex dataset, and can be used in conjunction with other risk indicators. This will help to better understand the risks that threaten the stability of the Russian stock market. It is important to note that the results of this study allow ΔCoVaR to be associated with reliably measured characteristics at the facility level. The ΔCoVaR risk measure, like any tail risk, is based on a relatively small number of extreme points. Therefore, unfavorable movements, especially after periods of stability, can lead to a significant increase in the tail risk measure. In contrast, characteristics such as company size can be reliably measured at higher frequencies. “Too big to fail” suggests that size is the dominant variable, and hence large institutions must face stricter regulations than smaller institutions. However, focusing only on size does not suggest that many smaller institutions are following the system. Our solution to this problem is to combine the strengths of both types of indicators by projecting ΔCoVaR onto multiple, more frequently observed variables, providing a tool to identify systemically important financial institutions. The approach proposed in this study allows for weighting the relative importance of different characteristics of firms.

Empirical results show that the relationship grows during times of crisis. Based on the connectivity structure, companies that accept risks and companies that spread systemic risks were identified. When evaluating the risk contributions between companies and the risk of each company’s exposure to a system failure, it can be argued that SBER, TATN are the least stable companies and more sensitive to failures in other companies. On

the other hand, the same SBER company is also the main supplier of systemic risks, alternately forming a cluster of influence together with the oil companies TATN, ROSN, LKOH. We cannot argue that larger companies contribute more to the risk of the Russian stock market than smaller companies, nor can we argue that companies with a high individual VaR contribute more to the risk of the Russian stock market than companies with lower individual VaR . Of all the companies in the RTS Index, PHOR, PIKK, UPRO appear to be the least sensitive to disasters in other companies than others. It should also be noted that during the time period we are considering, there were practically no significant structural changes in the risk distribution network. The exception was the relatively calm period before the presidential elections in March 2018 and the introduction of new sanctions against Russia in April 2018, after which the risk distribution network returned to its “usual” state. It is noteworthy that this calm period is similar in its structure to the distribution of risks to a rather turbulent period after the political events in Ukraine in February–March 2014, which also included the imposition of sanctions against Russia, the fall in oil prices and the collapse of the national currency.

References

1. Adrian T., Brunnermeier Markus K., Nguyen Hoai-Luu Q. *Hedge Fund Tail Risk. Quantifying Systemic Risk*. University of Chicago Press, 2013, pp. 155–174. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226921969.003.0006>
2. De Nicolo G., Lucchetta M. Systemic Risks and the Macroeconomy. In: Haubrich J., Lo A. (eds.) *Quantifying Systemic Risk*. National Bureau of Economic Research, Inc., 2011, pp. 113–148. Available at: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:nbr:nberch:12051> (accessed June 22, 2023).
3. Lehar A. Measuring systemic risk: A risk management approach. *Journal of Banking & Finance*, 2005, vol. 29, pp. 2577–2603. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2004.09.007>
4. Biais D., Flood M., Lo A., Valavanis S. A Survey of Systemic Risk Analytics. *Annual Review of Financial Economics*, 2012, vol. 4. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1983602>
5. Smaga P. The Concept of Systemic Risk. *Systemic Risk Centre Special Paper*. The London School of Economics and Political Science, 2014, vol. 5.
6. Adrian T., Brunnermeier M. K. COVAR. *NBER Working Papers, 17454*. National Bureau of Economic Research, Inc, 2011. <https://doi.org/10.3386/w17454>
7. Adrian T., Brunnermeier M. K. CoVaR. *American Economic Review*, 2016, vol. 106, iss. 7, pp. 1705–1741. <https://doi.org/10.1257/aer.20120555>

8. Boginski V., Butenko S., Pardalos P. M. Chapter 2: On structural properties of the market graph. In: Nagurney A. (ed.) *Innovations in Financial and Economic Networks*, 2004, pp. 29–45. <https://doi.org/10.4337/9781035304998.00010>
9. Boginski V., Butenko S., Pardalos P. Network models of massive datasets. *Computer Science and Information Systems*, 2004, vol. 1, iss. 1, pp. 75–89. <https://doi.org/10.2298/CSIS0401075B>
10. Xiao F., Liu X. F., Tse C. Dynamics of Network of Global Stock Markets. *Accounting and Finance Research*, 2012, vol. 1, iss. 2. <https://doi.org/10.5430/afr.v1n2p1>
11. Onnela J.-P., Saramaki J., Kertesz J., Kaski K. Intensity and coherence of motifs in weighted complex networks. *Physical Review E*, 2005, vol. 71, iss. 6. <https://doi.org/10.1103/PhysRevE.71.065103>
12. Emmert-Streib F., Dehmer M. Identifying critical financial networks of the DJIA: Toward a network-based index. *Complexity*, 2010, vol. 16, pp. 24–33. <https://doi.org/10.1002/cplx.20315>
13. Boginski V., Butenko S., Pardalos P. Mining market data: A network approach. *Computers & Operations Research*, 2006, vol. 33, iss. 1, pp. 3171–3184. <https://doi.org/10.1016/j.cor.2005.01.027>
14. Huang W. Q., Zhuang X. T., Yao S. A network analysis of the Chinese stock market. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 2009, vol. 388, iss. 14, pp. 2956–2964. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2009.03.028>
15. Namaki A., Shirazi A., Raei R., Jafari G. Network analysis of a financial market based on genuine correlation and threshold method. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 2011, vol. 390, iss. 21–21, pp. 3835–3841. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2011.06.033>
16. Sidorov S., Barabash V., Faizliev A. Analysis of the impact of sanctions on systemic risks for Russian. *Lecture Notes in Engineering and Computer Science*. Proceedings of the World Congress on Engineering 2017, WCE 2017. 2017, vol. 2229, pp. 380–384. EDN: XXIOLB
17. Androsov I., Faizliev A., Korotkovskaya E., Lunikov A., Mironov S., Petrov V., Sidorov S., Smolov F. Shock Diffusion Analysis for a Directed Market Network Constructed with Use of the Risk Measure CoVaR. *Journal of Physics: Conference Series*, 2019, vol. 1334, iss. 1, 012003. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1334/1/012003>
18. Kalyagin V. A., Koldanov A. P., Koldanov P. A., Pardalos P. M. Optimal decision for the market graph identification problem in a sign similarity network. *Annals of Operations Research*, 2018, vol. 266, pp. 313–327. <https://doi.org/10.1007/s10479-017-2491-6>
19. Jorion P. *Value at Risk: The New Benchmark for Managing Financial Risk*. 3rd ed. New York, McGraw-Hill, 2006. 602 p.
20. Hautsch N., Schaumburg J. and Schienle M. Financial Network Systemic Risk Contributions. *Review of Finance*, 2014, vol. 19, iss. 2, pp. 685–738. <https://doi.org/10.1093/rof/rfu010>
21. Hardle W. K., Wang W., Yu L. Systemic risk, Systemic risk network, Generalized quantile, Quantile single-index regression, Value at risk, CoVaR, Lasso. *Journal of Econometrics*, 2016, vol. 192, iss. 2, pp. 499–513. <https://doi.org/10.1016/j.jeconom.2016.02.013>
22. Zhang W., Zhuang X., Wang J., Lu Y. Connectedness and systemic risk spillovers analysis of Chinese sectors based on tail risk network. *The North American Journal of Economics and Finance*, 2020, vol. 54, 101248. <https://doi.org/10.1016/j.najef.2020.101248>
23. Reboredo J., Ugolini A. Systemic risk in European sovereign debt markets: A CoVaR-copula approach. *Journal of International Money and Finance*, 2015, vol. 51, pp. 214–244. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2014.12.002>
24. Fang L., Cheng J., Su F. Interconnectedness and systemic risk: A comparative study based on systemically important regions. *Pacific-Basin Finance Journal*, 2019, vol. 54, pp. 147–158. <https://doi.org/10.1016/j.pacfin.2019.02.007>
25. Adams Z., Fuss R., Gropp R. Spillover Effects among Financial Institutions: A State-Dependent Sensitivity Value-at-Risk Approach. *Journal of Financial and Quantitative Analysis*, 2014, vol. 49, iss. 3, pp. 575–598. <https://doi.org/10.1017/S0022109014000325>
26. Krackardt D. QAP partialling as a test of spuriousness. *Social Networks*, 1987, vol. 9, iss. 2, pp. 171–186. [https://doi.org/10.1016/0378-8733\(87\)90012-8](https://doi.org/10.1016/0378-8733(87)90012-8)

Поступила в редакцию 19.04.2023; одобрена после рецензирования 09.06.2023; принята к публикации 12.06.2023
The article was submitted 19.04.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 12.06.2023

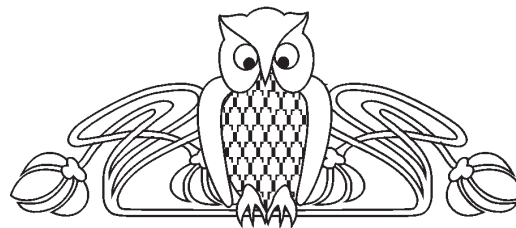

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 293–298
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 293–298
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-293-298>, EDN: RYWPZR

Научная статья
УДК 338

Проблемы и направления совершенствования цифровизации промышленного производства

К. О. Кирилов

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Кирилов Кирилл Олегович, аспирант кафедры менеджмента организации, kirilovv98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1989-9981>

Аннотация. Введение. Цифровизация промышленного сектора в России является приоритетной задачей, направленной на модернизацию и оптимизацию производственных процессов, улучшение качества и конкурентоспособности продукции, а также укрепление позиций страны на мировом рынке, что обуславливает актуальность анализа проблем внедрения цифровых технологий в промышленное производство. **Теоретический анализ.** Представлены основные внутренние и внешние аспекты цифровизации промышленного производства, которые могут повлиять на ее успешность, проведен SWOT-анализ и проанализированы преимущества, недостатки, возможности и угрозы, связанные с цифровизацией промышленного производства в России. **Эмпирический анализ.** Цифровизация промышленного производства в России протекает под воздействием следующих проблем: отсутствие цифровой инфраструктуры, недостаток квалифицированных кадров, высокая стоимость внедрения, проблемы кибербезопасности, неподготовленность законодательства. **Результаты.** Определены направления совершенствования цифровизации промышленного производства связаны с улучшением эффективности, гибкости, качества и конкурентоспособности организации, а также с созданием новых возможностей для роста и развития.

Ключевые слова: цифровизация, проблемы цифровизации, направления совершенствования цифровизации, цифровизация промышленности

Для цитирования: Кирилов К. О. Проблемы и направления совершенствования цифровизации промышленного производства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 293–298. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-293-298>, EDN: RYWPZR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Problems and directions of improving the industrial production digitalization

K. O. Kirilov

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Kirill O. Kirilov, kirilovv98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1989-9981>

Abstract. Introduction. Digitalization of the industrial sector in Russia is a priority task aimed at modernizing and optimizing production processes, improving the quality and competitiveness of products, as well as strengthening the country's position in the world market, which makes it relevant to analyze the problems of introducing digital technologies into industrial production. **Theoretical analysis.** The main internal and external aspects of the industrial production digitalization that may affect its success are presented, a SWOT analysis is carried out and the advantages, disadvantages, opportunities and threats associated with the digitalization of industrial production in Russia are analyzed. **Empirical analysis.** The digitalization of industrial production in Russia is under the influence of the following problems: lack of digital infrastructure, lack of qualified personnel, high implementation costs, cybersecurity problems, unprepared legislation. **Results.** The directions for improving the digitalization of industrial production are determined. In general, the results of improving the industrial production digitalization are associated with improving the efficiency, flexibility, quality and competitiveness of the organization, as well as creating new opportunities for growth and development.

Keywords: digitalization, problems of digitalization, directions of digitalization improvement, digitalization of industry

For citation: Kirilov K. O. Problems and directions of improving the industrial production digitalization. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 293–298 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-293-298>, EDN: RYWPZR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современном мире цифровизация стала одним из ключевых трендов, оказывающих значительное влияние на различные отрасли экономики. Промышленное производство не является исключением, и страны всего мира активно внедряют цифровые технологии для повышения эффективности, снижения затрат и обеспечения конкурентоспособности своих промышленных предприятий.

В России цифровизация промышленного сектора также стала приоритетной задачей, направленной на модернизацию и оптимизацию производственных процессов, улучшение качества и конкурентоспособности продукции, а также укрепление позиций страны на мировом рынке. Однако внедрение цифровых технологий в промышленное производство сопряжено с рядом проблем и вызовов, которые необходимо учитывать и решать для достижения успешных результатов.

Цель данной статьи заключается в исследовании проблем и направлений совершенствования цифровизации промышленного производства в России. Мы рассмотрим основные препятствия, с которыми сталкиваются промышленные предприятия при внедрении цифровых технологий, и предложим перспективные направления развития, способные помочь в преодолении этих проблем и повышении эффективности цифровизации в промышленном секторе.

Теоретический анализ

Цифровизация промышленного производства – это процесс применения современных цифровых технологий, таких как интернет вещей (IoT), искусственный интеллект (ИИ), аналитика данных, автоматизация и роботизация, в целях оптимизации и улучшения производственных процессов и достижения более эффективных и гибких результатов. SWOT-анализ является инструментом стратегического планирования, который помогает оценить сильные и слабые стороны организации какого-либо процесса, в нашем случае цифровизации промышленных предприятий, а также возможности и угрозы, с которыми приходится сталкиваться на пути к достижению цели и задач цифровизации. SWOT-анализ позволяет провести всестороннюю оценку текущего состояния и потенциала цифровизации промышленного производства, а также определить ключевые факторы, которые могут повлиять на ее успех.

Цифровизация позволяет автоматизировать и оптимизировать производственные процессы, что приводит к повышению производительности. Использование технологий, таких как автоматическое управление оборудованием, сбор и анализ данных в реальном времени, позволяет улучшить эффективность работы и сократить временные и ресурсные затраты. Цифровые технологии позволяют более точно контролировать процессы производства, что приводит к улучшению качества продукции. Использование автоматического контроля и обратной связи способствует выявлению и устранению дефектов на ранних этапах производства, а аналитика данных позволяет выявлять паттерны и тенденции, нацеленные на улучшение качества.

Для анализа проблем и направлений совершенствования цифровизации промышленного производства в России представим ее SWOT-анализ (табл. 1) [1, с. 154].

В табл. 1 представлены основные преимущества, недостатки, возможности и угрозы, связанные с цифровизацией промышленного производства в России. Внутренние аспекты описывают факторы, связанные с самим процессом цифровизации, а внешние аспекты отражают внешние факторы, которые могут повлиять на успешность цифровизации промышленного сектора.

Внедрение цифровых технологий и цифровизация промышленного производства в России сталкиваются с рядом проблем, которые затрудняют их эффективную реализацию. Вот некоторые из этих проблем [2, с. 280].

1. *Отсутствие цифровой инфраструктуры.* Одной из главных проблем является ограниченная доступность высокоскоростного интернета, несовершенство сетевой инфраструктуры и недостаточное покрытие цифровыми технологиями. Это ограничивает возможности применения цифровых решений в промышленности, особенно в удаленных районах страны.

2. *Недостаток квалифицированных кадров.* Для успешной цифровизации промышленного производства требуются специалисты с соответствующими навыками и знаниями. Однако на данный момент недостаток квалифицированных кадров в области цифровых технологий становится значительным препятствием для прогресса в этой сфере.

3. *Высокая стоимость внедрения.* Цифровизация промышленного производства требует значительных финансовых вложений, особенно в приобретение и установку нового

SWOT-анализ внутренних и внешних аспектов цифровизации промышленного производства
SWOT analysis of internal and external aspects of industrial production digitalization

Сильные стороны	Слабые стороны
Внутренние аспекты	
Автоматизация производственных процессов	Высокие затраты на внедрение новых технологий
Увеличение производительности	Потребность в обучении персонала
Оптимизация использования ресурсов	Риски информационной безопасности
Улучшение качества продукции	Возможность отставания от конкурентов в случае неэффективной цифровизации
Возможности	Угрозы
Создание новых видов продукции и услуг	Недостаточная поддержка государства
Развитие цифровой инфраструктуры	Нарушение конфиденциальности данных
Внедрение умных технологий и систем искусственного интеллекта	Регулятивные и правовые ограничения
Внешние аспекты	
Рост глобального спроса на цифровые технологии	Отсутствие единой цифровой инфраструктуры
Возможность привлечения инвестиций в цифровые проекты	Недостаточная поддержка со стороны правительства
Улучшение конкурентоспособности на мировом рынке	Технические и технологические ограничения
Возможность развития экспорта цифровых решений	Риск зависимости от иностранных поставщиков технологий
Возможности	Угрозы
Укрепление позиций на международных рынках	Конкуренция со стороны других стран
Повышение эффективности сотрудничества с иностранными партнерами	Риск утечки интеллектуальной собственности
Развитие цифровых экосистем и инновационных кластеров	Негативное воздействие на экологию и здоровье людей

оборудования, разработку и внедрение специализированного программного обеспечения и обучение персонала. Это может ограничивать доступ малых и средних предприятий к цифровым решениям [3, с. 46].

4. *Проблемы кибербезопасности.* Внедрение цифровых технологий и использование сетевых связей в промышленности повышают риск кибератак и утечки конфиденциальной информации. Недостаточное внимание к кибербезопасности может привести к серьезным последствиям, включая простой производства и утечку коммерческой информации.

5. *Неподготовленность законодательства.* Российское законодательство не всегда адаптировано к быстро развивающимся цифровым технологиям и не предоставляет достаточно ясных и полных норм и правил в отношении цифровизации промышленного производства.

Это может создавать юридическую неопределенность и затруднять внедрение инновационных цифровых решений [4, с. 238].

Устранение указанных проблем и создание благоприятной среды для цифровизации промышленного производства требует комплексного подхода, включающего инвестиции в развитие цифровой инфраструктуры, обучение квалифицированных кадров, создание эффективной системы кибербезопасности, разработку и совершенствование законодательства, а также стимулирование малых и средних предприятий для внедрения цифровых решений.

Эмпирический анализ

Представим ключевые проблемы цифровизации промышленного производства (табл. 2) [5, с. 508].

Таблица 2 / Table 2

Проблемы цифровизации промышленного производства
Problems of industrial production digitalization

Проблема	Характеристика	Пример
Отсутствие цифровой инфраструктуры	Ограниченная доступность высокоскоростного интернета, несовершенство сетевой инфраструктуры и недостаточное покрытие цифровыми технологиями	Некоторые отдаленные районы России испытывают проблемы с доступом к высокоскоростному интернету, что затрудняет внедрение цифровых решений в промышленность
Недостаточная цифровая грамотность	Ограниченные знания и навыки сотрудников в области цифровых технологий, несоответствие образовательной системы требованиям цифровой экономики	Некоторые предприятия сталкиваются с трудностями при обучении персонала использованию новых цифровых инструментов и адаптации к цифровой среде работы
Высокие затраты на внедрение	Высокая стоимость приобретения и внедрения цифровых технологий, неэффективное использование имеющихся ресурсов	Некоторые предприятия испытывают трудности в финансировании проектов по цифровизации и не всегда могут оправдать затраты на внедрение новых технологий
Отсутствие стандартов и нормативов	Недостаточное развитие и отсутствие единых стандартов в области цифровизации промышленного производства	Отсутствие единых стандартов может приводить к несовместимости различных цифровых систем и усложнять интеграцию между предприятиями и поставщиками
Угрозы информационной безопасности	Рост киберпреступности и несовершенство систем защиты данных, опасность утечки коммерческой информации	Несоблюдение мер по обеспечению информационной безопасности может привести к утечке конфиденциальной информации и нанести ущерб предприятию и его клиентам

В табл. 2 описываются основные проблемы цифровизации промышленного производства в России, а именно: отсутствие цифровой инфраструктуры, недостаточная цифровая грамотность сотрудников, высокие затраты на внедрение, отсутствие стандартов и нормативов, а также угрозы информационной безопасности. Каждая проблема имеет свои характеристики, которые сопровождаются пояснениями и конкретными примерами, чтобы наглядно продемонстрировать реальные сложности, с которыми сталкиваются предприятия при внедрении цифровых технологий.

Направления совершенствования цифровизации промышленного производства представляют собой конкретные шаги и меры, которые можно предпринять для улучшения и оптимизации процессов в промышленной сфере с помощью внедрения цифровых технологий [6, с. 29].

1. Создание и развитие цифровой инфраструктуры [7, с. 314]:

- проведение анализа текущей инфраструктуры и выявление узких мест и недостатков;
- постепенное внедрение цифровых технологий, начиная с ключевых производственных процессов и постепенного расширения на другие области;

– разработка дорожной карты по созданию и модернизации цифровой инфраструктуры, учитывая бюджетные ограничения и приоритетные задачи.

2. Повышение цифровой грамотности сотрудников:

- организация обучающих программ и тренингов по цифровым технологиям и инструментам для сотрудников всех уровней;
- создание внутренних цифровых экспертных групп или центров компетенций, которые будут обеспечивать поддержку и консультации сотрудникам по цифровым вопросам;
- использование интерактивных онлайн-платформ и обучающих ресурсов для самообучения сотрудников.

3. Снижение затрат на внедрение цифровых технологий:

- разработка и внедрение программ финансовой поддержки или налоговых льгот для компаний, которые внедряют цифровые технологии;
- поиск возможностей для совместного финансирования и внедрения цифровых решений с государственными или частными организациями;
- анализ и выбор наиболее эффективных и приемлемых с точки зрения затрат цифровых решений, сосредоточение на ключевых областях применения.

4. Разработка стандартов и нормативов:
– участие в отраслевых организациях и инициативах по разработке стандартов и нормативов для цифровизации промышленности;

– взаимодействие с государственными органами и регуляторами для создания благоприятной среды для разработки и внедрения цифровых технологий;

– обмен опытом и лучшими практиками с другими предприятиями и отраслями для разработки общих стандартов.

5. Обеспечение информационной безопасности:

– разработка и внедрение политик и процедур информационной безопасности, включая аутентификацию, шифрование данных и мониторинг угроз;

– обучение сотрудников в области информационной безопасности и осведомленности о рисках;

– внедрение систем мониторинга и реагирования на инциденты информационной безопасности.

Внедрение данных направлений позволит преодолеть проблемы, связанные с цифровизацией промышленного производства, и достичь оптимальной эффективности, гибкости и конкурентоспособности предприятия [8, с. 46].

Результаты

Таким образом, цифровизация промышленного производства является неотъемлемой составляющей современной промышленности. Однако она также сталкивается с рядом проблем, которые могут затруднять ее внедрение и развитие. Важно осознать, что эти проблемы не являются неразрешимыми, а требуют комплексного и системного подхода. Несмотря на проблемы, существуют конкретные направления, которые могут помочь в совершенствовании цифровизации промышленного производства. Каждое из этих направлений имеет свои преимущества и способно привести к улучшению производительности, эффективности и конкурентоспособности предприятий. Для успешной цифровизации промышленного производства необходимо преодолеть проблемы, развивать кадровый потенциал и финансовую поддержку, а также активно внедрять современные технологии и инновационные подходы, что позволит предприятиям достичь новых уровней развития и укрепить свои позиции на рынке.

Список литературы

1. Нуржанова Н. Б., Золотова С. В. Проблемы и перспективы развития анализа объема продаж промышленного предприятия в цифровой экономике // *Economic aspects of industrial development in the transition to a digital economy*. Сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции. Уфа : НИЦ «Вестник наук», 2020. С. 153–157. EDN: DEWYMC
2. Амирханова П. М. Внедрение цифровых технологий на предприятиях промышленности // *Заметки ученого*. 2022. № 3-1. С. 278–282. EDN: SAEWNT
3. Трофимова Н. Н., Будагов А. С. Ключевые проблемы промышленных предприятий в процессе цифровой трансформации // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2021. Т. 1, № 12 (120). С. 44–50. <https://doi.org/10.36871/ek.ur.pr2021.12.01.005>, EDN: QKMFJG
4. Гаджиметов Б. Э., Яковлева И. К. Роль цифровизации в развитии отечественной промышленности // *Экономист года 2020*. Сборник статей Международного профессионально-исследовательского конкурса. Петрозаводск, 2020. С. 234–239. EDN: RNTENZ
5. Кирилюк Н. В. Вопросы цифровизации промышленных предприятий, проблемы и пути их преодоления // *Рассохинские чтения : материалы междунар. конф. / под ред. Р. В. Агинеи*. Ухта : Ухтинский гос. тех. ун-т, 2023. С. 508–511.
6. Альгина Т. Б., Сиротина Л. К. Актуальные проблемы цифровизации производственного учета и оперативного планирования на промышленном предприятии // *Промышленная политика макрорегиона в глобальной трансформации современного общества : сб. ст. по результатам научно-практической конференции и молодежной секции МАЭФ-2021 в Санкт-Петербурге / под ред. А. Е. Карлика, А. А. Золотарева*. СПб. : Санкт-Петербургский гос. экон ун-т, 2021. С. 28–32. EDN: BGUYXZ
7. Левин А. М., Бабич О. В. Вопросы цифровой трансформации предприятий промышленности // *Управление и цифровизация: национальное и региональное измерение : сб. ст. II национальной науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Брянск : Брянский гос. ун-т им. академика И. Г. Петровского, 2022. С. 314–317.
8. Афонасова М. А. Цифровизация как инструмент повышения эффективности промышленного сектора экономики // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 8 (121). С. 46–49.

References

1. Nurzhanova N. B., Zolotova S. V. Problems and prospects of the analysis of the sales volume of an industrial enterprise in the digital economy. *Economic Aspects of Industrial Development in the Transition to a Digital Economy. Collection of scientific articles based on the materials of the II International Scientific and Practical Conference*. Ufa, NITS "Vestnik nauk", 2020, pp. 153–157 (in Russian). EDN: DEWYMC

2. Amirkhanova P. M. Introduction of digital technologies at industrial enterprises. *Zametki Uchenogo* [Notes of the Scientist], 2022, no. 3-1, pp. 278–282 (in Russian). EDN: SAEWNT
3. Trofimova N.N., Budagov A.S. Key problems of industrial enterprises in the process of digital transformation. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 2021, vol. 1, no. 12 (120), pp. 44–50 (in Russian). <https://doi.org/10.36871/ek.up.pr2021.12.01.005>, EDN: QKMFJG
4. Gadjimetov B. E., Yakovleva I. K. The role of digitalization in the development of domestic industry. In: *Ekonomist Goda 2020. Cbornik statey Mezhdunarodnogo professional'no-issledovatel'skogo konkursa* [Economist of the Year 2020. Collection of articles of the International Professional Research Competition]. Petrozavodsk, 2020, pp. 234–239 (in Russian). EDN: RNTENZ
5. Kirilyuk N. V. Issues of digitalization of industrial enterprises, problems and ways to overcome them. In: Aginey R. V. (ed.) *Rassokhinskiye chteniya: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Rassokhin Readings. Materials of the International Conference]. Ukhta, Ukhta State Technical University, 2023, pp. 508–511 (in Russian).
6. Algina T. B., Sirotnina L. K. Actual problems of digitalization of production accounting and operational planning at an industrial enterprise. In: Karlik A. E., Zolotarev A. A. (eds.) *Promyshlennaya politika makroregiona v global'noy transformatsii sovremennogo obshchestva* [Industrial Policy of the Macroregion in the Global Transformation of Modern Society. Collection of articles based on the results of the scientific and practical conference and the youth section of MAEF-2021 in St. Petersburg]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University of Economics, 2021, pp. 28–32 (in Russian). EDN: BGUYXZ
7. Levin A.M., Babich O.V. Issues of digital transformation of industrial enterprises. *Upravleniye i tsifrovizatsiya: natsional'noye i regional'noye izmereniye* [Management and Digitalization: National and Regional Dimension. Collection of articles of the II national scientific and practical conference with international participation]. Bryansk, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, 2022, pp. 314–317 (in Russian).
8. Afonasova M. A. Digitalization as a tool for improving the efficiency of the industrial sector of the economy. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2020, vol. 14, no. 8, pp. 46–49 (in Russian).

Поступила в редакцию 29.05.2023; одобрена после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 27.06.2023
The article was submitted 29.05.2023; approved after reviewing 21.06.2023; accepted for publication 27.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 299–306
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 299–306
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-299-306>, EDN: SCQBBM

Научная статья
УДК 334.02

Механизмы принятия управленческих решений в области цифровизации производственных процессов промышленного предприятия

Е. Л. Макарова¹✉, А. А. Фирсова², А. А. Дергачев³

¹Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

³ПАО «Таганрогский авиационный научно-технический комплекс имени Г. М. Бериева», Россия, 347923, г. Таганрог, пл. Авиаторов, д. 1

Макарова Елена Львовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента и инновационных технологий, elmakarova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4100-4879>

Фирсова Анна Александровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов и кредита, a.firsova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8906-6326>

Дергачев Андрей Андреевич, начальник центрального технологического отдела, adergachev@sfedu.ru

Аннотация. Введение. Актуальность исследования процессов цифровизации промышленного предприятия и разработки методологии внедрения систем управления производственными процессами обусловлена тем, что внедряемые в производственную сферу цифровые технологии являются важными драйверами для улучшения процессов управления производством, повышения показателей производительности труда, снижения трудоемкости изготовления продукции, уменьшения себестоимости выпускаемой продукции и улучшения ее качества. **Теоретический анализ.** Проанализированы наиболее часто применяемые в современной практике промышленных предприятий авиационной отрасли информационные системы и продукты. **Эмпирический анализ.** Проведен анализ вариантов принятия управленческих решений создания ERP-комплекса, автоматизирующего процессы технологической подготовки производства, методами анализа преимуществ и недостатков, парных сравнений и Кепнера – Трего. Представлен механизм принятия обоснованных управленческих решений по анализу альтернатив, а также проведены оценка и выбор вариантов цифровизации процессов технологической подготовки производства на основе использования принципов разработки управленческого решения. **Результаты.** Обоснован выбор системы Global ERP для управления процессами подготовки производства на промышленных предприятиях авиационной отрасли, так как он наиболее точно соответствует выбранным критериям оценки.

Ключевые слова: управленческие решения, цифровизация, сравнительный анализ, метод парных сравнений, промышленное предприятие

Для цитирования: Макарова Е. Л., Фирсова А. А., Дергачев А. А. Механизмы принятия управленческих решений в области цифровизации производственных процессов промышленного предприятия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 299–306. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-299-306>, EDN: SCQBBM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Mechanisms for managerial decision making during the digitalization of production processes for an industrial enterprise

Е. Л. Makarova¹✉, А. А. Firsova², А. А. Dergachev³

¹South Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

³PJSC "Taganrog Aviation Scientific and Technical Complex named after G. M. Beriev", 1 Aviatorov Sq., Taganrog 347923, Russia

Elena L. Makarova, elmakarova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4100-4879>

Anna A. Firsova, a.firsova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8906-6326>

Andrey A. Dergachev, adergachev@sfedu.ru

Abstract. Introduction. The relevance of studying the industrial enterprise digitalization processes and developing a methodology for implementing production process control systems is due to the fact that digital technologies introduced into the manufacturing sector are important drivers for improving production management processes, improving labor productivity indicators, reducing the labor intensity of manufacturing

products, reducing the cost of products and increasing quality. **Theoretical analysis.** The information systems and products most commonly used in modern practice of industrial enterprises in aviation industries are analyzed. **Empirical analysis.** The analysis of options for making managerial decisions to create an ERP complex that automates the processes of production's technological preparation was carried out using the methods of analyzing advantages and disadvantages, paired comparisons and Kepner – Trego. A mechanism for making informed management decisions on the analysis of alternatives is presented, as well as the evaluation and selection of options for digitalization of the technological preparation processes based on the use of the principles of developing a management decision. **Results.** The choice of the Global ERP system for managing production preparation processes at industrial enterprises in the aircraft industry is justified, since it most closely matches the selected evaluation criteria.

Keywords: managerial decisions, digitalization, pros and cons analysis, paired-comparison method, industrial enterprise

For citation: Makarova E. L., Firsova A. A., Dergachev A. A. Mechanisms for managerial decision making during the digitalization of production processes for an industrial enterprise. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 299–306 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-299-306>, EDN: SCQBVM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Цифровая трансформация – одна из национальных целей Российской Федерации до 2030 г., утвержденных Указом Президента РФ № 474 от 21 июля 2020 г. Цифровизация высокотехнологичных промышленных предприятий является ключевым фактором успеха в конкурентной внешней среде, внедряемые в производственную сферу цифровые технологии выступают важными драйверами для улучшения процессов управления производством, повышения показателей производительности труда, снижения трудоемкости изготовления продукции, уменьшения себестоимости выпускаемой продукции и улучшения ее качества. Сегодня для цифровизации доступен широчайший спектр цифровых инструментов и технологий. Для отечественных предприятий в современных геополитических условиях цифровизации производства – это императив для перехода к политике импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета, переориентации на внутреннего производителя и поиска собственных современных решений в различных областях науки и техники [1]. Масштабная цифровая трансформация в условиях риска отказа от зарубежной технической поддержки и поставок новых версий программного обеспечения должна быть сконцентрирована на внедрении российских решений в сфере информационных технологий на промышленных предприятиях. Эти обстоятельства обуславливают актуальность исследования процессов цифровизации промышленного предприятия и разработки методологии внедрения систем управления производственными процессами на них.

Целью данной работы является обоснование и выбор методов принятия управленческих решений, происходящих при векторном воздействии внедрения цифровых процессов в производственную сферу деятельности про-

изводственного предприятия. Настоящее исследование основывается на экспертной оценке процессов подготовки производства менеджерами высшего звена управления предприятий авиастроительной отрасли по разработке, производству, реализации, сопровождению эксплуатации, гарантийному и сервисному обслуживанию, модернизации, ремонту и утилизации авиационной техники гражданского и военного назначения, входящих в ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация».

Теоретический анализ

Цифровизация на промышленных предприятиях – это перевод производственных и бизнес-процессов и операций в электронный формат с использованием цифровых технологий. Цифровизацию бизнес-процессов промышленного предприятия следует рассматривать как концепцию создания единой системы цифрового пространства, в рамках которой интегрируются производственные процессы, системы обеспечения жизнедеятельности и безопасности предприятия.

Одной из главных задач цифровизации является процесс перехода от ручного управления к автоматизации. Системы управления производством позволяют получить больший контроль над объектами управления и улучшить производительность, снизить временные затраты и ошибки. Другой процедурой в рамках цифровизации является сбор и анализ данных. Через сенсоры и другие устройства, машины и оборудование, информационные технологии и сети телекоммуникаций предприятия могут собирать информацию о своей работе и передавать ее непосредственно на серверы. Это позволяет улучшить мониторинг работы всего оборудования и управление. Аналитический инструментальный информационных технологий позволяет, используя аналитику, принимать более грамотные и эффективные управленческие решения.

Также важным аспектом цифровизации является совершенствование всех производственных, операционных и бизнес-процессов. Интегрированные системы планирования ресурсов предприятия, управления цепочками поставок и управления заказами автоматизируют весь процесс – от проектирования, строительства и производства продукции до продажи, доставки и сервиса клиентов.

Необходимость процессов цифровизации для устойчивого развития промышленного предприятия обусловлена возможностями внедрения новых технологий, которые позволяют повысить эффективность, уменьшить затраты, снизить риск ошибок и обеспечить высокое качество продукции.

В настоящее время на большинстве промышленных предприятий императив цифровизации производственных процессов реализуется через применение различных информационных технологий и программных средства.

Однако в современной практике промышленных предприятий авиационной отрасли процесс подготовки производства носит характер «хаотичности» рабочего процесса всех отделов, под которой понимается единовременное применение в работе разных программных сред. Наиболее часто применяемыми являются следующие информационные системы и продукты:

– АСУ (автоматизированная система управления) – предназначена для управления различными процессами в рамках технологической подготовки производства предприятия, а также для автоматизации технологических процессов. Она служит для создания служебных записок, комплектовочных ведомостей, составления спецификаций деталей сборочных единиц, заказа стандартного оборудования, стандартных изделий и другой технической документации. При работе с данным программным обеспечением имеются сложности составления и ведения технической документации, приходится вносить колоссальное количество информации вручную. Для создания документа необходимо проходить долгую и сложную цепочку последовательных действий, вследствие чего тратится значительное количество полезного времени. Данный программный продукт является сложным при обучении новых пользователей. На текущий момент, по отзывам специалистов, эта система является трудозатратной, сложной, неудобной в работе и устаревшей, слабо отвечает текущим требованиям оперативного создания технической документации;

– 1С Предприятие – используется сотрудниками для ведения документооборота и передачи служебной документации, может передаваться по внутренней локальной почте сети и корпоративной почте. При работе с данным программным обеспечением дополнительно документация дублируется физически на бумаге;

– продукты Microsoft Access и Microsoft Office (в большей степени Excel) – универсальные, широко распространенные продукты для группировки и анализа данных, позволяют обрабатывать большие технические массивы данных, однако возникают частые потери данных и затруднена интеграция с другими корпоративными системами и ПО;

– различные децентрализованные частные программные комплексы и использование локальной сети для хранения и обработки массивов данных, однако в этом варианте отсутствует возможность соединять данные разных технологических документов в автоматическом режиме, это затратно и функционально неэффективное в сравнении с другими продуктами решение.

Множественность часто одновременно используемых программных сред порождает потери данных и невозможность оперативно в режиме реального времени контролировать, в каком состоянии и на каком этапе проработки, в каком отделе и у какого специалиста находится тот или иной технический документ. Приходится пользоваться механическим учетом и фиксировать передачу документов в Excel, что чревато потерей данных. Также, поскольку присутствует человеческий фактор, возможны ошибки и потери, на ликвидацию которых необходимо тратить большое количество времени и человеческих ресурсов для диспетчеризации данных в этой среде, что отвлекает сотрудников от более важных и ответственных дел.

Ввиду неполноты функционала и морально-го устаревания, сложностей в работе и частых программных ошибок данные системы в процессе подготовки производства промышленных предприятий не отвечают современным требованиям по оперативному созданию и управлению технологическими и конструкторскими документами.

Поэтому на большинстве промышленных предприятий, кроме финансового обеспечения процессов цифровизации, проблема заключается в отсутствии организационной стратегии интеграции технологической подготовки производства в виде единого программного комплекса, автоматизирующего процессы технологической подготовки производства.

Решением данных проблем на промышленном предприятии является использование комплексной системы планирования ресурсов Enterprise Resource Planning (ERP) как единой цифровой платформы для автоматизации и трансформации критически важных процессов управления производством, включая информационную поддержку всего комплекса производственных процессов – от конструкторской и технологической документации, обеспечивающей всестороннее описание состава и технологии изготовления изделия и подготовки производства, до производственного обслуживания, ремонта, управления запасами, учета финансовых операций, складской логистики, персонала и документооборота [2, 3].

ERP является универсальной многопользовательской системой, область применения которой включает: решение задач планирования производства; взаимодействие с конструкторскими системами автоматизированного проектирования; управление процессом регистрации и учета документов и формирование электронного архива документации на изделия в любых форматах на базе единого хранилища данных и библиотек; организация типовых решений, коллективной работы; управление версионностью документов, конфигурацией изделий, извещениями на изменения и формирование печатных форм технических документов; обеспечение быстрого и удобного доступа к нормативно-справочной базе для всех участников производственного процесса. ERP решает задачу создания единой среды разработки, формирования базы знаний и управления данными об изделии на протяжении всего жизненного цикла, а также обеспечение доступа к ее ресурсам всех заинтересованных служб [4].

ERP-система помогает автоматизировать процессы и объединяет все бизнес-процессы в единую информационную систему, позволяя управлять ресурсами и контролировать все операции в реальном времени. Ее использование на промышленном предприятии является высокоэффективным инструментом, который позволяет контролировать, уменьшить издержки и улучшить управление бизнес-процессами, повысить скорость и эффективность предприятия.

Эмпирический анализ

Внедрение системы ERP на промышленном предприятии находится в ведении высшего менеджмента, поэтому субъектом принятия решений выступает руководство предприятия.

Объектом в настоящем исследовании является система автоматизации процессов подготовки производства на предприятиях авиастроительной отрасли. Для организации внедрения системы ERP необходимы разработка механизмов принятия обоснованных управленческих решений по анализу альтернатив, а также оценка и выбор вариантов, соответствующих основным принципам разработки управленческого решения.

Методы принятия управленческих решений представляют собой рациональные процессы, включая систематические процедуры применения критического мышления к информации, данным и опыту для принятия сбалансированного решения, когда выбор между альтернативами неясен. Они обеспечивают организованные способы применения навыков критического мышления, разработанных для сбора ответов на вопросы о проблеме. Этапы принятия решения включают: уточнение цели, оценку альтернатив, оценку рисков и выгод, принятие решения. Каждый этап включает в себя критерии оценки и альтернативы. Оценка подразумевает систематический метод обработки и передачи информации, обеспечивает общий язык и единый подход, который выводит принятие решений из области личных предпочтений или идиосинкразического поведения.

При принятии управленческих решений в области цифровизации производственных процессов и создания программного ERP-комплекса, автоматизирующего процессы технологической подготовки производства на предприятиях авиастроительной отрасли, были использованы следующие методы.

При оценке альтернатив был использован метод анализа преимуществ и недостатков (Pros and Cons). Это метод качественного сравнения, в котором для каждой альтернативы выявляются преимущества и недостатки. Списки преимуществ и недостатков, основанные на мнении экспертов в выбранной предметной области, сравниваются друг с другом для каждой альтернативы. Предпочтительна альтернатива с самыми сильными преимуществами и самыми слабыми недостатками [5]. Документация по данному решению должна включать обоснование, объясняющее, почему преимущества предпочтительной альтернативы более важны, а ее недостатки менее существенны, чем у других альтернатив [6].

В табл. 1 представлены результаты анализа альтернатив создания программного ERP-комплекса, автоматизирующего процессы технологической подготовки производства на предприятии.

**Анализ альтернатив создания программного ERP-комплекса
Alternatives for creating a ERP software complex**

Достоинства	Недостатки
Альтернатива 1: ERP-система	
<p>Совершенствование процессов технологической подготовки производства</p> <p>Внедрение единой ERP-системы, адаптированной под специфику предприятия на базе существующих программных решений</p> <p>При успешном внедрении расходы на систему окупаются посредством повышения эффективности взаимодействия бизнес-процессов предприятия, что приведет к повышению производительности труда, снижению затрат и росту прибыли</p>	<p>Значительные затраты на внедрение ERP-системы и трудности с настройкой сложного программного обеспечения на территории производственных предприятий с учетом их размеров</p> <p>Затраты на обучение персонала при работе с новым программным обеспечением.</p>
Альтернатива 2: Децентрализованная система	
<p>Сохранение необъединенных, разрозненных цифровых платформ и отсутствие финансовых затрат на внедрение новой единой системы</p> <p>Сохранение режима работы производственного предприятия</p> <p>Отсутствие дополнительных затрат на обучение персонала работе с новым программным обеспечением</p>	<p>Потеря данных, невозможность оперативного контроля над документооборотом</p> <p>Невозможность оперативного отслеживания текущего состояния проработки документов, что влечет «залеживание» срочных документов на ожидании</p> <p>Отсутствие прозрачности документооборота</p> <p>Ежедневные потери времени на формирование отчетов</p> <p>Снижение уровня производительности труда</p> <p>Срыв сроков, невыполнение заказов, дополнительные издержки, рекламации, которые могут повлечь убытки, многократно превышающие стоимость внедрения единой ERP-системы</p>

Таким образом, исходя из имеющихся вариантов решения принятия решения, следует сделать вывод, что сравнительный анализ преимуществ и недостатков приводит к выбору Альтернативы 1, включая количественные и качественные составляющие (соответствие принципам экономичности, уменьшения себестоимости, оптимизации всего неструктурированного производства).

На следующем этапе исследования при оценке альтернатив был использован метод парных сравнений, который исследует предпочтения и позволяет ранжировать имеющиеся варианты. Метод парных сравнений рассматривал вариант выбора автоматизации процессов технологической подготовки из четырех ERP-систем производства, являющихся лидерами в отрасли – двух зарубежных и двух отечественных:

– SAP ERP – программное обеспечение для планирования ресурсов предприятия, разработанное немецкой компанией SAP SE. SAP ERP включает в себя ключевые бизнес-функции организации. Это автоматизированная

система, предлагающая комплекс решений для выстраивания общего информационного пространства на базе предприятия и эффективного планирования ресурсов и рабочих процессов. SAP ERP оптимизирует планирование внутренних и внешних корпоративных ресурсов и позволяет сделать единое рабочее поле, в котором сотрудники смогут эффективно взаимодействовать [7];

– Oracle ERP – система управления и оптимизации внутрихозяйственными процессами предприятия (производство, финансы, снабжение, управление персоналом и др.). Oracle предлагает машинное обучение для предиктивного планирования и прогнозирования стратегической работы за счет автоматизации трудоемких бизнес-процессов, позволяет идентифицировать и запускать новые бизнес-модели и отслеживать результаты в режиме реального времени, статистика, полученная с помощью машинного обучения, позволяет прогнозировать проблемы и не допускать их возникновения [8];

– 1С:ERP Управление предприятием – известная отечественная система, позволяющая

построить комплексную информационную среду для управления деятельностью любого предприятия. Это инновационное решение от компании «1С» использует комплексный подход к управлению бизнесом, лучшие международные методики и многолетнюю отечественную практику, что гарантирует гибкость настройки, удобство использования и существенный экономический эффект. Линейка решений 1С:ERP охватывает все основные отрасли, имеет большой набор функций и программных инструментов, подходит для использования на предприятиях любой численности [9];

– Global ERP – российская ERP-система, бизнес-приложения и платформа для цифровизации процессов управления производством, ремонтами, складами, финансами, торговлей, персоналом. Система в реестре российского программного обеспечения полностью соответствует требованиям импортозамещения и работает под разными операционными системами, включая AstraLinux. В качестве СУБД используется PostgreSQL [4].

По оценке экспертов, методом парных сравнений были получены результаты, представленные в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Выбор альтернативы создания программного ERP-комплекса методом парных сравнений
Alternatives' selection for creating a ERP software complex by paired comparison analysis

	A: 1C ERP	Б: SAP ERP	В: Global ERP	Г: Oracle ERP
A: 1C ERP	–	A	B	A
Б: SAP ERP	A	–	B	Г
В: Global ERP	B	B	–	B
Г: Oracle ERP	A	Г	B	–
Итого	2	0	3	1
Ранжир	2	4	1	3

Результаты

Итоговым этапом исследования для детальной оценки при принятии управленческих решений был применен метод Кепнера – Трего (Kepner – Tregoe). Анализ решений Кепнера – Трего – это метод количественного сравнения, при котором группа экспертов оценивает критерии и альтернативы в цифрах на основе индивидуальных суждений и оценок. Он подходит для умеренно сложных решений, включающих несколько критериев. На языке Кепнера – Трего каждый критерий оценки сначала оценивается на основе его относительной важности по сравнению с другими критериями (например, 1 = наименьший; 10 = наибольший). Эти баллы становятся весовыми коэффициентами критериев. После того как желаемые задачи (цели) были определены, каждой из них присваивается вес в соответствии с ее относительной важностью. Определяется наиболее важная цель, которая получает вес 10. Все остальные цели взвешиваются по сравнению с первой, от 10 (одинаково важные) до возможного 1 (абсолютно неважные). Альтернативы оцениваются относительно друг друга по соответствующим целям по одному разу. Альтернативы также оцениваются индивидуально по каждому критерию цели на основе их относительной эффективности. Общий балл определяется для каждой альтер-

нативы путем умножения ее балла по каждому критерию на веса критерия (относительный весовой коэффициент для каждого критерия) и последующего суммирования по всем критериям. Предпочтительный вариант будет иметь наивысший общий балл [5].

Подход Кепнера – Трего основан на предположении, что конечная цель любого решения – принятие «наилучшего возможного» выбора. Важный момент: цель не в том, чтобы сделать идеальный выбор или выбор, в котором нет недостатков. Тот, кто принимает решение, должен пойти на некоторый риск. И важная особенность матрицы Кепнера – Трего заключается в том, что она помогает оценить и снизить риски, связанные с вашим решением.

Анализ Кепнера – Трего в настоящем исследовании проводился с учетом следующих критериев систем ERP: доступ к единым данным всей организации, функциональная полнота и технологичность системы, эксплуатационные свойства системы, предварительные ценовые характеристики системы (ПО, внедрение, сопровождение и т.д.).

В табл. 3 представлены критерии и аргументы для детальной оценки при принятии управленческих решений создания ERP-комплекса, автоматизирующего процессы технологической подготовки производства, методом принятия решений Кепнера – Трего.

Таблица 3 / Table 3

Выбор альтернативы создания программного ERP-комплекса методом принятия решений Кепнера – Трего
Alternatives' selection for creating a ERP software complex by Kepner – Tregoe decision analysis

Объективные критерии	Вес	1C ERP	Вариативный бал	Общий бал
Доступ к данным	8	8	9	72
Функциональность системы	9	8	9	81
Эксплуатационные свойства системы	7	8	9	63
Стоимость	10	0,95	8	80
Итого				296
Объективные критерии	Вес	SAP ERP	Вариативный бал	Общий бал
Доступ к данным	8	7	7	56
Функциональность системы	9	6	6	54
Эксплуатационные свойства системы	7	8	9	63
Стоимость	10	0,90	10	100
Итого				273
Объективные критерии	Вес	Oracle ERP	Вариативный бал	Общий бал
Доступ к данным	8	8	7	64
Функциональность системы	9	7	7	63
Эксплуатационные свойства системы	7	8	9	63
Стоимость	10	0,93	9	90
Итого				280
Объективные критерии	Вес	Global ERP	Вариативный бал	Общий бал
Доступ к данным	8	10	10	100
Функциональность системы	9	10	10	90
Эксплуатационные свойства системы	7	10	10	70
Стоимость	10	1	7	70
Итого				330

Таким образом, принятие взвешенного решения по выбору альтернатив создания программного ERP-комплекса для управления процессами подготовки производства на промышленных предприятиях авиастроительной отрасли по результатам проведенного исследования обосновывается следующим образом: сумма взвешенных баллов показывает, что ERP-система Global ERP наиболее точно соответствует выбранным критериям оценки.

Сегодня цифровизация становится частью стратегий многих промышленных предприятий, и требуется создание новых производственных моделей, инфраструктурных реше-

ний и механизмов ее эффективного проведения.

В настоящем исследовании представлен механизм принятия управленческих решений и проведены оценка и выбор вариантов цифровизации процессов технологической подготовки производства с использованием методов анализа преимуществ и недостатков, парных сравнений и Кепнера – Трего. В результате был обоснован выбор системы Global ERP, так как он наиболее точно соответствует выбранным критериям оценки, и внедрение этой системы будет способствовать достижению нового уровня эффективности цифровизации производственного предприятия.

Список литературы

1. Цифровизация промышленности. Обзор TADVISER 2023/01/30. URL: <https://www.tadviser.ru/a/709652> (дата обращения: 05.04.2023).
2. Павлов П. В., Макарова Е. Л. Совершенствование управления цепями поставок в авиационной промышленности: тематическое исследование // *Логистика и управление цепями поставок*. 2017. № 2 (79). С. 98–111. EDN ZBLXLN
3. Makarova E. L., Pavlov P. V. Supplier management improvement in aviation industry: A case study of Beriev aircraft company // *International Journal of Supply Chain Management*. 2017. Vol. 6, № 1. P. 41–54. EDN: YVIZFB
4. Система Global. URL: <https://global-system.ru/global-system.ru/files/global-manufacturing.pdf> (дата обращения: 05.04.2023).
5. Pros and Cons: Overview. URL: <https://www.spicelogic.com/docs/RationalWill/ProsConsAnalysis/pros-and-cons-281> (дата обращения: 13.04.2023).
6. Арутюнова Д. В., Мартыненко М. А. Механизм формирования стратегии выхода компании на международный рынок // *Управление в экономических и социальных системах*. 2021. № 2 (8). С. 5–14. EDN YYPPPS
7. Планирование ресурсов предприятия // SAP ERP. URL: <https://www.sap.com/cis/products/erp/what-is-sap-erp.html> (дата обращения: 05.04.2023).
8. Oracle Enterprise Resource Planning (ERP) // Oracle. URL: <https://www.oracle.com/cis/erp/> (дата обращения: 05.04.2023).
9. 1C:ERP Управление предприятием. URL: <https://solutions.1c.ru/catalog/1cerp/features> (дата обращения: 05.04.2023).

References

1. *Tsifrovizatsiya promyshlennosti. Obzor TADVISER 2023/01/30* (Digitization of industry. Review TADVISER 2023/01/30). Available at: <https://www.tadviser.ru/a/709652> (accessed April 5, 2023) (in Russian).
2. Pavlov P. V., Makarova E. L. Supply chain management development in aviation industry: Theme research. *Logistics and Supply Chain Management*, 2017, no. 2 (79), pp. 98–111 (in Russian). EDN ZBLXLN
3. Makarova E. L., Pavlov P. V. Supplier management improvement in aviation industry: A case study of Beriev aircraft company. *International Journal of Supply Chain Management*, 2017, vol. 6, no. 1, pp. 41–54. EDN: YVIZFB
4. *Global system*. Available at: <https://global-system.ru/global-system.ru/files/global-manufacturing.pdf> (accessed April 5, 2023) (in Russian).
5. *Pros and Cons: Overview*. Available at: <https://www.spicelogic.com/docs/RationalWill/ProsConsAnalysis/pros-and-cons-281> (accessed April 13, 2023).
6. Arutyunova D. V., Martynenko M. A. Exit strategy formation mechanism of the company to the global market. *Management in Economic and Social Systems*, 2021, no. 2(8), pp. 5–14 (in Russian). EDN YYPPPS
7. Enterprise resource planning. *SAP ERP*. Available at: <https://www.sap.com/cis/products/erp/what-is-sap-erp.html> (accessed April 5, 2023) (in Russian).
8. Oracle Enterprise Resource Planning (ERP). *Oracle*. Available at: <https://www.oracle.com/cis/erp/> (accessed April 5, 2023) (in Russian).
9. *1C:ERP Upravlenie predpriyatiem* (1C:ERP Enterprise management). Available at: <https://solutions.1c.ru/catalog/1cerp/features> (accessed April 5, 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 14.04.2023; одобрена после рецензирования 14.05.2023; принята к публикации 30.05.2023
The article was submitted 14.04.2023; approved after reviewing 14.05.2023; accepted for publication 30.05.2023

ПРАВО

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 307–315
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 307–315
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-307-315>
EDN: TRPROZ

Научная статья
УДК 349.6

О понятии и правовых средствах обеспечения устойчивого развития городов

А. П. Анисимов¹✉, Г. Ш. Узакова²

¹Донской государственный технический университет, Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

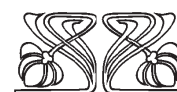
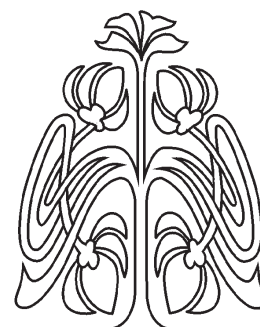
²Ташкентский государственный юридический университет, Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. Сайилгох, д. 35

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

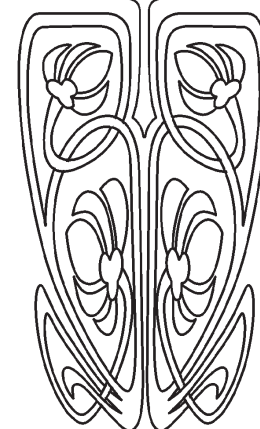
Узакова Гузал Шариповна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экологического права, гузалшариповна@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9357-3200>

Аннотация. Введение. Концепция устойчивого развития продолжает получать с каждым годом все большую поддержку как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Главной причиной ее популярности является то, что данная концепция стала качественно новой стратегией общественного развития, призванной обеспечить баланс экологических, экономических и социальных интересов гражданина, бизнеса, общества и государства в интересах не только настоящего, но и будущих поколений. **Теоретический анализ.** Движение к устойчивому развитию городов в рамках общей стратегии достижения ЦУР обеспечивается деятельностью органов публичной власти и общественности по наилучшему решению социальных, экономических и экологических проблем населенных пунктов, повышению комфорта жизни граждан за счет рационального использования городских ресурсов, эффективного градостроительного планирования, не превышения ассимиляционного потенциала городских экосистем. **Результаты.** В настоящий момент в российском праве нет определения устойчивого развития городов, в связи с чем нет и механизма реализации поставленных в ЦУР № 11 задач, включая отсутствие в стране системы индикаторов (социальных, экономических, экологических и иных) для оценки степени достижения ЦУР. Сегодня мы видим только отдельные доктринальные и нормативные показатели устойчивого развития городов, отражающие лишь некоторые аспекты перехода городов к устойчивому развитию (в части комфортного жилья и т.д.). В научной доктрине крайне слабо исследовано и соотношение концепции устойчивого развития городов с другими (смежными) концепциями взаимодействия природы и общества, включая концепцию эко-города и «умного» города. В связи с этим правовым решением данной проблемы может стать разработка концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, включающей четкий план законотворческих работ, в один из разделов которой следует включить меры по обеспечению устойчивого развития городов, а также ряд этапов движения к этой цели и систему индикаторов оценки этих процессов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, город, ООН, индикаторы, градостроительное законодательство, зонирование, регламенты; концепция

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Анисимов А. П., Узакова Г. Ш. О понятии и правовых средствах обеспечения устойчивого развития городов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 307–315. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-307-315>, EDN: TRPROZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the concept and legal means of ensuring sustainable urban development

A. P. Anisimov¹ ✉, G. Sh. Uzakova²

¹Don State Technical University, 1 Gagarin Sq., Rostov-on-Don 344000, Russia

²Tashkent State University of Law, 35 Sayilgokh St., Tashkent 100047, Uzbekistan

Aleksey P. Anisimov, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

Guzal Sh. Uzakova, guzalsharipovna@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9357-3200>

Abstract. Introduction. The concept of sustainable development continues to receive more and more support every year, both at the international and domestic levels. The main reason for its popularity is that this concept has become a qualitatively new strategy for social development, designed to balance the environmental, economic and social interests of a citizen, business, society and the state in the interests of both present and future generations. **Theoretical analysis.** The movement towards sustainable development of cities within the framework of the overall strategy for achieving the SDGs is ensured by the activities of public authorities and the public to best solve the social, economic and environmental problems of settlements, improve the comfort of life of citizens through the rational use of urban resources, effective urban planning, not exceeding the assimilation potential of urban ecosystems, for the benefit of present and future generations. **Results.** At the moment, there is no definition of sustainable urban development in the Russian law, and therefore, there is no mechanism for implementing the tasks set in SDG No. 11, including the lack of a system of indicators in the country (social, economic, environmental and others) to assess the degree of achievement of the SDGs. Today we see only separate doctrinal and normative indicators of sustainable development of cities, reflecting only some aspects of the transition of cities to sustainable development (in terms of comfortable housing, etc.). In the scientific doctrine, the relationship between the concept of sustainable urban development and other (related) concepts of interaction between nature and society, including the concept of an eco-city and a "smart" city, is also extremely poorly studied. In this regard, the legal solution to this problem can be the development of the Concept of the transition of the Russian Federation to sustainable development, which includes a clear plan of legislative work, one of the sections of which should include measures to ensure the sustainable development of cities, as well as a number of stages of movement towards this goal and a system of indicators for evaluating these processes.

Keywords: sustainable development, city, the UN, indicators, urban planning legislation, zoning, regulations, concept

For citation: Anisimov A. P., Uzakova G. Sh. On the concept and legal means of ensuring sustainable urban development. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 307–315 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-307-315>, EDN: TRPROZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Концепция устойчивого развития, впервые сформулированная в 1987 г. в докладе комиссии Г. Х. Брундтланд, вопреки мнению скептиков, продолжает получать с каждым годом все большую поддержку как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Главной причиной ее популярности является то, что эта концепция стала качественно новой стратегией общественного развития, призванной обеспечить баланс экологических, экономических и социальных интересов гражданина, бизнеса, общества и государства в интересах не только настоящего, но и будущих поколений. Это означает, что, в отличие от многих других стратегий и концепций взаимодействия природы и общества, концепция устойчивого развития носит системный характер, учитывает достижения различных наук, включая естественные и общественные, что позволяет понять и спрогнозировать действие раз-

личных факторов. Несмотря на то что концепция устойчивого развития имеет самые различные сектора применения (борьба с бедностью, охрана климата, развитие сельского хозяйства и т.д.), наиболее концентрированно ее основные постулаты проявляют себя в городах, являющихся местом сосредоточения огромного числа людей и, соответственно, центрами возникновения сложных социальных, экономических и экологических проблем. Важность устойчивого развития городов неоднократно отмечалась на различных международных форумах (например, в итоговом документе Конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию Хабитат-III в октябре 2016 г.), в структуре ООН есть специальные органы по координации перехода к устойчивому развитию городов (НАВИТАТ – Центр ООН по человеческим поселениям), однако во всех этих международных документах содержатся лишь рамочные параметры и декларации

по обеспечению устойчивого развития городов. Такой же подход был использован ООН и для определения Целей устойчивого развития (ЦУР), в числе которых выделена специальная Цель 11 по обеспечению устойчивого развития городов.

Теоретический анализ

Анализ существующих международных документов показывает, что основная часть работы по достижению целей устойчивого развития должна быть произведена на национальном уровне. Применительно к ЦУР № 11, посвященной устойчивому развитию городов, это означает, что именно российские органы власти должны будут конкретизировать, исходя из национальной специфики, поставленные ООН для этой ЦУР задачи, определять содержательную часть индикаторов достижения целей устойчивого развития городов, полномочия органов власти, объемы финансирования и т.д.

Что же следует понимать под «устойчивым развитием городов»? Однозначного ответа на этот вопрос не существует. Одна группа авторов полагает, что под устойчивым развитием города-курорта следует понимать мультифункциональный процесс оптимизации «социально-экономического положения и репродуктивной способности экологической системы города в интересах настоящего и будущего поколения» [1, с. 363]. Другие исследователи делают акцент на стабильности сохранении функционального деления территории города с возможностью небольших преобразований, не разрушающих историческое наследие [2]. Третья группа авторов под устойчивым развитием региона (города) предлагает понимать «процесс изменений, когда эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений с целью обеспечения качества жизни людей» [3, с. 149]. В свою очередь, мы полагаем, что устойчивое развитие – это не результат, а процесс, который ведет к сбалансированному решению социальных, экономических и экологических проблем городских и сельских населенных пунктов, улучшению комфортности жизни граждан за счет рационального использования городских ресурсов, эффективного градостроительного планирования и не превышения ассимиляционного потенциала городских экосистем, в интересах настоящего и будущего поколений людей.

Отдельный вопрос заключается в том, что следует понимать под мегаполисом и агломерацией (и как эти понятия стыкуются с концепцией устойчивого развития городов), а также о том, каково соотношение концепций устойчивого развития городов и «зеленой» экономики. Отвечая на последний вопрос, заметим, что непосредственной целью «зеленой» экономики не является озеленение городов, но предполагается экологизация основных секторов хозяйственной деятельности (промышленность, транспорт, сельское хозяйство и т.д.) за счет появления новых финансовых инструментов («зеленые» облигации и т.д.), при этом у нее нет задачи по решению социальных проблем [4]. Отсюда следует, что достижение целей «зеленой» экономики в городах принесет большой вклад в решение тех задач, которые были поставлены ООН в рамках ЦУР № 11, однако это будет лишь частью проблемы, поскольку перечень задач в концепции устойчивого развития несопоставимо шире (например, борьба с бедностью не является ключевой задачей «зеленой» экономики).

Отвечая на два других вопроса, заметим, что под мегаполисом традиционно понимается сверхкрупный город (в России это Москва и Санкт-Петербург), а под агломерацией – новая форма урбанизации, представляющая собой процесс концентрации вокруг отдельных городов новых поселений и старых моногородов или вовлечение в функционирование города – ядра агломерации пригородов, близлежащих малых городов и городских поселений [5, с. 299]. Упоминая в стратегиях, планах, концепциях и иных документах создание городских агломераций и мегаполисов, федеральный законодатель не дает их определений и не предлагает критериев их образования и существования. Столь же непонятно, как следует осуществлять управление в различных сферах хозяйственной и иной деятельности на их территории, в том числе охрану окружающей среды [6]. Со своей стороны заметим, что оба понятия в российском праве действительно не используются, но, тем не менее, на мегаполис как крупный населенный пункт положения концепции устойчивого развития, несомненно, распространяются, а для агломерации как неюридической категории, не имеющей пространственных границ, положения этой концепции пока еще применяться не могут.

В современной науке существует несколько концепций, смежных с концепцией устойчивого развития городов, в их числе концепции зеленого города (эко-города) и эко-поселения (экологической деревни). В настоящее время нет критериев

для определения «эко-город», хотя его отдельные элементы очевидны и часто перечисляются учеными, включая углеродную нейтральность, рациональную организацию общественного транспорта, систему эффективного (нулевого) обращения с отходами, обеспечение граждан жильем и работой, развитие городского сельского хозяйства и т.д. [7, с. 55–56]. Другие авторы отмечают, что зеленый город (эко-город) должен быть спроектирован с учетом его влияния на окружающую среду, заселен людьми, которые стремятся минимизировать потребление энергии, воды и продуктов питания, исключить неразумное высвобождение тепловой энергии, загрязнение воздуха углекислым газом и метаном, а также загрязнение воды [8, с. 7–12]. Наряду с этим отмечается, что эко-полисы следует создавать на основе средних и малых городов (10–100 тыс. жителей), а целью их развития должна стать оптимизация природопользования в пределах своей территории, обеспечение соответствия (по определенным критериям) социальных, хозяйственных и природных процессов для полноценного воспроизводства живых сил природы и общества [9, с. 427]. При этом если в России и других постсоветских республиках все эти построения носят чисто доктринальный характер, в Китае уже насчитывается более 100 эко-городов, находящихся на разных этапах строительства, осуществляемого консорциумами, которые включают в себя заинтересованных лиц государственного и частного секторов. Одним из таких эко-городов является Тяньцзинь. Проект реализуется правительствами Китая и Сингапура с 2007 г., а по его завершении город должен стать социально гармоничным, экологически чистым и ресурсосберегаемым городом [10, с. 88–89].

Экопоселения (экологические деревни) – это сообщества, действующие на основе общего набора экологических, социальных и/или духовных ценностей, когда устойчивость является общей заботой. Они сознательно стремятся создавать и внедрять работающие модели устойчивого образа жизни в сочетании с социальным благополучием и (во многих случаях) духовным ростом [11]. Из проведенного обзора следует вывод о том, что концепция экологического города (эко-полиса, эко-деревни) тесно соприкасается с целями концепции устойчивого развития городов. Вместе с тем мы видим полное отсутствие конкретики в теоретических построениях сторонников концепции экогородов, что делает в данный момент невозможной ее реализацию в России с помощью правовых средств. Поэтому в практической плоскости концепция устойчивого

развития и концепция эко-города не являются конкурентами, поскольку первая из них имеет определенное международное и национальное регулирование. В результате сравнения двух концепций возникает важный практический вопрос: существует ли на национальном уровне система маркеров (критериев и индикаторов), имеющих юридическое значение и позволяющих судить о степени достижения целей устойчивого развития городов? Отвечая на этот вопрос, заметим, что в законченном виде (применительно ко всей концепции устойчивого развития) такие маркеры есть только для лесов и объектов животного мира.

Для определения степени устойчивости развития городов сбалансированной системы критериев и индикаторов в России нет. Тем не менее, отдельные нормативно утвержденные параметры развития городов позволяют нам говорить о частичном достижении поставленных целей. Так, для оценки проблем развития городов Министерством экономического развития России был разработан интегральный индекс развития городов, включающий четыре основных компонента: «экономическое развитие», «человеческий капитал», «качество городской среды» и «социальное развитие». Индекс рассчитан для 1066 из 1114 городов, общая численность населения которых составляет 100,2 млн чел. и позволяет выявить ключевые факторы устойчивости социально-экономического развития города. В числе показателей индекса есть налоговые и неналоговые доходы бюджета, инвестиции в основной капитал, среднемесячная заработная плата работников организаций, доля детей в возрасте от 1 до 6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу, и т.д. [12, с. 119–120]. Для выявления актуальных проблем и перспективных направлений развития городов, конкурентных преимуществ и ограничений, препятствующих их развитию, распоряжением Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р утверждена Методика формирования индекса качества городской среды [13], позволяющая на основе совокупности значений индикаторов определять уровни качества городской среды. В частности, благоприятной городской средой признается ее состояние, при котором количество набранных баллов составляет более 50% максимально возможного количества баллов индекса города; неблагоприятной – состояние городской среды, при котором количество набранных баллов составляет менее 50%. Расчет индекса осуществляется на основе значений 36 индикаторов, характеризующих 6 типов пространств города:

жилое, общественно-деловое, социально-досуговое, общегородское, озелененное, уличное.

Существует и ряд международных индикаторов устойчивого развития городов, которые могут представлять интерес для российского законодателя. Их разработкой занимаются как неправительственные объединения, так и ведущие международные организации: ООН, Всемирный банк, Организация стран экономического сотрудничества и развития, Европейская комиссия, Научный комитет по проблемам окружающей среды (SCOPE) и т.д.

И хотя разработка таких индикаторов устойчивого развития далека от завершения, уже предложены проекты индикаторов систем разного уровня: глобального, регионального, национального, локального, отраслевого, для отдельных населенных пунктов и предприятий. Следует отметить следующие проекты по разработке индикаторов устойчивого развития: система индикаторов устойчивого развития, предложенная Комиссией ООН по устойчивому развитию, состоящая из 132 индикаторов; система интегрированных экологических и экономических национальных счетов (Статистический отдел ООН); показатель «истинных сбережений», разработанный и рассчитанный Всемирным банком. Разработка этих индикаторов является комплексной и дорогостоящей процедурой, требующей большого количества информации, получить которую бывает сложно, а иногда и невозможно [14].

Применительно к национальным условиям России из этого можно сделать следующие выводы. Адаптация к национальным условиям существующих международных индикаторов устойчивого развития городов займет определенное время, поэтому оптимальной представляется стратегия выделения группы первоочередных индикаторов достижения ЦУР в городах (которая отчасти уже нормативно зафиксирована), и эту тенденцию следует продолжить. Вторую группу следует формировать, исходя из сложившегося в различных странах мира опыта по применению таких индикаторов. Мы предлагаем выделить 3–5 индикаторов на каждую задачу ЦУР № 11, сформулировав их (а также этапы достижения поставленных целей, ответственные органы управления, финансирование и т.д.) в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвердив ее указом Президента РФ или постановлением Правительства РФ. Практика принятия таких политико-правовых актов по различным вопросам достаточно развита в России. Наряду с этим необходимо начать об-

суждение юридической стороны достижения или недостижения предусмотренных федеральными нормативными актами системы индикаторов устойчивого развития (вплоть до возможности политической ответственности (отставки) руководителей муниципальных образований), а также подразделить индикаторы на обязательные и имеющие рекомендательный характер. При этом едва ли будет целесообразным ограничиться лишь федеральными индикаторами устойчивого развития городов. Представляется более обоснованным выстраивание трехзвенной структуры: Федерация – субъекты РФ – муниципалитеты.

Результаты

Поскольку город представляет собой сложный социальный организм, каковы же существующие правовые механизмы балансировки разрозненных социальных, экономических, экологических и иных интересов граждан, бизнеса и органов публичной власти? На наш взгляд, именно в этих целях градостроительное законодательство предусматривает разработку генерального плана городского округа или поселения, правил землепользования и застройки (ПЗЗ), а также документации по планировке территории, отражающих уникальную специфику конкретного города. В генеральном плане органы местной власти отображают существующие градостроительные объекты и планируемые объекты капитального строительства, которые хотят построить в границах муниципалитета вышестоящие органы власти для решения своих публичных задач, а также объекты, необходимые муниципалитету для осуществления своих функций. На стадии градостроительного зонирования органы местного самоуправления принимают ПЗЗ – муниципальный правовой акт, в котором территория городского округа делится на территориальные зоны (промышленные, жилые, общественно-деловые и т.д.), и для каждой такой зоны устанавливается градостроительный регламент, определяющий, какие виды объектов здесь можно построить и каковы их параметры (этажность, высота и т.д.). Соответственно, определяя возможности застройки территории, орган местного самоуправления может как создавать привлекательные условия для инвестиций и градостроительного освоения территории, так и делать это нерентабельным, снижая тем самым экономический интерес к отдельным земельным участкам города.

Заметим, что в ходе территориального планирования орган местного самоуправления должен учитывать вышестоящие экономиче-

ские решения и их последствия (например, о развитии Дальнего Востока и финансировании строительства там промышленных или иных объектов). Выделяя территориальные зоны (и расположенные в их границах земельные участки) для строительства социальных объектов (школ, больниц), орган местного самоуправления обеспечивает реализацию социальных интересов, а также учитывает вышестоящие решения (например, Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения»» [15], которое предусматривает создание новых рабочих мест, что потребует возведения образовательных объектов капитального строительства). Выделяя особо охраняемые территориальные зоны (или зоны рекреационного использования), орган местного самоуправления решает задачи охраны окружающей среды, запрещая, например, их застройку. Это позволяет создать благоприятную среду жизнедеятельности в городе, обеспечить сохранение общественных пространств, включая бульвары, скверы, парки и городские леса, используемые в публичных рекреационных целях, учесть положения правовых актов вышестоящих органов, касающиеся отходов, или местоположение и режим защиты особо охраняемых природных территорий (национальных парков, дендрологических парков, ботанических садов, памятников природы и др.).

Эту конструкцию можно конкретизировать сразу по нескольким направлениям. Во-первых, градостроительные средства позволяют сбалансировать территориальное развитие города, позволяя сделать его менее растянутым в пространстве и снижая тем самым транспортные расходы. Во-вторых, планируя, например, объездную автомагистраль, органы публичной власти могут эффективно бороться с пробками на дорогах и снижать выбросы автотранспорта в атмосферный воздух. В-третьих, планируя строительство не отдельных жилых домов, а сразу кварталов и микрорайонов, местные органы власти решают как социальные, так и экономические задачи (качество жилья, расселение трущоб, стимулирование инвестиций и развитие местного бизнеса и т.д.). В-четвертых, документы территориального планирования должны быть тесно увязаны с нормативами градостроительного проектирования (региональными и местными), определяющими количество и шаговую доступность различных социальных объектов исходя из количества населения квартала (микрорайона). Наконец, следует заметить, что многие задачи

устойчивого развития городов выходят за рамки градостроительного планирования и решаются другими методами (например, задача повышения энергоэффективности объектов недвижимости).

И хотя решение всех этих задач градостроительно-правовыми средствами происходит не всегда успешно, мы не можем согласиться с излишне скептическим мнением некоторых авторов о том, что нормы Градостроительного кодекса РФ об обеспечении устойчивого развития (безопасного и комфортного) посредством территориального планирования и градостроительного зонирования – это просто дань моде и декларация, поскольку Кодекс имеет утилитарно-экономическую направленность [16]. В настоящий момент генеральные планы и ПЗЗ приняты практически во всех муниципалитетах, и механизм выстраивания балансов экологических, экономических и социальных интересов в городах давно работает. Другой вопрос, что существует ряд проблемных моментов, а также интересных предложений по его дальнейшей оптимизации. Так, Т. В. Евдокимова предлагает включить в градостроительное законодательство понятие «ландшафтный план» в качестве плана устойчивого развития территории, уточнить его содержание и место в системе градостроительной документации. Одной из задач ландшафтного планирования должно стать сохранение эстетических качеств окружающей природной среды, которое включает сохранение гармоничного облика ландшафта, в том числе и в городах [17, с. 12]. К числу проблемных факторов можно отнести, например, проблему ликвидации ветхого и аварийного жилья (городских трущоб) или необходимость учета при разработке генерального плана сотен параметров социально-экономического, экологического, демографического, правового, культурного и иного развития Российской Федерации, ее субъекта или муниципалитета. При этом для выработки соответствующей стратегии территориального развития необходимо использовать не только сведения о сегодняшнем состоянии тех или иных природных и человеческих ресурсов, но и перспективы дальнейшего развития территории (миграция населения, изменение климата, рост/снижение экономических показателей, рост/снижение рождаемости/смертности населения и т.д.). Однако выстраивание таких сложных прогнозов не всегда под силу органам местной власти и их экспертам. Представляет сложность расчет видов и количества объектов капитального строительства под влиянием фактора старения населения (пожилым людям не нужны дискотеки, а нужно больше поликлиник, оздоровительных центров

и иных подобных объектов недвижимости), гендерного изменения структуры населения (усиление численного преобладания женщин над мужчинами), необходимости строить новые объекты, обусловленные развитием науки и глобализацией (космоцентры).

Требует решения и вопрос о конструировании градостроительных регламентов не только в высоту, но и на подземное пространство (современные города часто используют его для размещения парковок, складов, магазинов и т.д.), поскольку этим существенно экономится ценная городская земля, создаются условия для сохранения и/или реабилитации природных и исторических ландшафтов, снижения этажности застройки, улучшения других параметров среды (доступности, безопасности, энергоемкости, стабильности микроклимата, изолированности от шума и др.) [18, с. 7–8]. По оценкам ряда экспертов, в настоящий момент в Москве ниже уровня поверхности земли может быть размещено до 70% общего объема гаражей, до 80% складов, до 50% архивов и хранилищ, до 30% предприятий сферы обслуживания [19, с. 77–78]. Требуется обсуждения и решения вопросы создания комфортной городской среды для инвалидов, а также преодоления социального неравенства районов городов, в которых проживают люди с различным уровнем жизни, пользующиеся разным набором транспортных, экосистемных, социальных и иных услуг. Последнюю проблему часто усугубляет то, что под видом сноса трущоб (решения важной социальной проблемы) органы публичной власти нередко принимают решения о сносе нормального жилья, расположенного в экономически рентабельном месте, с последующей постройкой на этом участке элитных объектов недвижимости.

Таким образом, движение к устойчивому развитию городов в рамках общей стратегии достижения ЦУР обеспечивается деятельностью органов публичной власти и общественности по наилучшему решению социальных, экономических и экологических проблем населенных пунктов, повышению комфорта жизни граждан за счет рационального использования городских ресурсов, эффективного градостроительного планирования, не превышения ассимиляционного потенциала городских экосистем, в интересах нынешнего и будущих поколений. В настоящий момент в российском праве нет определения устойчивого развития городов, в связи с чем нет и механизма реализации поставленных в ЦУР № 11 задач, включая отсутствие в стране системы индикаторов (социальных, экономических,

экологических и иных) для оценки степени достижения ЦУР. Сегодня мы видим только отдельные доктринальные и нормативные показатели устойчивого развития городов, отражающие лишь некоторые аспекты перехода городов к устойчивому развитию (в части комфортного жилья и т.д.). В научной доктрине крайне слабо исследовано и соотношение концепции устойчивого развития городов с другими (смежными) концепциями взаимодействия природы и общества, включая концепцию эко-города и «умного» города. В связи с этим правовым решением данной проблемы может стать разработка Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, включающей четкий план законодотворческих работ, в один из разделов которой следует включить меры по обеспечению устойчивого развития городов, а также ряд этапов движения к этой цели и систему индикаторов оценки этих процессов.

Список литературы

1. Цапиева О. К., Сулейманова Н. Р., Агарагимов М. Р. Основные индикаторы и модель интегральной оценки устойчивого развития города-курорта Кисловодска // Проблемы современной экономики. 2010. № 2. С. 363–367.
2. Потеряева К. А. Что такое устойчивое развитие городов // Научоград. Наука. Производство. Общество. 2017. № 1. С. 75–77. EDN: YPAIGP
3. Балановский В. Л., Габур С. П., Плотников Н. И. Безопасный регион (город): устойчивое развитие и новые доступные технологии // Международная конференция RESILIENCE 2014 Международного центра по ядерной безопасности Института физико-технической информатики : сб. тр. Протвино : Ин-т физико-технической информатики, 2015. С. 148–153. EDN: UZLFSZ
4. Роль права в формировании «зеленой» экономики в национальных юрисдикциях (на примере Российской Федерации) / под ред. А. Я. Рыженкова. М. : Юрлитинформ, 2023. 232 с.
5. Никоноров С. М., Папенков К. В. Стратегии устойчивого развития городов России // Экономика устойчивого развития. 2016. № 3. С. 296–300. EDN: WWCWND
6. Лисина Н. Л. Исследование проблем правовой охраны окружающей среды в городах: методологический аспект // Экологическое право. 2018. № 4. С. 24–29.
7. Подколзин М. М. Устойчивое развитие городской территории в формате «эко-город» // Экологическое краеведение : материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / отв. ред. О. С. Козловцева. Ишим : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2015. С. 55–57. EDN: VHYSNB
8. Джерелий В. В. Правовая охрана окружающей природной среды в городах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2019. 19 с.

9. Вытханова Г. В. Ландшафтный подход как способ обеспечения устойчивого развития территорий: концептуальные и правовые аспекты // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 3. С. 422–430.
10. Абанина Е. Н., Сухова Е. А. Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития. М. : Юстицинформ, 2022. 225 с.
11. Status Report 2019 «Reshaping the Future: How local communities are catalysing social, economic and ecological transformation in Europe» (ECOLISE, the European network for communityled initiatives on climate change and sustainability). URL: <https://www.ecolise.eu/wp-content/uploads/2016/02/Status-Report-on-Community-led-Action-on-Sustainability-Climate-Change-in-Europe-2019.pdf> (дата обращения: 28.04.2023).
12. Кондратьев И. С., Терещенко О. В. Исследование лесного фитоценоза на территории парка 1100-летия Великого Новгорода // Дни науки и инноваций НовГУ : материалы XVIII науч. конф. преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ : в 2 ч. Ч. 2. Великий Новгород, 2021. С. 119–123. EDN: LCPSMV
13. Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды : распоряжение Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Леванов С. В. Индексы и индикаторы устойчивого развития. URL: <https://pandia.ru/text/78/313/71385.php> (дата обращения: 28.04.2023).
15. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения» : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 298. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
16. Беляев В. Л. Комплексный подход к освоению подземного пространства городов как путь к их устойчивому развитию // Архитектура, градостроительство, историко-культурная и экологическая среда городов Центральной России, Украины и Беларуси : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Брянск, 2014. С. 109–114. EDN: XFBIPH
17. Евдокимова Т. В. Правовая охрана эстетических свойств ландшафтов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.
18. Беляев В. Л., Беляев В. Б. Освоение подземного пространства городов в аспекте их устойчивого развития // Вестник МГСУ. 2014. № 2. С. 7–12. <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2014.2.7-12>, EDN: RWMQCP
19. Беляев В. Л. Неотложные задачи развития подземного пространства столицы // Недвижимость: экономика, управление. 2011. № 1. С. 77–79. EDN: NTVSGR
2. Poteryaeva K. A. On the sustainable development of cities. *Naukograd. Nauka. Proizvodstvo. Obshchestvo* [Naukograd. The Science. Production. Society], 2017, no. 1, pp. 75–77 (in Russian). EDN: YPAIGP
3. Balanovsky V. L., Gabur S. P., Plotnikov N. I. Security of the region (city): Sustainable development and new affordable technologies. *Mezhdunarodnaya konferentsiya RESILIENCE 2014 Mezhdunarodnogo tsentra po yadernoy bezopasnosti Instituta fiziko-tehnicheskoy informatsii* [International Conference RESILIENCE 2014 of the International Center for Nuclear Safety of the Institute of Physical and Technical Informatics]. Protvino, Institute of Physical and Technical Informatics Publ., 2015, pp. 148–153 (in Russian). EDN: UZLFSZ
4. Ryzhenkov A. Ya. (ed.) *Rol' prava v formirovaniy «zelenoy» ekonomiki v natsional'nykh yurisdiksiyakh (na primere Rossiyskoy Federatsii)* [The role of law in the formation of a “green” economy in national jurisdictions (on the example of the Russian Federation)]. Moscow, Yurlitinform, 2023. 232 p. (in Russian).
5. Nikonorov S. M., Papenov K. V. The strategies of sustainable development of Russian cities. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya* [Economics of Sustainable Development], 2016, no.3, pp. 296–300 (in Russian). EDN: WWCWND
6. Lisina N. L. Review of issues of legal environmental protection in cities: A methodological aspect. *Ekologicheskoe pravo* [Ecological Law], 2018, no.4, pp. 24–29 (in Russian).
7. Podkolzin M.M. Sustainable development of the urban area in the format of “eco-city”. In: Kozlovitseva O. S. (ed.) *Ekologicheskoe kraevedenie: materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Ecological Local History. Materials of the All-Russian (with International Participation) Scientific and Practical Conference]. Ishim, Tumen State University Publ., 2015, pp. 55–57 (in Russian). EDN: VHYSNB
8. Dzhhereliy V. V. *Legal protection of the natural environment in cities*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Kharkov, 2019 (in Ukraine).
9. Vyphanova G. V. Landscape approach as a way to ensure sustainable development of territories: Conceptual and legal aspects. “Chernye dyry” v rossiyskom zakonodatel'stve [“Black Holes” in Russian Legislation], 2004, no. 3, pp. 422–430 (in Russian).
10. Abanina E. N., Sukhova E. A. *Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Legal support of the environmental safety of the Russian Federation: State and development prospects]. Moscow, Yustitsinform, 2022. 225 p. (in Russian).
11. Status Report 2019 «Reshaping the Future: How local communities are catalysing social, economic and ecological transformation in Europe» (ECOLISE, the European network for communityled initiatives on climate change and sustainability). Available at: <https://www.ecolise.eu/wp-content/uploads/2016/02/Status-Report-on-Community-led-Action-on-Sustainability-Climate-Change-in-Europe-2019.pdf> (accessed April 28, 2023).

References

1. Tsapieva O. K., Suleymanova N. R., Agaragimov M. R. Key indicators and a model for an integral assessment of the sustainable development of the resort city of Kislovodsk. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economics], 2010, iss. 2, pp. 363–367 (in Russian).

12. Kondratev I. S., Tereshchenko O. V. Research into forest phytocenosis on the territory of the park 1100th anniversary of Veliky Novgorod. *Dni nauki i innovatsiy NovGU. Materialy XVIII nauchnoy konferentsii prepodavateley, aspirantov i studentov NovGU* [Days of Science and Innovations of Novgorod State University. Proceedings of the XVIII Scientific Conference of Teachers, Graduate Students and Students of NovSU. In 2 parts. Part 2]. Veliky Novgorod, 2021, pp. 119–123 (in Russian). EDN: LCPSMV
13. On Approval of the Methodology for Forming the Urban Environment Quality Index. Decree of the Government of the Russian Federation no. 510-r of March 23, 2019. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
14. Levanov S. V. *Indices and indicators of sustainable development*. Available at: <https://pandia.ru/text/78/313/71385.php> (accessed April 28, 2023) (in Russian).
15. On approval of the state program of the Russian Federation “Promotion of employment of the population”. Decree of the Government of the Russian Federation no. 298 of April 15, 2014. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
16. Belyaev V. L. An integrated approach to the development of the underground space of cities as a way to their sustainable development. In: *Arkhitektura, gradostroitel'stvo, istoriko-kul'turnaya i ekologicheskaya sreda gorodov Tsentral'noy Rossii, Ukrainy i Belarusi. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Architecture, Urban Planning, Historical, Cultural and Ecological Environment of the Cities of Central Russia, Ukraine and Belarus. Materials of the International Scientific-Practical Conference]. Bryansk, 2014, pp. 109–114 (in Russian). EDN: XFBIPH
17. Evdokimova T. V. *Legal protection of aesthetic properties of landscapes*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2011. 26 p. (in Russian).
18. Belyaev V. L., Belyaev V. B. Development of the underground space of cities in terms of their sustainable development. *Vestnik MGSU (Monthly Journal on Construction and Architecture)*, 2014, no. 2, pp. 7–12 (in Russian). <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2014.2.7-12>, EDN: RWMQCP
19. Belyaev V. L. Urgent tasks of development of underground space in capital. *Nedvizhimost': ekonomika, upravlenie* [Real Estate: Economics, Management], 2011, no. 1, pp. 77–79 (in Russian). EDN: NTVSGR

Поступила в редакцию 14.05.2023; одобрена после рецензирования 19.05.2023; принята к публикации 22.05.2023
The article was submitted 14.05.2023; approved after reviewing 19.05.2023; accepted for publication 22.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 316–321
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 316–321
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-316-321>, EDN: JAWIIA

Научная статья
УДК 347.965(410+571)(09)+929

Правовая регламентация и организация деятельности пенитенциарных учреждений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века в контексте реализации тюремной реформы 1879 года

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и археологии, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>

Аннотация. Введение. В современных условиях актуализируется несколько перспективных направлений в исследовании пенитенциарной системы Российской Федерации. В контексте этих научных разработок особую актуальность приобретает изучение историко-правовых аспектов законодательной политики позднеимперской России по совершенствованию организационной структуры, органов управления и функционирования учреждений пенитенциарной системы. **Теоретический анализ.** В ходе модернизации тюремной системы России в конце XIX – начале XX в. были приняты законы, циркуляры и инструкции, направленные на повышение эффективности управления отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи. Правовая регламентация пенитенциарного законодательства позволила структурировать и усовершенствовать деятельность органов управления, надзора и вспомогательного персонала тюремного ведомства. **Эмпирический анализ.** Выявлено, что целенаправленная деятельность по оптимизации делопроизводства, установления корректного и однообразного порядка ведения документации, счетоводства и отчетности в конторах тюремных замков занимала важное место в деятельности Главного тюремного управления, тюремных отделений Губернского правления на местах. **Результаты.** В ходе реализации в Российской империи тюремной реформы 1879 г. происходила планомерная модернизация пенитенциарной системы в стране. Первостепенную роль в совершенствовании управления и организации работы всех структур тюремного ведомства играла правовая регламентация их деятельности, что документально подтверждается материалами пенитенциарных учреждений Саратовской губернии конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: тюремная реформа 1879 г., пенитенциарная система, правовая регламентация, делопроизводство, Саратовская губерния

Для цитирования: Варфоломеев Ю. В. Правовая регламентация и организация деятельности пенитенциарных учреждений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века в контексте реализации тюремной реформы 1879 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 316–321. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-316-321>, EDN: JAWIIA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Legal regulation and organization of the activities of penitentiary institutions of the Saratov province in the late XIX – early XX centuries in the context of the implementation of the prison reform of 1879

Yu. V. Varfolomeev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuri V. Varfolomeev, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>

Abstract. Introduction. In modern conditions, several promising directions in the study of the penitentiary system of the Russian Federation are being actualized. In the context of these scientific developments, the research into the historical and legal aspects of the legislative policy of late Imperial Russia to improve the organizational structure, management bodies and functioning of institutions of the penal system has become particularly relevant. **Theoretical analysis.** During the modernization of the penitentiary system of Russia in the late XIX – early XX centuries, laws, circulars and instructions were adopted to improve the efficiency of the management of individual places of detention of the civil department and prison guards. The legal regulation of the penal enforcement legislation made it possible to structure and improve the activities of the management, supervision and support staff of the prison department. **Empirical analysis.** It has been revealed that purposeful activities aimed at optimizing office work, establishing a correct and monotonous order of documentation, accounting and reporting in the offices of prison

castles occupied an important place in the activities of the Main Prison Administration, Prison departments of the Provincial Government in the provinces. **Results.** During the implementation of the prison reform in the Russian Empire in 1879, a systematic modernization of the penitentiary system in the country took place. The legal regulation of the activities played the primary role in improving the management and organization of the work of all structures of the prison department, which is documented by the materials of penitentiary institutions of the Saratov province of late XIX – early XX centuries.

Keywords: prison reform of 1879, penitentiary system, legal regulation, documentation support, Saratov province

For citation: Varfolomeev Yu. V. Legal regulation and organization of the activities of penitentiary institutions of the Saratov province in the late XIX – early XX centuries in the context of the implementation of the prison reform of 1879. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 316–321 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-316-321>, EDN: JAWIHA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В Российской империи начиная с 1863 г. в ходе проведения кардинальных и масштабных преобразований развернулась подготовка реформы пенитенциарной системы России. В течение последующих 16 лет над выполнением этой задачи последовательно трудились межведомственные, межотраслевые, а также особые комитеты и комиссии. Результатом работы этих организаций стали, во-первых, учреждение 27 февраля 1879 г. Главного тюремного управления (далее – ГТУ) в составе Министерства внутренних дел, а во-вторых, разработка проекта закона о реформировании пенитенциарной системы страны. В итоге 11 декабря 1879 г. Указом императора Александра II был утвержден Закон «Об основных положениях, имеющих служить руководствам при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях» [1]. Возглавил вновь созданное управление бывший саратовский губернатор (1870–1879 гг.) выдающийся пенитолог и разработчик основных положений тюремной реформы М. Н. Галкин-Враской. В частности, именно он полагал более целесообразным, чтобы ГТУ структурно находилось в ведении Министерства юстиции, а не МВД [2, с. 20], правда, эта его идея была реализована не сразу, а только в 1896 г.

Последняя треть девятнадцатого столетия ознаменовалась повышенным интересом российских юристов к изучению различных вопросов пенитенциарной науки и практики. В этом направлении существенный вклад в разработку актуальных проблем тюремоведения и криминологии внесли ведущие отечественные правоведы, такие, как Н. С. Таганцев, С. П. Мокринский, А. А. Пионтковский, С. В. Познышев, Н. Ф. Лучинский, А. А. Саат, И. Я. Фойницкий и др. Российские ученые активно сотрудничали с зарубежными коллегами-пенитологами, а также принимали деятельное участие в работе международных тюремных конгрессов в 1872–1910 гг.

В советское время исследования в этой области продолжили М. Н. Гернет, Б. С. Утевский,

Р. С. Мулукаев, И. С. Ной, М. Д. Шаргородский и др. Постсоветский период отечественной пенитологии характеризуется не только увеличением числа исследований, но и широтой охвата различных проблем современной пенитенциарной науки. В многообразной палитре этих исследований оказывается историко-правовое осмысление становления и развития уголовно-исполнительной системы страны, изучение ее организационно-правовых аспектов, региональное измерение этих проблем, вопросы уголовно-исполнительного права, пенитенциарной психологии, а также изучение различных сторон труда и быта заключенных. Среди современных ученых, исследующих эти и многие другие вопросы пенитенциарной науки и практики, следует назвать Л. П. Рассказова, И. В. Уколова, А. И. Зубкова, Ю. И. Калинина, В. Д. Сысоева, С. М. Штутмана, А. М. Фумм, О. Н. Бортникову, К. К. Кораблина, М. В. Лаврентьева, Л. В. Семенову, А. Г. Упорова и др.

Между тем в настоящее время по-прежнему существует целый ряд перспективных направлений в исследовании пенитенциарной системы Российской Федерации, и в этом отношении особую актуальность приобретает изучение историко-правовых аспектов законодательной регламентации органов управления, организации деятельности и несения службы в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Теоретический анализ

В условиях модернизации пенитенциарной системы России в конце XIX – начале XX в. принимался целый ряд законов, циркуляров и инструкций, направленных на ее устройство и совершенствование. В 1887 г. был принят Закон «Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи» [3], а в 1915 г. эти положения были отдельно закреплены в «Общей тюремной инструкции», в которой перечислялись должности и обязанности не только лиц тюремной администрации и надзора, но и вспомогательного персонала.

Учитывая то обстоятельство, что каждый год тюремным ведомством принималось большое количество разнообразной нормативно-правовой документации, часть из которой в свое время утрачивала законную силу, Главным тюремным управлением Российской империи в 1880 г. был издан сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части [4]. Этот систематизированный свод законодательных актов должен был облегчить и упростить работу руководства и администрации пенитенциарных учреждений на местах по единообразному и четкому исполнению нормативно-правовых предписаний. Причем в предисловии к этому сборнику было указано, что все последующие распоряжения по тюремному ведомству по мере их принятия будут периодически издаваться в виде отдельных постановлений к сборнику. В соответствии с этим в 1883 г. и было отпечатано первое прибавление, в которое вошли циркулярные распоряжения по тюремной части, изданные с 1879 г. по 1 июля 1883 г. Вслед за этим предстояло регулярно издавать и другие прибавления, в которые должны были быть включены все последующие циркуляры.

Однако в процессе пользования этими сборниками многие сотрудники пенитенциарного ведомства обратили внимание на некоторые сложности, возникающие при этом. Так как сборники вмещали в себя большой объем нормативно-правовой документации, размещенной в хронологическом порядке, то это обстоятельство представляло для должностных лиц тюремного управления и надзора серьезные затруднения. К тому же хронологическая система распределения циркуляров предполагала необходимость ознакомиться при изучении каждого отдельного вопроса и с распоряжениями, хотя и включенными в сборники, но уже отмененными последующими узаконениями или разъяснениями.

Эта коллизия по времени действия нормативно-правовых актов, содержащихся в сборнике, безусловно, представляла неудобство при его использовании в повседневной практике должностными лицами тюремного ведомства. Особенно явственно эта проблема обозначилась при составлении второго прибавления, так как в него должны были войти распоряжения последних лет, поясняющие и дополняющие узаконения, коренным образом изменившие прежний порядок тюремного устройства и управления. В данном случае имелись в виду законы о тюремной страже, об арестантских работах, об одежде и обуви заключенных и т.п. При таких условиях Управлению надлежало издать новое

прибавление к сборнику в такой форме, которая допускала бы возможность каждому исполнительному чиновнику точно определить, какие из помещенных в прежних сборниках циркуляры еще не утратили своего значения и в каких именно частях.

Между тем в контексте разрешения этого казуса в 1894 г. вышло из печати частное издание под заголовком «Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части» [5], подготовленное помощником начальника Главного тюремного управления В. Н. Коковцовым и инспектором этого управления С. В. Рухловым. Будущий министр финансов и глава Российского правительства Коковцов, работая в ГТУ с 1879 по 1895 г., участвовал также в подготовке переиздания первого документа общеимперского тюремного законодательства «Уставов о ссыльных и содержащихся под стражей» [6], в котором, на основе новейших достижений отечественного и зарубежного тюремоведения были обобщены и систематизированы имевшиеся на тот момент нормативно-правовые акты, а также пенитенциарная практика различных мест заключения.

Издание, подготовленное ответственными сотрудниками тюремного ведомства, разрешало возникшие проблемы с практическим использованием сборников циркулярных распоряжений ГТУ и вполне удовлетворяло всем необходимым требованиям к подобного вида изданиям. Во-первых, систематический сборник содержал в себе все циркулярные разъяснения и распоряжения, вышедшие до 1 июня 1890 г. и имеющие на тот момент времени обязательную силу. Во-вторых, циркуляры эти были изложены не в хронологическом порядке, а по очередности отдельных вопросов управления и устройства тюрем. В-третьих, в сборник были включены и все узаконения по тюремной части, помещенные как в Уставах о содержащихся под стражей и о ссыльных, так и в их продолжениях, а также в других частях Свода законов, так что пользование им исключало необходимость в поиске разбросанных по различным томам Свода законов.

Учитывая все эти преимущества нового издания, руководство ГТУ в своем отношении предписывало начальникам губерний, в том числе и саратовскому губернатору: «...означенное издание не только может вполне заменить собою предполагавшиеся Тюремным Управлением второе прибавление к сборнику циркуляров, но и должно служить полезным и даже необходимым руководством для лиц и учреждений, ведающих тюремной арестантской частью, и признавал бы безусловно необходимым снабдить этим

сборником все места заключения гражданского ведомства, равно как и учреждения и лица, соприкасающиеся с заведыванием тюремной частью, как-то Губернское правление и проч.» [7, л. 5–5 об.]. Таким образом, именно этот сборник был рекомендован ГТУ к использованию в повседневной практической деятельности руководящему составу и всем служащим тюремного ведомства.

Эмпирический анализ

Важное место в деятельности тюремных администраций занимало ведение делопроизводственной документации. В целях повышения качества и эффективности ведения служебной документации и соблюдения сроков отчетности Главное тюремное управление 29 ноября 1889 г. издало Циркуляр № 25, который регламентировал процедуру надзора за порядком и благоустройством в местах заключения. На основании этого распоряжения саратовский губернатор, в свою очередь, 19 сентября 1890 г. направил циркуляр по тюремному правлению № 7706, адресованный полицмейстерам, уездным исправникам, начальникам тюрем и исправительных арестантских отделений [7, л. 2–2 об.], который разъяснял и устанавливал порядок надзора за местами заключения и сроки отчетности об их инспекции уполномоченными лицами правоохранительных органов.

Губернское правление данным распоряжением установило для начальников исправительных арестантских отделений и губернской тюрьмы порядок предоставления на проверку документации об инспекции вверенных им пенитенциарных учреждений. Согласно этому распоряжению прошнурованные книги для записи замечаний при посещении мест заключения чинами местной администрации начальники исправительных арестантских отделений и губернской тюрьмы должны были представлять лично губернатору еженедельно по субботам, а начальники уездных тюрем – выписки из замечаний с объяснениями их представлять начальнику губернии еженедельно не позднее 10 числа. Между тем означенное распоряжение, как показывала практика, исполнялось весьма небрежно и неаккуратно: «...некоторые гг. начальники полиции посещают тюрьмы редко и замечания свои, вопреки циркуляру главного тюремного управления, делают начальникам тюрем словесно, не занося их в установленную книгу, а иногда о своих посещениях вовсе в книге не отмечают» [7, л. 2], – констатировалось в циркуляре.

Ввиду этого и в целях контроля как за деятельностью начальников полиции по отношению к надзору за тюрьмами, так и за деятельностью начальников мест заключения вице-губернатор А. А. Высоцкий предписывал полицейским чиновникам неукоснительно исполнять циркулярное предписание за № 10715, отмечая в установленной книге каждое свое посещение тюремного замка и о всем замеченном, даже в том случае, если все будет найдено ими в порядке, обозначать в своей надписи. Начальникам исправительных арестантских отделений и губернской тюрьмы вице-губернатор указывал на то, что книгу замечаний чинов администрации они обязаны еженедельно представлять губернатору, а начальники уездных тюрем – губернатору тюремному инспектору С. Р. Власенко.

Кроме того, в соответствии с этим циркуляром руководители пенитенциарных учреждений были обязаны представлять губернатору ежемесячно выписки о всех посещениях тюрьмы начальниками полиции, даже при отсутствии с их стороны каких-либо замечаний, а также докладывать в Губернское правление, в случае если начальник полиции в течение месяца тюрьму не посетил. Вместе с тем начальники уездных тюрем были обязаны ежемесячно представлять губернатору выписки из книг замечаний, если таковые сделаны другим должностным лицом, посещающим тюрьмы, со своими по этим замечаниям объяснениями [7, л. 2 об.].

Т. А. Кусаинов отмечает, что «одним из основных направлений повышения эффективности деятельности пенитенциарной системы Российского государства для царских властей на рубеже XIX–XX вв. являлось совершенствование и оптимизация кадрового обеспечения мест заключения, а также ее действенная адаптация и стабильное функционирование в условиях перманентной эскалации революционной ситуации в стране» [8, с. 68]. О важности вопросов совершенствования и оптимизации кадрового обеспечения мест заключения свидетельствует и тот факт, что губернский тюремный инспектор С. Р. Власенко, исполняя обязанности руководителя пенитенциарных учреждений Саратовской губернии, подготовил в качестве практического руководства вспомогательное инструктивное пособие для тюремных надзирателей и надзирательниц, которое успешно использовалось и в других регионах страны [9].

Целенаправленно занимаясь работой по оптимизации делопроизводственной документации, саратовский губернатор А. И. Косич «в видах установления более правильного и одно-

образного порядка делопроизводства, счетоводства и отчетности в конторах тюремных замков Саратовской губернии, Тюремном отделении Губернского правления» своим распоряжением от 18 декабря 1890 г. установил новый порядок ее ведения [7, л. 14–16 об.]. Так, все книги и ведомости на 1891 г., кроме книг по продовольствию арестантов для вышеуказанных пенитенциарных учреждений губернии были изготовлены в типографии Губернского правления по одинаковым образцам. В целях исключения некорректного их ведения губернатор направил начальникам тюрем подробные разъяснения по этому предмету, а именно:

1) в целях упрощения и сокращения делопроизводства с 1891 г. для записи арестантов устанавливается одна книга под названием «Книга на записку всех арестантов, прибывших и выбывших из тюрьмы», как общая приемная книга вместо прежних пяти. «Ведение этой книги требует особенной аккуратности, – подчеркивал генерал-лейтенант Косич, – так как она служит главной и единственной книгой для учета наличности арестантов, для отметки передвижения их из одной категории в другую, для проверки принятой от арестанта одежды и правильности содержания арестанта и проч.» [7, л. 14];

2) книги – одна на записку одежды и прочих вещей для здоровых арестантов, а другая – для больных арестантов, каждая из которых для упрощения разделялась еще на две части: в первой части книги необходимо вести в хронологическом порядке запись прихода вновь поступивших в тюрьму вещей, а во второй части – запись выдачи их арестантам для употребления [7, л. 14];

3) книга выдачи в употребление вещей надзирателям также подразделялась на две части. В первой необходимо было записывать приход вновь изготавливаемых вещей для надзирателей и общее количество расхода этих вещей, а во второй части книги – на особом для каждого надзирателя листе, записывать, в каком количестве и какие ему были выданы вещи;

4) собственные деньги арестанта при записи их ни в коем случае не должны были смешиваться с деньгами иных разрядов, например с деньгами подаяния, заработанными и т.п. Для записи собственных арестантских денег устанавливалась особая книга, и все эти деньги по записи на приход в этой книге должны были, согласно циркуляру ГТУ № 30 от 26 ноября 1886 г., внесены в депозиты: в Саратове – Тюремного комитета, а в уездах – уездного отделения Комитета;

5) счетоводство и отчетность тюремных касс по заработанным суммам оставалось прежним и велось по правилам и формам, определенным циркуляром ГТУ № 11 от 19 августа 1890 г.;

6) в книгу на «записку общего прихода и расхода всех денежных сумм» должны были записываться все суммы, которые поступали начальнику тюрьмы на потребности заведения, кроме сумм подаяния, заработанных и собственных арестантских, так как для них были заведены отдельные книги;

7) представляемая до этого момента времени в Губернское правление ежемесячная ведомость о числе мест заключения и содержащимся в них заменялась ежемесячным рапортом на имя губернского тюремного инспектора;

8) каждому принятому в тюрьму арестанту выдавался билет в особой обложке с надлежащими в нем отметками. При этом обложки для билетов устанавливались трех цветов: для срочных арестантов – синего, для следственных и подсудимых – красного, а для ссыльных и пересыльных – желтого;

9) на каждого вновь поступившего в тюрьму арестанта должно было быть заведено особое дело за тем же номером, под которым он был занесен в общую арестантскую книгу. Впоследствии, к делу, заведенному на арестанта, необходимо было прилагать все бумаги, касающиеся этого заключенного;

10) все входящие бумаги после их исполнения, если они не подлежали возвращению и не относились исключительно к одному из содержащихся арестантов, а также отпуски исходящих бумаг и ведомостей должны были быть приложены к соответствующему «наряду» на текущий год. Всего было предусмотрено 12 различных «нарядов»;

11) ведение счетоводства и отчетности по продовольствию арестантов оставалось на тех же основаниях и велось в том же порядке, как и было установлено до этого времени [7, л. 16].

Результаты

Тюремная реформа 1879 г. в Российской империи инициировала процесс поэтапного переустройства и совершенствования всей системы исполнения уголовных наказаний в стране. Пенитенциарная система позднеимперской России подверглась глубокой и всесторонней модернизации с учетом научных разработок отечественных правоведов-пенитологов. Особую роль в формировании и оптимизации деятельности всех структур тюремного ведомства играли законодательная регламентация и документационное

обеспечение деятельности органов управления, надзора и вспомогательного персонала. Решение этих вопросов наглядно иллюстрирует региональная практика на примере пенитенциарных учреждений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в.

Список литературы

1. Закон «Об основных положениях, имеющих служить руководствам при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях» // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. Т. LIV. Отд. 2. № 60268. СПб., 1881.
2. Зубов С. В. Роль М. Н. Галкина-Враского в реформах Главного тюремного управления в 1879–1895 // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2021. № 2. С. 18–26. <https://doi.org/10.51522/2307-0382-2021-225-2-18-26>
3. Закон «Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи» 15 июня 1887 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. 7. № 4593. СПб., 1887.
4. Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Ч. 1. СПб. : Главное тюремное управление, 1911. 26 с.
5. Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. В. Н. Коковцов, С. В. Рухлов. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1894. 207 с.
6. Устав о содержащихся под стражей; Устав о ссыльных // Полный свод законов Российской империи / сост. под ред. Г. Г. Савича. Т. 1. Неофиц. изд., заключающее в себе действующие 16 т. Свода законов с Продолжениями к ним и доп. узаконениям. Санкт-Петербург, 1904. 274 с.
7. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 655. Оп. 1. Д. 1.
8. Куцаинов Т. А. Некоторые вопросы кадровой политики в пенитенциарных учреждениях Саратовской губернии в начале XX века // Базис. 2022. № 2 (12). С. 67–70. <https://doi.org/10.24412/2587-8042-2022-212-67-70>
9. Власенко С. Р. Правила службы тюремных надзирателей и надзирательниц : Сост. по офиц. источникам сарат. губ. тюрем. инспектор С. Р. Власенко. Саратов : Паровая скоропеч. Губ. правл., 1896. 69 с.

References

1. The Law “On the basic provisions having to serve as guidelines for the transformation of the prison unit and for the revision of the Penal Code”. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. 2nd. Vol. LIV. Department 2. No. 60268. St. Petersburg, 1881 (in Russian).
2. Zubov S. V. The role of M. N. Galkin-Vrasky in the reforms of the Main Prison Administration in 1879–1895. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy* [Vedomosti of the Penitentiary System], 2021, no. 2, pp. 18–26 (in Russian). <https://doi.org/10.51522/2307-0382-2021-225-2-18-26>
3. The Law “On the structure of the management of individual places of detention of the civil department and prison guards” on June 15, 1887. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. 3rd. Vol. 7. No. 4593. St. Petersburg, 1887 (in Russian).
4. *Sbornik tsirkuliarov, izdannykh po Glavnomu tiuremnomu upravleniiu v 1879–1910 gg.* Ch. 1 [The collection of circulars issued by the Main Prison Administration in 1879–1910. Pt. 1]. St. Petersburg, 1911. 26 p. (in Russian).
5. *Sistematicheskiy sbornik uzakoneniyy i rasporyazheniy po tiuremnoy chasti* / sost. V. N. Kokovtsov, S. V. Rukhlov [The systematic collection of laws and regulations on the prison part]. 2nd ed., rev. and add. St. Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodov, 1894. 207 p. (in Russian).
6. The Charter on detainees; the Charter on exiles. *Polny svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete code of Laws of the Russian Empire]. Comp. ed. by G. G. Savich. Vol. 1. Unofficial ed., comprising the current 16 vol. The set of laws with Extensions to them and additional legalizations. St. Petersburg, 1904. 274 p. (in Russian).
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti* [The State Archive of the Saratov region] (GASO). F. 655. Op. 1. D. 1. (in Russian).
8. Kusainov T. A. Some issues of personnel policy in the penitentiary institutions of the Saratov province at the beginning of the XX century. *Basis* [Bazis], 2022, no. 2 (12), pp. 67–70 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2587-8042-2022-212-67-70>
9. Vlasenko S. R. *Rules of the service of prison guards and wardens: Comp. according to the official sources of Saratov region prisons inspector S. R. Vlasenko*. Saratov, Parovaia skoropechatnia Gubernskogo pravleniya, 1896. 69 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 05.04.2023; принята к публикации 15.05.2023
The article was submitted 02.03.2023; approved after reviewing 05.04.2023; accepted for publication 15.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 322–326
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 322–326
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-322-326>, EDN: ICEQDX

Научная статья
УДК 347.78.031.2

Свободное использование чужого произведения в учебных целях: некоторые проблемы правового регулирования и правоприменения

Ю. Ю. Илюхина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Илюхина Юлия Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, yilyu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9761-6746>

Аннотация. Введение. Среди охраняемых произведений науки, литературы и искусства, относящихся к результатам творческого труда, встречаются объекты, значимые с точки зрения интересов общества, которые вполне могут служить инструментами для решения социально значимых задач, в том числе в сфере образования. Общий подход законодателя к правовому регулированию таких объектов направлен на обеспечение их максимальной доступности для использования всеми заинтересованными лицами. Поддержание баланса частных и общественных интересов в процессе такого регулирования требует анализа эффективности правовых средств, ограничивающих эксклюзивные правомочия автора. **Теоретический анализ.** Ограничения исключительных прав автора представлены в гражданском праве институтом свободного использования чужого произведения, гарантирующим заинтересованным лицам доступ к использованию чужих результатов интеллектуальной деятельности без согласия автора и без выплаты ему вознаграждения. **Эмпирический анализ.** Применительно к образовательной деятельности в законе закреплены два способа использования чужого произведения, которые являются допустимыми ограничениями исключительных прав: цитирование и иллюстрирование. В нормативных актах указанные термины не раскрываются, для их семантического анализа необходимо обратиться к правовым позициям судебных органов. Свободное использование чужого произведения допустимо при обязательном соблюдении совокупности установленных в норме условий, неисполнение любого из которых может приводить к признанию использования незаконным. Ряд норм, устанавливающих такие условия, допускает существенную гибкость в толковании. **Результаты.** Специфика правового регулирования свободного использования чужих произведений в учебных целях заключается в оценочном характере ключевых терминов, применяемых законодателем в процессе такого регулирования. Для правоприменения целесообразно было бы использовать максимально четкую и точную характеристику этих дефиниций, предложенную в актах профильного судебного органа.

Ключевые слова: свободное использование чужих произведений, правовое регулирование использования чужих произведений, юридические условия использования чужих произведений

Для цитирования: Илюхина Ю. Ю. Свободное использование чужого произведения в учебных целях: некоторые проблемы правового регулирования и правоприменения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 322–326. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-322-326>, EDN: ICEQDX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Free use of someone else's work for educational purposes: Some problems of legal regulation and law enforcement

Yu. Yu. Ilyukhina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia,

Yuliya Yu. Ilyukhina, yilyu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9761-6746>

Abstract. Introduction. Among the protected works of science, literature and art related to the results of creative work, there are objects that are significant from the point of view of the interests of society and can be tools for solving socially significant tasks, including those in the field of education. The general approach of the legislator to the legal regulation of such objects is aimed at ensuring their maximum accessibility to all interested parties. Maintaining a balance of private and public interests in the process of such regulation requires the use of effective legal means limiting the exclusive rights of the author. **Theoretical analysis.** Restrictions on the exclusive rights of the author are represented in civil law by the institute of free use of someone else's work, which guarantees interested persons access to the use of other people's intellectual activity results without the consent of the author and without payment of remuneration to him or her. **Empirical analysis.** In relation to educational activities, the law establishes two ways of using someone else's work, which are permissible limitations of exclusive rights: quoting and illustrating. The normative acts do not disclose these terms, for their semantic analysis it is necessary to refer to the legal positions of the judicial authorities. The

free use of someone else's work is permissible subject to mandatory compliance with the set of conditions established in the norm, failure to fulfill any of which may lead to the recognition of the use as illegal. A number of rules establishing such conditions allow for significant flexibility in interpretation. **Results.** The specificity of the legal regulation of the free use of other people's works for educational purposes lies in the evaluative nature of the key terms used by the legislator in the process of such regulation. For law enforcement, it would be advisable to use as clear and accurate a description of these definitions as possible.

Keywords: free use of other people's works, legal regulation of the use of other people's works, legal conditions for the use of other people's works

For citation: Ilyukhina Yu. Yu. Free use of someone else's work for educational purposes: Some problems of legal regulation and law enforcement. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 322–326 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-322-326>, EDN: ICEQDX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В основе института защиты авторских прав лежит положение о том, что разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности может лишь обладатель исключительных прав на него (первоначальным таким обладателем является автор). Однако среди охраняемых произведений науки, литературы и искусства встречаются объекты, значимые с точки зрения интересов общества, выраженные в самых разнообразных средствах, так или иначе относящиеся к результатам творческого труда, которые представляют собой эффективные инструменты для решения научных, технических, образовательных и других социально значимых задач. К числу сфер, в которых допускается использование результата интеллектуальной деятельности, отнесено образование, что обусловлено целесообразностью использования педагогом для создания качественного образовательного продукта результатов интеллектуальной деятельности сторонних авторов.

Общий подход законодателя к правовому регулированию таких объектов направлен на обеспечение их максимальной доступности для использования всеми заинтересованными лицами. Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на необходимость «уравновесить интересы авторов (и иных правообладателей) с интересами пользователей в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации о необходимости обеспечения возможностей формирования гармонично развитой личности», в том числе возможностей свободного занятия учебной, научной или творческой деятельностью, что способствует реализации конституционных прав личности [1].

Теоретический анализ

Для установления баланса частных и общественных интересов в данном случае применены правовые средства, которые ограничивают эксклюзивные правомочия (исключительные

права) автора. В Гражданском кодексе РФ такие ограничения представлены институтом свободного использования чужого произведения (ст. 1273–1280) [2]. Суть всех нормативных установлений этого института состоит в том, что заинтересованным лицам гарантируется доступ к использованию чужих результатов интеллектуальной деятельности без согласия автора и без выплаты ему вознаграждения. Безусловно, доступ становится легальным лишь с обязательным соблюдением ряда требований, установленных в нормах закона.

Способы допустимого использования чужого объекта интеллектуальных прав третьими лицами, правомерно ограничивающие исключительные права, закреплены в ст. 1274 ГК РФ (в несистематизированном разнородном перечне). Применительно к образовательной деятельности в законе закреплены два способа использования чужого произведения, которые являются допустимыми ограничениями исключительных прав: цитирование и иллюстрирование. И цитирование, и иллюстрирование применимы к произведениям разных областей науки, литературы и искусства независимо от их достоинства и назначения, а также от способа их выражения (в частности, текст, фотография и т. д. являются способом выражения произведения) [3].

В нормативных актах указанные термины не раскрываются, для их семантического анализа необходимо обратиться к правовым позициям судебных органов, в соответствии с которыми иллюстрирование и цитирование предполагает, что произведение должно быть размещено в другом произведении в качестве пояснения того или иного вопроса. Используемое чужое произведение не должно являться основным объектом использования, а лишь быть включенным в основной объект (основное произведение). Происходит включение в свое произведение чужого произведения (его части), при этом чужое произведение становится неотъемлемой частью своего произведения. Наиболее удачной видится формулировка понятий «иллюстрирование»

и «цитирования» через определение их целей, предложенная К. В. Всеволожским: «Цель цитирования – раскрытие творческого замысла автора цитируемого произведения... Цель иллюстрирования – раскрытие творческого замысла автора рассматриваемого произведения» [4, с. 14].

Разграничение цитирования и иллюстрирования представляется важным для правоприменения в силу того, что правомерное иллюстрирование с использованием чужого произведения не допускает иных целей, кроме учебных. Цитирование же разрешено в научных, полемических, критических, информационных, учебных целях, в целях раскрытия творческого замысла. Поскольку научная деятельность нередко является смежной для сферы образования, то лицу, использующему чужое произведение, необходимо понимать границы такого использования в зависимости от содержательного характера своей деятельности.

Каждый указанный в статье способ использования произведения представляет собой самостоятельное правомочие, входящее в состав исключительного права, принадлежащего автору (иному правообладателю) [5]. «Перечень ограничений исключительного права, предусмотренный в названной норме, носит исчерпывающий характер и расширительному толкованию не подлежит» [6]. Свободное использование чужих произведений может осуществляться только такими способами, которые прямо предусмотрены нормами ст. 1274 ГК РФ. Если фактические действия с чужим произведением не соответствуют признакам, предусмотренным в указанной статье, то они не будут рассмотрены как допустимый случай свободного использования, но квалифицируются как незаконное использование произведения без согласия правообладателя.

Эмпирический анализ

Свободное использование чужого произведения допустимо при обязательном соблюдении совокупности установленных в норме условий, неисполнение любого из которых может приводить к признанию использования незаконным.

Назовем условия свободного использования.

1. «Неприкосновенность» личных неимущественных прав авторов. При любом использовании произведения автору гарантируется охрана авторства, имени и защита репутации автора, защита от искажений (ст. 1255 и 1266 ГК РФ). Для соблюдения указанного условия Закон требует указать имя или творческий псевдоним автора [7]. Вымышленное имя (псевдоним, никнейм и пр.) может использоваться при размещении про-

изведений в Интернете, что следует расценивать как указание на соответствующее имя автора созданного произведения. Размещение в Интернете произведений под псевдонимом не противоречит действующему законодательству, а при достаточной степени осмотрительности у пользователей имеется объективная возможность установить действительного автора произведения [8].

2. Использование только правомерно обнародованных произведений. Если произведение еще не обнародовано, то оно может использоваться только с разрешения автора, если иное не предусмотрено законом (п. 1 ст. 1267, ст. 1277 и 1278 ГК РФ). При разрешении вопроса о том, какой стороне надлежит доказывать обстоятельства, имеющие значение для дела о защите авторского права или смежных прав, суду необходимо учитывать, что ответчик обязан доказать выполнение им требований закона при использовании произведений и (или) объектов смежных прав. Истец должен подтвердить факт принадлежности ему авторского права и (или) смежных прав или права на их защиту, а также факт использования данных прав ответчиком [9].

3. Указание источника заимствования. Нужно сослаться именно на оригинальный источник, где произведение было опубликовано впервые. При последовательном цитировании произведения на нескольких ресурсах указание лицом, использующим произведение, на последний источник заимствования не является соблюдением требований ст. 1274 ГК РФ.

4. Цель использования. Установления п. 1 ст. 1274 ГК РФ подлежат применению только в случаях свободного использования произведения в качестве иллюстраций к соответствующему учебному материалу. Допускаемая при иллюстрировании цель может носить лишь учебный характер. Цитирование охватывает более широкий спектр допустимых целей, который приведен в ст. 1274 ГК РФ.

Учеными и практиками обсуждается вопрос об обязательности некоммерческого характера целей, как это закреплено, например, в случаях личного использования. Наметившееся единообразие мнений по этому вопросу отражено в позициях судей СИП [4]. Условие о допустимости свободного использования чужого произведения лишь в некоммерческой деятельности не указано в качестве обязательного в Законе. Для суда имеет значение не столько сама по себе конечная цель использования, сколько доказывание того, является ли заимствованный фрагмент цитатой или иллюстрацией. Возможность свободного использования чужого произведения в таких

ситуациях ограничена не коммерческим/некоммерческим его характером, а лишь целью и соразмерностью объема использования цели цитирования. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 г. также не связывает исключения с коммерческим или некоммерческим характером деятельности либо с извлечением прибыли [10].

Для уточнения учебного характера суды используют ГОСТ 7.60-2020 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения», в соответствии с п. 3.2.8.6. которого «учебным изданием является издание, содержащее систематизированные сведения научного или прикладного характера, изложенные в форме, удобной для изучения и преподавания, и рассчитанное на учащихся разного возраста и степени обучения» [11].

Также учебный характер будет зависеть от рода профессиональной деятельности лица, использующего чужое произведение, от того, кому предназначен обучающий материал, и т.д.

5. Объем использования не более допустимого. Пределы свободного использования ограничены объемом, оправданным поставленной целью, соответствующей указанию Закона. Полярность мнений относительно объема используемого произведений, существующих как в цивилистической науке, так и в практике правоприменения, в полной мере отражает дискуссия между членами СИП [4]. Для целей правоприменения наиболее аргументированной представляется позиция, подтверждаемая результатами анализа международной практики, в соответствии с которой «невозможно вывести универсальную формулу оценки допустимого объема цитирования. Решение вопроса о том, подходит ли объем цитируемого произведения под критерий допустимости, должно приниматься индивидуально в каждом конкретном случае» [4, с. 13]. Установление предельного объема допустимого использования в целях определения легальности свободного использования не учитывало бы современного технического разнообразия способов использования произведений. Указанный в пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ критерий – объем, оправданный целью цитирования, – допускает существенную гибкость в толковании. Ключевым критерием допустимости объема целесообразно считать пропорциональное (процентное) соотношение объема использованного чужого произведения к общему объему основного произведения, создаваемого автором.

Результаты

Специфика правового регулирования свободного использования чужих произведений в учебных целях заключается в оценочном характере ключевых терминов, применяемых законодателем в процессе такого регулирования. Развитие современного общества носит столь динамический характер, что объективно невозможно установить четкие, окончательные, исчерпывающие границы понятий, а, соответственно, применение оценочных определений в гражданском праве неизбежно. Однако для правоприменения целесообразно использовать максимально ясную и точную характеристику этих дефиниций, которую вполне мог бы предлагать в своих актах профильный судебный орган.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2015 г. № 1539-О. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02072015-n-1539-o-po/> (дата обращения: 10.03.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 24.11.2006 № 318-ФЗ (ред. от 05.12.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
3. Определение СКЭС ВС РФ от 25 апреля 2017 г. № 305-ЭС161830. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25042017-n-305-es16-18302-po-delu-n-a40-1423452015> (дата обращения: 10.03.2023).
4. *Осадчая О. А., Кодиров Ш. Б.* Протокол № 22 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 16.07.2020 // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3 (29). С. 4–33. EDN: GNZZIQ
5. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10. URL: <http://www.vsrfl.ru/documents/own/27773/> (дата обращения: 10.03.2023).
6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10.08.2015 № С01-113/2013 по делу № А76-13283/2012. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qzJ55aACwX5a/> (дата обращения: 10.03.2023).
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06.05.2015 по делу № А40-154156/2014. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/YJzBMmP6W0dR> (дата обращения: 01.03.2023).
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.01.2019 № С01-940/2018 по делу № А60-48002/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015). URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/thematics/15153/> (дата обращения: 10.03.2023).
10. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. ГОСТ Р 7.0.60-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 18.09.2020 № 655-ст). URL: <https://legalacts.ru/doc/gost-r-7060-2020-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii-sistema-standartov/> (дата обращения: 10.03.2023).
12. Бузова Н. В. Ограничения авторского права и смежных прав: проблемы цитирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 23. С. 46–55. EDN: RKJLFF

References

1. *Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 1539-O of July 2, 2015*. Available at: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02072015-n-1539-o-po/> (accessed March 10, 2023) (in Russian).
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part four) 318-FZ of November 24, 2006 (an edition of December 5, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301 (in Russian).
3. *Definition of the SCES of the Armed Forces of the Russian Federation no. 305-ES161830 of March 25, 2017*. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25042017-n-305-es16-18302-podelu-n-a40-1423452015/> (accessed March 10, 2023) (in Russian).
4. Osadchaya O. A., Kodirov Sh. B. Report no. 22. The meeting in absentia of the Scientific Advisory Council of the Court of Intellectual Property Rights of July 16, 2020. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam* [Journal of the Intellectual Property Rights Court], 2020, no. 3 (29), pp. 4–33 (in Russian). EDN: GNZZIQ
5. *On the application of Part four of the Civil Code of the Russian Federation. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 10 of April 23, 2019*. Available at: <http://www.vsrfl.ru/documents/own/27773> (accessed March 10, 2023) (in Russian).
6. *Resolution of the Intellectual Property Rights Court no. C01-113/2013 of August 10, 2015 in case no. A76-13283/2012*. Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qzJ55aACwX5a> (accessed March 10, 2023) (in Russian).
7. *Resolution of the Intellectual Property Rights Court of May 6, 2015 in the case no. A40-154156/2014*. Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/YJzBMmp6W0dR/> (accessed March 1, 2023) (in Russian).
8. *Resolution of the Intellectual Property Rights Court no. C01-940/2018 of January 11, 2019 in case no. A60-48002/2017*. АТФ «Консультант» [electronic resource] (in Russian).
9. *Review of judicial practice in cases related to the resolution of disputes on the protection of intellectual rights (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of September 23, 2015)*. Available at: <https://www.vsrfl.ru/documents/thematics/15153> (accessed March 10, 2023) (in Russian).
10. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of September 9, 1886 (an edition of September 28, 1979). АТФ «Консультант» [electronic resource] (in Russian).
11. *GOST R 7.0.60-2020. National Standard of the Russian Federation. A system of standards for information, library and publishing. Editions. The main types. Terms and definitions (approved by the Order of Rosstandart no. 655-st of September 18, 2020)*. Available at: <https://legalacts.ru/doc/gost-r-7060-2020-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii-sistema-standartov/> (accessed March 10, 2023) (in Russian).
12. Buzova N. V. Limitations on copyright and neighboring rights: Problems of quotation. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam* [Journal of the Intellectual Property Rights Court], 2019, no. 23, pp. 46–55 (in Russian). EDN: RKJLFF

Поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 19.05.2023; принята к публикации 22.05.2023
The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 19.05.2023; accepted for publication 22.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 327–332
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 327–332
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-327-332>, EDN: LBGFX

Научная статья
УДК 340,342

Правовые аспекты использования информационных технологий с целью компенсации физических недостатков человека

Д. Г. Василевич

Международный университет «МИТСО», Беларусь, 220099, г. Минск, ул. Казинца, д. 21, корп. 3

Василевич Дмитрий Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, aerofevralz@gmail.com, Gregory_1@tut.by, AuthorID: 1193121

Аннотация. Введение. В настоящее время происходит динамичное внедрение информационных технологий во все сферы общественной жизни. Научно-прикладные разработки, касающиеся развития ИТ, стали активно использоваться для реабилитации лиц, ставших инвалидами, в том числе имеющих проблемы с опорно-двигательным аппаратом, атрофией мышц, потерей слуха, зрения и др. **Теоретический анализ.** Достижения научно-технического прогресса, особенно в области медицины, биомедицины, генетики, биоинженерии, математики, программирования, психофизиологии и нейрофизиологии в совокупности с использованием информационно-коммуникативных технологий меняют качество жизни людей, оказавшихся в экстремальной ситуации в связи с состоянием здоровья. Развивается «индустрия умных устройств», оказывающих человеку помощь в восстановлении функций утраченных органов. При использовании «умных» устройств возникает проблема обеспечения свободы воли и ментальной приватности, уважения частной жизни, которая представляет собой одно из проявлений индивидуальной свободы. В связи с этим появляется необходимость в развитии научных направлений, изучающих правовое обеспечение внедрения нейроинтерфейсов и иных «умных устройств». **Результаты.** Акцентируется внимание на успехах в области биомедицины, психофизиологии, нейрофизиологии и иных науках, которые во взаимодействии с возможностями информационно-коммуникационных технологий способствуют возвращению лиц с инвалидностью к активной и полноценной жизнедеятельности. При использовании «умных» устройств возникает проблема обеспечения свободы воли и ментальной приватности, уважения частной жизни, которая представляет собой одно из проявлений индивидуальной свободы. Подчеркивается, что в будущем возникнет необходимость решения дилеммы – между благами, которые могут предоставить человеку «умные устройства», и равенством людей. Использование указанных устройств при отсутствии для этого требований объективного характера может привести к неравенству между людьми, созданию для отдельных из них преимуществ, не обусловленных их природными качествами. Высказывается идея о необходимости решить вопрос о квалификации действий лиц, совершивших хакерскую атаку на нейроинтерфейсы, что повлекло смерть или причинение дополнительного вреда здоровью лица, его использующего.

Ключевые слова: нейроинтерфейсы, бионические протезы, «умные устройства», ментальная приватность, права человека, свобода воли, частная жизнь

Для цитирования: Василевич Д. Г. Правовые аспекты использования информационных технологий с целью компенсации физических недостатков человека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 327–332. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-327-332>, EDN: LBGFX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Legal aspects of using information technology to compensate for physical disabilities

D. G. Vasilevich

International University “MITSO”, 21, bld. 3 Kazinets St., Minsk 220099, Belarus

Dmitriy G. Vasilevich, aerofevralz@gmail.com, Gregory_1@tut.by, AuthorID: 1193121

Abstract. Introduction. In the modern period there is a dynamic introduction of information technology in all spheres of social life. Scientific and applied achievements concerning the development of IT began to be actively used for the rehabilitation of people who became disabled, including those with problems with the musculoskeletal system, muscle atrophy, loss of hearing, vision, etc. **Theoretical analysis.** Advances in scientific and technological progress, especially in medicine, biomedicine, genetics, bioengineering, mathematics, programming, psychophysiology and neurophysiology, alongside the use of information and communication technologies, are changing the quality of life of people who find themselves in extreme health situations. The “industry of smart devices” is developing, assisting people in restoring the functions of lost organs.

The use of "smart" devices raises the problem of ensuring free will and mental privacy, respect for privacy, which is one of the manifestations of individual freedom. In this regard, there is a need for the development of scientific directions that study the legal support for the implementation of neuro-interfaces and other "smart devices". **Results.** Emphasis is placed on advances in biomedicine, psychophysiology and neurophysiology and other sciences, which, in interaction with the possibilities of information and communication technologies, contribute to the return of people with disabilities to active and fulfilling life activities. While using "smart" devices, there is a problem of ensuring free will and mental privacy, respect for privacy, which is one of the manifestations of individual freedom. It is emphasized that in the future there will be a need to resolve the dilemma between the benefits that "smart devices" can provide for people and the equality of people. The use of these devices in the absence of objective requirements may lead to inequality between people, creating advantages not conditioned by the natural qualities for some of them. The author puts forward an idea of the need to address the issue of qualification of the actions of those who hacked the neuro-interfaces, which caused death or additional harm to the person who uses it.

Keywords: neurointerfaces, bionic prostheses, "smart devices", mental privacy, human rights, free will, privacy

For citation: Vasilevich D. G. Legal aspects of using information technology to compensate for physical disabilities. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 327–332 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-327-332>, EDN: LBGFX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время область применения информационных технологий получает все более масштабное развитие. В ряде случаев они охватывают личностную сферу человека. Имеем в виду те ситуации, когда человек в силу инвалидности или иных физических проблем не в состоянии самостоятельно обеспечить себе полноценную и активную жизнь. Наглядным примером является использование бионических протезов, экзоскелетов, других медицинских «умных» устройств. Однако это порождает необходимость исследования возникающего комплекса прав, обязанностей, ответственности лиц, вовлеченных в использование таких устройств.

Теоретический анализ

Достижения научно-технического прогресса, особенно в области медицины, биомедицины, генетики, биоинженерии, математики, программирования, психофизиологии и нейрофизиологии в совокупности с использованием информационно-коммуникативных технологий меняют качество жизни людей, оказавшихся в экстремальной ситуации в связи с состоянием здоровья. Развивается «индустрия умных устройств», оказывающих человеку помощь в восстановлении функций утраченных органов. В связи с этим появляется необходимость в развитии научных направлений, изучающих правовое обеспечение внедрения нейроинтерфейсов и иных умных устройств.

Нейрокомпьютерный интерфейс или нейроинтерфейс представляет собой систему обмена информацией между мозгом и электронным устройством (компьютером) [1].

В литературе акцентируется внимание на проблеме возможных злоупотреблений при использовании информационных технологий,

которые обеспечивают коммуникацию с человеком, вынужденным использовать их для своей физической реабилитации. При этом возникает проблема обеспечения свободы воли и ментальной приватности, уважения частной жизни, которая представляет собой одно из проявлений индивидуальной свободы. В литературе частная жизнь рассматривается как физическая и духовная сфера, которую контролирует индивид самостоятельно. Постороннее воздействие допустимо лишь на основе закона и судебного постановления [2, с. 120].

Подчеркнем в этом плане значение Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023). Так, согласно данному Закону сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных, могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных. Полагаем, что в Законе можно было бы указать, что в случае физических ограничений для выражения письменного согласия это могут выразить представители соответствующего лица.

В указанной области отношений видна необходимость синтеза знаний. Правильно отмечается, что составляющими технологии «интерфейс – мозг – компьютер» являются такие науки, как биоинженерия, математика, программирование, психофизиология и нейрофизиология благодаря их вкладу в изучение функционирования мозга, как нервные клетки передают информацию друг другу и создают электрические импульсы [3, с. 401].

Развитие научного направления по созданию интерфейсов имеет давнюю историю, хотя его результаты стали очевидными лишь в последние одно-два десятилетия. В литературе обращается внимание на то, что первые эксперименты по созданию таких устройств как прообразов нейроинтерфейсов стали проводить в 1960-х гг. Упомянется американский исследователь Грей Уолтер, который в 1963 г. проводил эксперимент по подключению человеческого мозга к машине – проектору слайдов [4, с. 79]. Его работы стали ориентиром для развития теории искусственного интеллекта. Благодаря трудам Уолтера, а также Роберта Винера и других исследователей технологии по созданию нейроинтерфейсов получили значительное развитие [5].

По утверждению профессора Сколковского института науки и технологий М. А. Лебедева, более миллиона человек восстановили способность слышать благодаря современным имплантам, значительная часть людей, у которых было нарушено зрение, благодаря симуляции мозга стали видеть [6].

Учитывая, что использование нейроинтерфейсов касается прав, обязанностей и ответственности участников возникающих отношений, в центре которых находится человек, по отношению к которому предполагается их применять, для практического воплощения «умных» медицинских устройств, защиты прав лиц, их использующих, определения ответственности при злоупотреблениях, «сбоях» в работе этих устройств, причинении вреда жизни и здоровью человека необходимо решать вопросы правового регулирования. Иными словами, имеет объективная настоятельная необходимость юридикации возникающих новых отношений, которые несут благо человеку, но в то же время и не исключают полностью негативных последствий.

Одним из актуальных направлений реализации достижений биомедицинских технологий является разработка и использование бионических протезов, которые заменяют утраченный орган. Бионические протезы становятся одним из средств реабилитации. Они помогают людям, оставшимся без конечностей, возвращаться к полноценной жизни, компенсировать утраченные организмом функции. По приведенным в СМИ сведениям, в Российской Федерации ежегодно происходит более 70 тысяч ампутаций по причине травм или заболеваний (например, диабетом). Расширение возможностей использования бионических протезов может быть обусловлено и военными конфликтами, а также

рождением некоторых детей без конечностей. Для сравнения отметим, что в США ежегодно делают более 185 тысяч ампутаций, а всего в мире – более миллиона [7]. В целом лишь немногочисленная часть лиц, нуждающихся в бионических протезах, может ими воспользоваться по причине высокой цены и их нехватки.

Бионические протезы также совершенствовались: на начальном этапе их внедрения они функционировали – сгибались и разгибались – за счет сохранившихся мышц, затем стали использовать датчики, реагирующие на нервные импульсы, что позволяло воспроизводить движения. В настоящее время созданы бионические протезы, которые реагируют непосредственно на импульсы [7].

Специалисты отмечают, что бионическая модель содержит микропроцессор и необходимую для его функционирования техническую составляющую.

Справедливо утверждение, что бионические протезы, способные даже передавать тактильные ощущения, можно считать полноценным органом человека.

Активно проводят соответствующие исследования в Российской Федерации, для чего объединились такие известные организации, как Дальневосточный федеральный университет, компания «Моторика», Центр нейробиологии и нейрореабилитации. Планируется добиться такого взаимодействия бионических устройств с телом человека, чтобы даже купировать фантомные боли [8].

Таким образом, идет процесс формирования условий для широкого использования нейроинтерфейсов, в том числе инвазивных, существенного расширения их возможностей. После создания таких «умных» устройств, как экзоскелеты, которые уже много лет назад демонстрировались по телевидению, происходит внедрение еще более «продвинутых» устройств, которые реагируют на мысли человека, способны выполнять его мысленные команды. Об успехах в данном направлении сообщили ученые НИЦ «Курчатовский институт» [9].

Экзоскелеты, которые, на наш взгляд, нельзя относить к нейроинтерфейсам, некоторыми авторами рассматривались как переходный этап в силу того, что они не заменяют потерянные органы, а лишь расширяют возможности организма человека. Так, они помогают людям поднимать тяжелые предметы, лицам, утратившим возможность самостоятельно двигаться, – учиться делать шаги, ходить. Таким образом, видна позитивная сторона

использования экзоскелетов. В трудовом законодательстве необходимо определить права и обязанности работодателей и работников при их использовании. На наш взгляд, в трудовом договоре (соглашении) следует оговаривать возможность их применения, право работника при определенных условиях отказаться от их использования, необходимо оценить, насколько меняется интенсивность труда, как это влияет на его оплату, являются ли эти устройства источником повышенной опасности и др.

Специалистами, занимающимися внедрением нейроинтерфейсов, вполне резонно обращается внимание на решение проблем, связанных с обеспечением безопасности лиц, использующих эти устройства. Обращается внимание на то, что нейроинтерфейсы, иные «умные» устройства, помимо сулящих благ, затрагивают автономию человека, его безопасность, ставят ряд вопросов, касающихся этических принципов. Ведь нейроинтерфейсы применяются не только для получения информации от мозговой деятельности, но с их помощью можно также доставлять в мозг реципиента информацию [4, с. 88].

Таким образом, нейроинтерфейсы являются устройствами двунаправленного действия, когда обеспечивают коммуникацию между нервной системой и компьютером. Поэтому справедливо утверждение А. Л. Хохлова и Д. Ю. Белоусова, которые подчеркивают, что указанные «умные» устройства также могут быть подвержены хакерским атакам, повышаются риски в связи со слиянием ряда характеристик, в том числе особенностями накапливаемой информации, возникающими угрозами того, как она может быть использована. Авторы не исключают не только злой умысел, включая кражи информации, манипулирование устройством, введение вредоносных программ, но и неумышленные ошибки. Иными словами, существует опасность причинения вреда здоровью человека и даже наступление его смерти из-за таких действий [10, с. 92].

Такой же позиции придерживается А. Н. Городищева, заявляя, что интернет-тело является вызовом не только человеческой автономии, но касается содержания этических принципов [11, с. 140], появляются нерешенные вопросы относительно пределов контроля за поведением недееспособных, несовершеннолетних, иных лиц.

Неоднозначно к возможности вживления в мозг человека чипов относятся представители Церкви. Приемлемой считается имплантация в тело для исцеления или восстановления функ-

ций, но отрицательно оценивается использование электронных устройств для превращения человека в кибернетический механизм [12].

Мы разделяем такую оценку. «Накачивание умными устройствами» человека при отсутствии для этого требований объективного характера может привести к неравенству между людьми, созданию для отдельных из них преимуществ, не обусловленных их природными качествами. Таким образом, существует угроза дискриминации, деления людей на «талантливых» и неконкурентноспособных только по той причине, что они не используют чипы, обеспечивающие им физические и «интеллектуальные» преимущества.

Некоторые футурологи уже сейчас прогнозируют, что к 2030 г. искусственный интеллект (ИИ), достигнув технологической сингулярности, будет самостоятельно развиваться, а к 2045 г. появится поколение киборгов. Заметим, что в предшествующий период предсказания футурологов часто воспринимались критически, а реальность подтвердила многие из предсказаний [13].

Полагаем, что российское законодательство и практика нуждаются в разрешении некоторых проблемных вопросов. В частности, необходимо решить вопрос о квалификации действий лиц, совершивших хакерскую атаку на нейроинтерфейсы, что повлекло смерть или причинение дополнительного вреда здоровью лица, его использующего. Все зависит от состояния человека, который использует «умные» устройства. На наш взгляд, если в результате таких умышленных действий наступила смерть лица, находящегося в беспомощном состоянии и лишь благодаря нейроинтерфейсу осуществляющего свои функции, то их следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 (Убийство) Уголовного кодекса РФ.

Второй вопрос, на который хотелось бы обратить внимание, это финансирование расходов, связанных с приобретением бионических протезов, установлением интерфейсов. Общие подходы сформулированы в ст. 1085 Гражданского кодекса РФ, согласно которой при причинении гражданину увечья или ином повреждении его здоровья возмещению подлежит утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение,

приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение. Пленум Верховного Суда РФ 26 января 2010 г. принял Постановление № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», в котором акцентировал внимание на том, что в объем возмещаемого виновным лицом вреда, причиненного здоровью, в частности, включаются расходы на лечение и иные дополнительные расходы (расходы на дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии и т.п.) (п. 27).

В результате проведенной работы был сделан вывод, что технология нейрокомпьютерного интерфейса (НКИ) имеет значительный потенциал для дальнейшего использования, а именно: для диагностики, мониторинга функционирования мозга, для работы в условиях, грозящих жизни и здоровью человека.

Учитывая, что «умные» устройства могут причинить вред человеку, создать условия для дискриминации, полагаем необходимым усилить контроль со стороны государства за их разработкой и внедрением. Использование и применение таких технологий должно быть санкционировано государством в лице Министерства здравоохранения и иных заинтересованных органов. Такие изделия должны подлежать сертификации и регистрации. Желательно создать регистр таких устройств.

Результаты

Успехи в области биомедицины, психофизиологии и нейрофизиологии и иных науках, которые взаимодействуют с информационно-коммуникационными технологиями, способствуют возвращению лиц с инвалидностью к активной и полноценной жизнедеятельности. При использовании «умных» устройств возникает проблема обеспечения свободы воли и ментальной приватности, уважения частной жизни, которая представляет собой одно из проявлений индивидуальной свободы. Указанные «умные» устройства также могут быть подвержены хакерским атакам, повышаются риски в связи со слиянием ряда характеристик, в том числе с особенностями накапливаемой информации, возникающими угрозами того, как она может

быть использована. Существует опасность причинения вреда здоровью человека и даже наступления его смерти из-за таких действий. Подчеркивается, что в будущем возникнет необходимость решения дилеммы – между благами, которые могут предоставить человеку «умные устройства», и равенством людей. Использование указанных устройств при отсутствии для этого требований объективного характера может привести к неравенству между людьми, созданию для отдельных из них преимуществ, не обусловленных их природными качествами. Таким образом, существует угроза дискриминации, деления людей на «талантливых» и неконкурентоспособных только по той причине, что они не используют чипы, обеспечивающие им физические и «интеллектуальные» преимущества. Высказывается идея о необходимости решить вопрос о квалификации действий лиц, совершивших хакерскую атаку на нейроинтерфейсы, что повлекло смерть или причинение дополнительного вреда здоровью лица, его использующего. Все зависит от состояния человека, который использует «умные» устройства.

Список литературы

1. #Нейрокомпьютерный интерфейс. URL: <https://indicator.ru/label/nejrokompyuternyj-interfejs> (дата обращения: 11.03.2023).
2. Головистикова А. В., Грудцына Л. Ю. Права человека : учебник. М. : Эксмо, 2008. 446 с.
3. Яковлева М. С. Нейроинтерфейсы: понятие, направления и проблемы развития // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2014. Т. 1, № 10. С. 401–402. EDN: TAQHAR
4. Лебедев М. А. Сознание и душа: что добавляют нейроинтерфейсы? // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2019. № 2 (4). С. 76–105. <https://doi.org/10.24411/2541-9587-2019-10017>, EDN: TLHQVO
5. Лунев Д. В., Полетыкин С. К., Кудрявцев Д. О. Нейроинтерфейсы: обзор технологий и современные решения // Современные инновации, системы и технологии – Modern Innovations, Systems and Technologies. 2022. № 2 (3). С. 0117–0126. <https://doi.org/10.47813/2782-2818-2022-2-3-0117-0126>
6. Нейроинтерфейсы в науке и медицине. URL: <https://www.msu.ru/news/neyrointerfejsy-v-nauke-i-meditsine.html> (дата обращения: 20.03.2023).
7. Бионические протезы: на что они способны, и когда мы станем киборгами? URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5e91e02b9a79474e8cb6d892> (дата обращения: 18.03.2023).
8. Ученые хотят сделать бионические протезы более чувствительными. URL: <https://www.vesti.ru/nauka/article/2737223> (дата обращения: 18.02.2023).

9. В Курчатовском институте расширили возможности управления компьютером с помощью взгляда. URL: <https://naked-science.ru/article/column/v-kurchatovskom-institute-rasshirili> (дата обращения: 10.03.2023).
10. Хохлов А. Л., Белоусов Д. Ю. Этические аспекты использования медицинских изделий с технологией Интернета тела // Качественная клиническая практика. 2021. № 2. С. 89–98. <https://doi.org/10.37489/2588-0519-2021-2-89-98>
11. Городищева А. Н., Замятина Э. В. Интернет вещей и его место в информационном обществе // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2015. № 1. С. 134–143.
12. В РПЦ заявили, что вживление чипов в мозг не соответствует «божьему замыслу о человеке». URL: <https://news.mail.ru/society/46823697/> (дата обращения: 11.03.2023).
13. Американский футуролог спрогнозировал бессмертие людей к 2030 году. URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/19/bessmertie/> (дата обращения: 11.03.2023).

References

1. #Neurocomputer interface. Available at: <https://indicator.ru/label/nejrokompyuternyj-interfejs> (accessed March 11, 2023) (in Russian).
2. Golovistikova A. V, Grudtsyna L. Yu. *Prava cheloveka* [Human Rights]. Moscow, Eksmo, 2008. 446 p. (in Russian).
3. Yakovleva M. S. Neurointerfaces: The concept, directions and problems of development. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki* [Actual Problems of Aviation and Cosmonautics], 2014, vol. 1, no. 10, pp. 401–402 (in Russian). EDN: TAQHAR
4. Lebedev M. A. Consciousness and soul: What will neurointerfaces add? *Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*, 2019, no. 2 (4), pp. 76–105 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2541-9587-2019-10017>, EDN: TLHQBO
5. Lunev D. V., Poletkin S. K., Kudryavtsev D. O. Brain-computer interfaces: Technology overview and modern solutions. *Modern Innovations, Systems and Technologies*, 2022, no. 2 (3), pp. 0117–0126 (in Russian). <https://doi.org/10.47813/2782-2818-2022-2-3-0117-0126>
6. *Neyrointerfeysy v nauke i meditsine* (Neuro-interfaces in science and medicine). Available at: <https://www.msu.ru/news/neyrointerfeysy-v-nauke-i-meditsine.html> (accessed March 20, 2023) (in Russian).
7. *Bionicheskie protezy: na chto oni sposobny, i kogda my stanem kiborgami?* (Bionic prostheses: What are they capable of, and when will we become cyborgs?). Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5e91e02b9a79474e8cb6d892> (accessed March 18, 2023) (in Russian).
8. *Uchenye khotyat sdelat' bionicheskie protezy bolee chuvstvitel'nymi* (Scientists want to make bionic prostheses more sensitive). Available at: <https://www.vesti.ru/nauka/article/2737223> (accessed February 18, 2023) (in Russian).
9. *V Kurchatovskom institute rasshirili vozmozhnosti upravleniya komp'yuterom s pomoshch'yu vzglyada* (Kurchatov Institute expanded the possibilities of controlling the computer with the help of gaze). Available at: <https://naked-science.ru/article/column/v-kurchatovskom-institute-rasshirili> (accessed March 10, 2023) (in Russian).
10. Khokhlov A. L., Belousov D. Yu. Ethical aspects of the Internet of Bodies. *Kachestvennaya klinicheskaya praktika* [Good Clinical Practice], 2021, no. 2, pp. 89–98. (in Russian). <https://doi.org/10.37489/2588-0519-2021-2-89-98>
11. Gorodishcheva A. N., Zamyatina E. V. Internet of things and its place in the information society. *The Social and Economic and Humanitarian Magazine*, 2015, no. 1, pp. 134–143 (in Russian).
12. *V RPTS zayavili, chto vzhivleniye chipov v mozg ne sootvetstvuyet «bozh'yemu zamyslu o cheloveke»* (The Russian Orthodox Church said that the implantation of chips in the brain does not correspond to “God’s plan for man”). Available at: <https://news.mail.ru/society/46823697/> (accessed March 11, 2023) (in Russian).
13. *Amerikanskiy futurolog sprognoziroval bessmertiyeye lyudey k 2030 godu* (American futurologist predicted the immortality of people by 2030). Available at: <https://lenta.ru/news/2023/03/19/bessmertie/> (accessed March 11, 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 23.03.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 15.05.2023
The article was submitted 23.03.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 15.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 333–340
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 333–340
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-333-340>, EDN: KCZWKF

Научная статья
УДК 336.22

Исчисление налога при использовании упрощенной системы налогообложения: математические и статистические закономерности достижения социально значимого результата

А. С. Кондукторов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кондукторов Антон Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного, административного и финансового права, ack-87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8160-0961>

Аннотация. Введение. Социальная направленность правового регулирования должна проявляться в процессе выполнения любой из государственных функций, в том числе при взимании налогов и сборов. Баланс «материальных интересов» государства и отдельных членов общества при уплате того или иного обязательного платежа определяется динамикой переменных экономических показателей, используемых при исчислении его размера. В рамках настоящей работы исследуется распределение ресурсов налогоплательщика, применяющего упрощенную систему налогообложения, между его наемными работниками и бюджетом (государством). **Теоретический анализ.** Посредством математических построений, основанных на нормативно определенном порядке исчисления налога, установлена обратно пропорциональная зависимость между суммой налога и размером фонда оплаты труда работников налогоплательщика, использующего упрощенную систему налогообложения. Данный эффект выявлен независимо от применяемого объекта налогообложения. Произведены графические построения, иллюстрирующие указанную зависимость. **Эмпирический анализ.** На основе данных Федеральной службы государственной статистики исследована корреляция между динамикой валового внутреннего продукта и динамикой реальной начисленной заработной платы в Российской Федерации. В результате установлено, что темпы роста реальной начисленной заработной платы в исследуемом периоде превышали темпы роста ВВП. При этом, однако, наблюдается стойкое снижение разницы между указанными величинами. **Результаты.** Системный анализ статистики позволил констатировать, что в исследуемом периоде сохраняется социально ориентированный характер распределения ресурсов между наемными работниками налогоплательщика и государством. Однако «ориентация на интересы работника» становится все менее и менее значимой, и при сохранении действующих тенденций распределение ресурсов налогоплательщика, использующего упрощенную систему налогообложения, в ближайшее время будет осуществляться более в интересах бюджета, чем наемного работника.

Ключевые слова: упрощенная система налогообложения, социальная направленность финансово-правового регулирования, валовой внутренний продукт, фонд оплаты труда, порядок исчисления налога

Для цитирования: Кондукторов А. С. Исчисление налога при использовании упрощенной системы налогообложения: математические и статистические закономерности достижения социально значимого результата // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 333–340. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-333-340>, EDN: KCZWKF
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Calculating the amount of tax when using the simplified taxation system: Mathematical and statistical patterns of achieving a socially significant result

A. S. Konduktorov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anton S. Konduktorov, ack-87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8160-0961>

Abstract. Introduction. The social orientation of legal regulation should be manifested in the process of performing any of the state functions, including the collection of taxes and fees. The balance of the “material interests” of the state and individual members of society when paying a mandatory payment is determined by the dynamics of variable economic indicators used in calculating its size. Within the framework of this work, the distribution of resources of a taxpayer applying a simplified taxation system between his or her employees and the budget (state) is investigated. **Theoretical analysis.** By means of mathematical constructions based on the normatively defined procedure for calculating the tax, an inversely proportional relationship between the amount of tax and the size of the payroll fund of employees of a taxpayer using a simplified taxation system is established. This effect was revealed regardless of the applied object of taxation. Graphic constructions illustrating the speci-

fied dependence are made. **Empirical analysis.** Based on the data of the Federal State Statistics Service, the correlation between the dynamics of gross domestic product and the dynamics of real accrued wages in the Russian Federation is studied. As a result, it was found that the growth rate of real accrued wages in the study period exceeded the growth rate of GDP. At the same time, however, there is a steady decrease in the difference between these values. **Results.** The systematic analysis of statistics allowed us to state that in the period under study, the socially oriented nature of the distribution of resources between the taxpayer's employees and the state remains. However, the "orientation to the interests of the employee" is becoming less and less significant and, if current trends continue, the allocation of resources of a taxpayer using a simplified taxation system will soon be carried out more in the interests of the budget than of an employee.

Keywords: simplified taxation system, social orientation of financial and legal regulation, gross domestic product, wage fund, tax calculation procedure

For citation: Konduktorov A. S. Calculating the amount of tax when using the simplified taxation system: Mathematical and statistical patterns of achieving a socially significant result. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 333–340 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-333-340>, EDN: KCZWKF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Как известно, Российская Федерация является социальным государством, что прямо следует из положений Конституции РФ [1]. Это обуславливает среди прочего необходимость использования принципа социальной направленности правового регулирования при регламентации общественных финансовых отношений. На значимость социального фактора в финансовом праве указывается и в научной литературе. Например, Е. Г. Беликов пишет: «Финансово-правовая политика должна носить четко выраженную социальную или, точнее, общественную направленность, реализовываться не в интересах отдельных социальных групп, а всего общества или, по крайней мере, его большинства» [2, с. 30].

Тем не менее общественно-правовая реальность порой преподносит примеры несоциально ориентированного правового регулирования. Подобные факты, как правило, вызывают широкий общественный резонанс и обоснованную критику научного сообщества. Но иногда встречаются ситуации, когда социальная (или антисоциальная) направленность правового регулирования определяется обстоятельствами, скрытыми от постороннего взгляда и «залегающими в недрах» финансовых процессов. На выявление одного из таких обстоятельств и направлено настоящее исследование.

Следует специально отметить, что автор данной работы не ставит перед собой цель предложить решение какой-либо проблемы. Более того, выявленная ниже динамика даже не обязательно является «проблемой» (как может показаться на первый взгляд), поскольку в приведенных расчетах не используется еще один важный показатель – производительность труда. Цель исследования – представить научному сообществу одну из объективных закономерностей налогово-правовой реальности (ранее

надежно скрытую от всеобщего внимания), не давая ей оценок и решая тем самым лишь исследовательские задачи.

Теоретический анализ

Уплату всякого налога предваряет процедура его исчисления. К сожалению, порядок исчисления налога не является популярным объектом научных исследований. Его разработке как теоретической категории посвящено считанное количество публикаций [3, 4]. Тем не менее порядок исчисления суммы налога – это, как правило, достаточно сложный математический процесс, включающий в себя ряд переменных величин. Их взаимодействие (обусловленное совокупностью вычислительных операций, которые необходимо произвести для определения подлежащей уплате суммы) в каждом конкретном случае не лишено ряда закономерностей и взаимозависимостей.

Попытаемся проанализировать подобные закономерности на примере упрощенной системы налогообложения.

В соответствии со ст. 346.14 Налогового кодекса Российской Федерации [5] (далее – НК РФ) применение упрощенной системы налогообложения позволяет налогоплательщику выбрать объект налогообложения – «Доходы» или «Доходы, уменьшенные на величину расходов». Каждый из данных объектов обуславливает использование собственной налоговой ставки и соответствующего порядка определения суммы подлежащего уплате налога.

Использование объекта налогообложения «Доходы, уменьшенные на величину расходов» предполагает уплату в бюджет 15% от разницы между доходами и расходами, определяемыми на основании ст. 346.15 и 346.16 НК РФ соответственно. При этом к числу расходов относятся и страховые взносы на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование (пп. 7

п. 1 ст. 346.16 НК РФ), которые на данный момент равны 30% (ст. 425 НК РФ) от размера фонда оплаты труда работников налогоплательщика, принятых на основании трудового договора*.

Для определения суммы подлежащего уплате налога можно использовать следующую формулу:

$$H = (D - (P + \text{ФОТ} \times 0,30)) \times 0,15,$$

где H – сумма подлежащего уплате налога; D – доходы налогоплательщика; P – величина расходов налогоплательщика без включения в них взносов на пенсионное, социальное и медицинское страхование; ФОТ – фонд оплаты труда наемных работников; $0,30$ – совокупная ставка страховых взносов на обязательное страхование (30%); $0,15$ – налоговая ставка (15%).

Использование объекта налогообложения «Доходы» обуславливает взимание в качестве налога 6% от доходов налогоплательщика, определяемых на основании ст. 346.15 НК РФ. Дополнительно сумма налога в соответствии с пп. 1 п. 3.1 ст. 346.21 НК РФ подлежит уменьшению на сумму страховых взносов на обязательное страхование в том же (30% от величины фонда оплаты труда) размере.

Формула, используемая для определения суммы уплачиваемого в бюджет налога, будет выглядеть следующим образом:

$$H = D \times 0,06 - \text{ФОТ} \times 0,30,$$

где H – сумма подлежащего уплате налога; D – доходы налогоплательщика; $0,06$ – налоговая ставка (6%); ФОТ – фонд оплаты труда наемных работников; $0,30$ – совокупная ставка страховых взносов на обязательное страхование (30%).

Как следует из вышеизложенного, при использовании упрощенной системы налогообложения одной из переменных величин, влияющих на размер налога (а соответственно, и на величину бюджетных доходов), является динамика оплаты труда наемных работников налогоплательщика. Попробуем определить, каким образом изменение данного показателя отражается на сумме налога, поступающего в бюджет. Используем следующие величины фонда оплаты труда в условных единицах (далее – у.е.): 20, 40, 60, 80, 100.

* В приведенных ниже расчетах не учитываются взносы на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, так как страховые тарифы дифференцируются в зависимости от класса профессионального риска и в каждом конкретном случае имеют индивидуальный размер. Невключение в формулы указанных взносов не оказывает никакого воздействия на выявляемую динамику.

Однако для осуществления расчетов в соответствии с приведенными выше формулами необходимо также определить показатель доходов (D) и расходов (P). Здесь нас поджидает одно методическое затруднение: для выявления влияния фонда оплаты труда на величину уплачиваемого налога следует применить такие показатели доходов (D) и расходов (P), которые как при использовании объекта налогообложения «Доходы», так и при использовании объекта налогообложения «Доходы, уменьшенные на величину расходов», повлекли бы исчисление одинаковой суммы налога при фонде оплаты труда, равном нулю. В этом случае нивелируется влияние избранного объекта налогообложения на итоговую сумму налога, что позволяет связать выявляемые закономерности именно с динамикой фонда оплаты труда. В противном случае результат будет обусловлен влиянием на сумму налога не фонда оплаты труда, а избранного объекта налогообложения (как это показано в ряде исследований [6, 7]).

Для решения данной задачи подходят следующие показатели: доходы (D) – 1000 у.е., расходы (P) – 600 у.е. В этом случае сумма налога будет равна 60 у.е. при использовании любого из объектов налогообложения при равном нулю фонде оплаты труда ($H = (D - (P + \text{ФОТ} \times 0,30)) \times 0,15 = (1000 - (600 + 0 \times 0,30)) \times 0,15 = 60$; $H = D \times 0,06 - \text{ФОТ} \times 0,30 = 1000 \times 0,06 - 0 \times 0,30 = 60$).

Проследим, как изменяется размер доходов, зачисляемых в бюджет при применении упрощенной системы налогообложения, в зависимости от динамики величины фонда оплаты труда.

Если фонд оплаты труда составляет 20 у.е., доходы – 1000 у.е., а расходы – 600 у.е., налог, поступающий в бюджет от применения упрощенной системы налогообложения с объектом «Доходы, уменьшенные на величину расходов», равен 59,1 у.е. ($H = (D - (P + \text{ФОТ} \times 0,30)) \times 0,15 = (1000 - (600 + 20 \times 0,30)) \times 0,15 = 59,1$).

Таким же методом определим сумму налога для иных принятых величин фонда оплаты труда: если ФОТ составляет 40 у.е., то сумма налога – 58,2 у.е. ($H = (D - (P + \text{ФОТ} \times 0,30)) \times 0,15 = (1000 - (600 + 40 \times 0,30)) \times 0,15 = 58,2$); если ФОТ равен 60 у.е., то сумма уплачиваемого налога снизится до 57,3 у.е. ($H = (D - (P + \text{ФОТ} \times 0,30)) \times 0,15 = (1000 - (600 + 60 \times 0,30)) \times 0,15 = 57,3$); повышение ФОТ до 80 у.е. приведет к исчислению налога в размере 56,4 у.е. ($H = (D - (P + \text{ФОТ} \times 0,30)) \times 0,15 = (1000 - (600 + 80 \times 0,30)) \times 0,15 = 56,4$); если же ФОТ достигнет 100 у.е., налог уменьшится до 55,5 у.е. ($H = (D - (P + \text{ФОТ} \times 0,30)) \times 0,15 = (1000 - (600 + 100 \times 0,30)) \times 0,15 = 55,5$).

Изложенная динамика отражена на рис. 1.

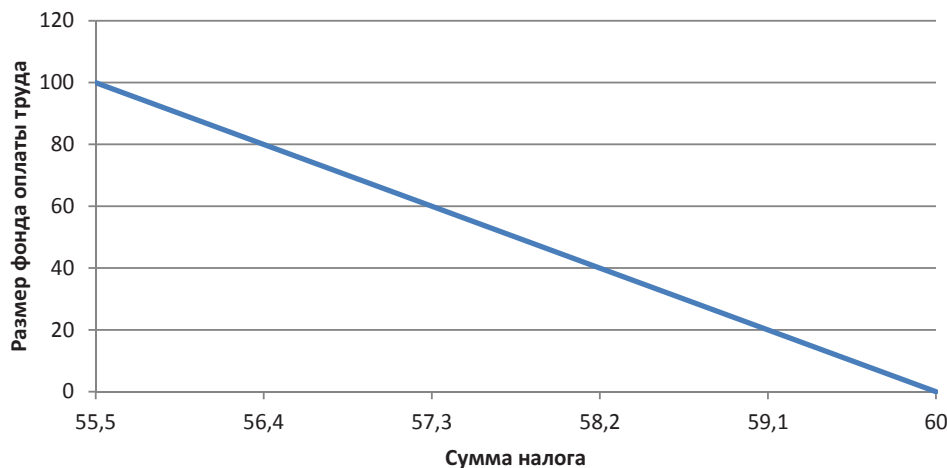

Рис. 1. Влияние величины фонда оплаты труда наемных работников на сумму налога, уплачиваемого при применении упрощенной системы налогообложения с объектом «Доходы, уменьшенные на величину расходов»

Fig. 1. The effect of the wage fund of employees on the amount of tax paid when applying the simplified taxation system with the object «Income reduced by the amount of expenses»

Аналогичным способом (с использованием второй из приведенных выше формул и тех же показателей Д, Р и ФОТ) исчислим суммы налога, уплачиваемые в бюджетную систему в случае использования упрощенной системы налогообложения с объектом «Доходы»: если ФОТ составляет 20 у.е., налог равен 54 у.е. ($H = D \times 0,06 - \text{ФОТ} \times 0,30 = 1000 \times 0,06 - 20 \times 0,30 = 54$); увеличение ФОТ до 40 у.е. повлечет уменьшение налога до 48 у.е. ($H = D \times 0,06 - \text{ФОТ} \times 0,30 = 1000 \times 0,06 - 40 \times 0,30 = 48$); рост ФОТ до 60 у.е. снизит сумму налога до 42 у.е. ($H = D \times 0,06 - \text{ФОТ} \times 0,30 = 1000 \times 0,06 - 60 \times 0,30 = 42$); если ФОТ до-

стигнет 80 у.е., сумма налога уменьшится до 36 у.е. ($H = D \times 0,06 - \text{ФОТ} \times 0,30 = 1000 \times 0,06 - 80 \times 0,30 = 36$.); при ФОТ, равном 100 у.е., налог будет уплачен в размере 30 у.е. ($H = D \times 0,06 - \text{ФОТ} \times 0,30 = 1000 \times 0,06 - 100 \times 0,30 = 30$).

Также отразим перечисленные данные графически (рис. 2).

Данные рис. 1 и 2 наглядно показывают, что увеличение фонда оплаты труда при неизменных доходах и расходах влечет уменьшение суммы налога, поступающей в бюджет, и, наоборот, снижение оплаты труда вызовет повышение размера налоговых платежей.

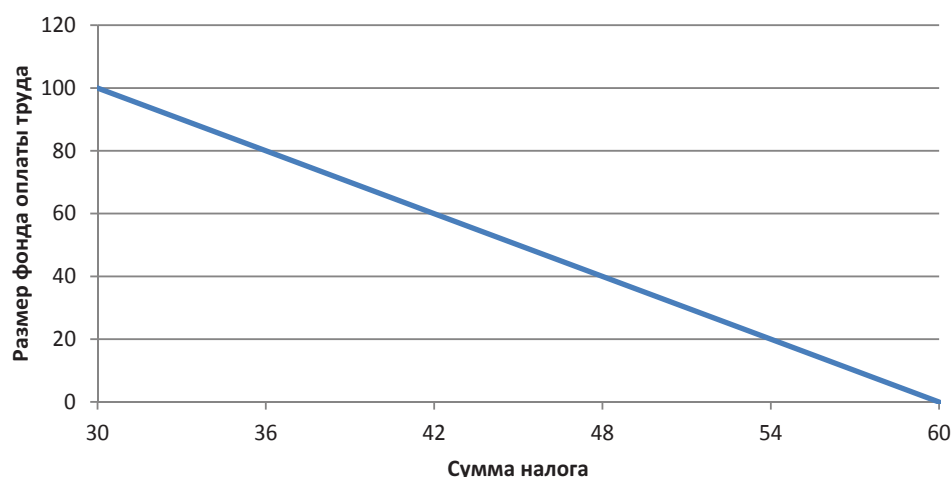

Рис. 2. Влияние величины фонда оплаты труда наемных работников на сумму налога, уплачиваемого при применении упрощенной системы налогообложения с объектом «Доходы»

Fig. 2. The effect of the wage fund of employees on the amount of tax paid when applying the simplified taxation system with the object «Income»

Подведем промежуточные итоги исследования.

1. Величина доходов бюджетной системы Российской Федерации от применения упрощенной системы налогообложения (при использовании каждого из объектов) демонстрирует обратно пропорциональную зависимость от величины фонда оплаты труда. Данная динамика предопределена нормативной конструкцией налога, а точнее – порядком его исчисления, предусмотренным главой 26.2 НК РФ.

2. Регулируемый Налоговым кодексом РФ порядок исчисления налога, подлежащего уплате при применении упрощенной системы налогообложения, предопределяет противоречие фискальных интересов государства и целей государственной социальной политики: условием увеличения налоговых поступлений от использования упрощенной системы налогообложения выступает (при неизменности прочих показателей) снижение оплаты труда наемных работников.

3. Фискальный результат (сумма поступающего в бюджет налога) при использовании объекта налогообложения «Доходы» и объекта налогообложения «Доходы, уменьшенные на величину расходов» демонстрирует зависимость «разной интенсивности» от величины фонда оплаты труда: при применении объекта «Доходы» повышение оплаты труда вызывает

более стремительное снижение суммы налога (в приведенном примере – с 54 до 30, т. е. на 24), чем при применении объекта «Доходы, уменьшенные на величину расходов» (с 59,1 до 55,5, т. е. на 3,6). Иными словами, противоречие интересов государства и наемного работника при использовании объекта налогообложения «Доходы» выражено более ярко по сравнению с применением объекта налогообложения «Доходы, уменьшенные на величину расходов».

Эмпирический анализ

Попробуем применить выявленные закономерности к реальной финансово-экономической статистике и попытаемся выяснить, насколько социально ориентированным является фактическое использование упрощенной системы налогообложения. Для этого проанализируем данные о динамике валового внутреннего продукта и об изменении реальной начисленной заработной платы за период 2000–2019 гг.**

Данные о темпах роста (или снижения) ВВП и заработной платы за указанный период приведены в таблице.

** Автор намеренно использует статистические данные за период до 2020 г. Эпидемия коронавирусной инфекции, а также последовавшие события неэкономического характера искажают как показатели ВВП, так и данные об оплате труда, что не позволяет выявить наличие/отсутствие социальных тенденций, «заложенных» в действующее законодательство.

Динамика валового внутреннего продукта и реальной начисленной заработной платы в РФ за период 2000–2019 гг.

Table. Dynamics of gross domestic product and real accrued wages in the Russian Federation for the period 2000–2019

Годы	Темпы роста (снижения) ВВП, в % к предыдущему году	Темпы роста (снижения) реальной начисленной заработной платы, в % к предыдущему году
2000	110,0	120,9
2001	105,1	119,9
2002	104,7	116,2
2003	107,3	110,9
2004	107,2	110,6
2005	106,4	112,6
2006	108,2	113,3
2007	108,5	117,2
2008	105,2	111,5
2009	92,1	96,5
2010	104,5	105,2
2011	104,3	102,8
2012	103,4	108,4
2013	101,3	104,8
2014	100,7	101,2
2015	97,2	91,0
2016	99,8	100,8
2017	101,8	102,9
2018	102,5	108,5
2019	101,3	104,8

Сост. по: [8, с. 36 (табл. 1.3); 9, с. 32 (табл. 1.3); 10, с. 51 (табл. 1.3); 11, с. 52 (табл. 1.3)].

Compiled to: [8, p. 36 (Table 1.3); 9, p. 32 (Table 1.3); 10, p. 51 (Table 1.3); 11, p. 52 (Table 1.3)].

Представленная статистика свидетельствует о том, что по итогам большинства лет в рассматриваемом периоде темпы роста реальной начисленной заработной платы превышали темпы роста ВВП (более подробно наблюдаемая закономерность исследована в работе Е. Ф. Винокурова [12]).

Превышение темпов роста заработной платы (составляющей в сумме фонд оплаты труда) над темпами роста ВВП свидетельствует о повышении размера оплаты труда за единицу изготовленной продукции/выполненной работы. Этот процесс идентичен модели, в которой происходит увеличение фонда оплаты труда при сохранении на неизменном уровне объема доходов и расходов хозяйствующих субъектов (определяющих величину ВВП). Иными словами, если темпы роста заработной платы опережают темпы роста ВВП (т. е. с течением времени разница между ними возрастает), то для наглядности (и удобства исчисления) можно допустить, что фонд оплаты труда увеличивается, а объем доходов и расходов (а следовательно, и ВВП) остается неизменным.

Применительно к выявленной выше обратно пропорциональной зависимости между величиной фонда оплаты труда и объемом налоговых поступлений приведенная статистика означает, что опережающий рост заработной платы обуславливал снижение суммы налога, поступающего в бюджет от использования упрощенной системы налогообложения (разумеется, не в абсолютных показателях, а в сравнении с ситуацией равнозначного роста ВВП и заработной платы). Таким образом, распределение ресурсов налогоплательщика, использующего упрощенную систему налогообложения, между наемным работником и государством происходило с «уклоном» в пользу наемного работника. Это свидетельствует о социально ориентированном характере применения упрощенной системы налогообложения на протяжении периода 2000–2019 гг.

Исключениями из этого «правила» были следующие годы: 2011-й, в котором темпы роста ВВП на 1,5% обогнали темпы роста заработной платы, и 2015-й, по итогам которого заработная плата «отстала» от ВВП сразу на 6,2%. Однако подобные ситуации можно считать единичными, так как они имели место всего в двух годах из наблюдаемых двадцати. При этом следует заметить, что 2011 и 2015 гг. были, если можно так выразиться, экстраординарными для отечественной экономики: в 2011-м работодатели все еще «осторожно» относились к повышению

заработной платы на фоне только что пережитого мирового кризиса 2008–2010 гг, а в 2015-м народное хозяйство и финансовая система испытали последствия политически мотивированных санкций иностранных государств. Поэтому статистические показатели 2011 и 2015 гг. не являются репрезентативными для оценки как налоговой системы России в целом, так и отдельных ее элементов.

Интереснее другая динамика: на протяжении 2000–2019 гг. наблюдается стойкое снижение разницы между темпами роста заработной платы и темпами роста ВВП. Если в 2001 г. темпы роста заработной платы превышали темпы роста ВВП на 14,8%, а в 2007-м – на 8,7%, то с 2013 г. данный показатель не поднимался выше 3,5% (единственное исключение здесь составляет 2018 г.).

Если же проследить среднегодовую статистику по пятилеткам, то получается, что в 2000–2004 гг. темпы роста заработной платы превышали темпы роста ВВП в среднем на 8,84% в год (разность темпов роста заработной платы и темпов роста ВВП в 2000 г. = 10,9%, в 2001 г. = 14,8%, в 2002 г. = 11,5%, в 2003 г. = 3,6%, в 2004 г. = 3,4%; среднее арифметическое перечисленных величин составляет 8,84%), в 2005–2009 гг. – на 6,14% в год (разность темпов роста заработной платы и темпов роста ВВП в 2005 г. = 6,2%, в 2006 г. = 5,1%, в 2007 г. = 8,7%, в 2008 г. = 6,3%, в 2009 г. = 4,4%; среднее арифметическое 6,14%), в 2010–2014 гг. – уже на 1,64% в год (разность темпов роста заработной платы и темпов роста ВВП в 2010 г. = 0,7%, в 2011 г. = –1,5%, в 2012 г. = 5,0%, в 2013 г. = 3,5%, в 2014 г. = 0,5%; среднее арифметическое 1,64%) и, наконец, в 2015–2019 гг. – лишь на 1,08% в год (разность темпов роста заработной платы и темпов роста ВВП в 2015 г. = –6,2%, в 2016 г. = 1,0%, в 2017 г. = 1,1%, в 2018 г. = 6,0%, в 2019 г. = 3,5%; среднее арифметическое перечисленных величин – 1,09%).

Изложенное свидетельствует о постепенном понижении социальной ориентированности процесса распределения ресурсов между бюджетом (государством) и наемным работником при уплате налога налогоплательщиком, применяющим упрощенную систему налогообложения.

Результаты

Резюмируя результаты проведенного исследования, необходимо заключить: сумма налога, поступающая в бюджет от применения налого-

плательщиком упрощенной системы налогообложения, находится в обратно пропорциональной зависимости от размера фонда оплаты труда наемных работников данного налогоплательщика. Это вызывает противоречие интересов государства и наемных работников при распределении ресурсов налогоплательщика, использующего упрощенную систему налогообложения. Анализ финансово-экономической статистики показывает, что в период 2000–2019 гг. данное противоречие разрешалось в пользу наемных работников (темпы роста реальной начисленной заработной платы которых опережали темпы роста ВВП, что понижало доходы бюджета от использования упрощенной системы налогообложения). Данный факт доказывает социально ориентированный характер применения упрощенной системы налогообложения на протяжении 2000–2019 гг. Однако постепенное выравнивание темпов роста реальной начисленной заработной платы и темпов роста ВВП (в 2019 г. они различались лишь на 1,08%) свидетельствует о снижении социальной ориентированности процесса распределения ресурсов между государством и наемным работником. При сохранении данной динамики следует ожидать перехода к применению упрощенной системы налогообложения, ориентированному на интересы бюджета, а не наемных работников налогоплательщика.

Необходимо специально отметить, что выявленные социальные закономерности не носят преднамеренного характера и тем более не выражают государственную волю при реализации налоговой политики. Они явились лишь следствием совокупности финансово-экономических обстоятельств и математических закономерностей, проявляющихся при исчислении налога, подлежащего уплате в связи с применением упрощенной системы налогообложения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
2. Беликов Е. Г. Принцип социальной направленности финансового правового регулирования // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 3. С. 29–33.
3. Батарин А. А. Теоретико-прикладные проблемы правовой идентификации порядка исчисления налога // Финансовое право. 2012. № 8. С. 25–29.
4. Красюков А. В. Порядок исчисления налога // Финансовое право. 2021. № 3. С. 18–22. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2021-3-18-22>, EDN: QVXVCU
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32, ст. 3340 ; 2023. № 1 (ч. I), ст. 66.
6. Клочко С. Н., Варенова М. А., Бурдилова А. А. Обоснование выбора объекта налогообложения при применении упрощенной системы предприятиями малого бизнеса Российской Федерации // Вопросы экономики и управления. 2016. № 5.1 (7.1). С. 125–127.
7. Дмитриева О. В. Выбор оптимального объекта налогообложения при применении упрощенной системы налогообложения // Финансы. 2019. № 8. С. 40–44.
8. Российский статистический ежегодник. 2010: Статистический сборник / отв. ред. А. Е. Суринов. М., 2010. 813 с.
9. Российский статистический ежегодник. 2014: Статистический сборник / отв. ред. А. Е. Суринов. М., 2014. 693 с.
10. Российский статистический ежегодник. 2017: Статистический сборник / отв. ред. А. Е. Суринов. М., 2017. 686 с.
11. Российский статистический ежегодник. 2020: Статистический сборник / отв. ред. П. В. Малков. М., 2020. 700 с.
12. Винокуров Е. Ф. Динамика заработной платы и экономический рост: российские реалии // Экономическая наука современной России. 2021. № 4. С. 68–77. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4\(95\)-68-77](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4(95)-68-77)

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of February 5, 2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of July 21, 2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of March 14, 2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
2. Belikov E. G. The principle of the social orientation of the financial legal regulation. *Leningradskiy juridicheskiy zhurnal* [Leningrad Law Journal], 2013, no. 3, pp. 29–33 (in Russian).
3. Batarin A. A. Theoretical and applied problems of legal identification of the tax calculation procedure. *Finansovoe pravo* [Financial Law], 2012, no. 8, pp. 25–29 (in Russian).
4. Krasuykov A. V. Tax calculation procedure. *Finansovoe pravo* [Financial Law], 2021, no. 3, pp. 18–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2021-3-18-22>, EDN: QVXVCU
5. Tax code of the Russian Federation (part two) 117-FZ of August 5, 2000 (an edition of December 29, 2022).

- Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2000, no. 32, art. 3340; 2023, no. 1 (pt. I), art. 66 (in Russian).
6. Klochko S. N., Varenova M. A., Burdilova A. A. Justification of the choice of the object of taxation in the application of the simplified system by small businesses of the Russian Federation. *Voprosy ekonomiki i upravleniya* [Economic and Management Issues], 2016, no. 5.1 (7.1), pp. 125–127 (in Russian).
  7. Dmitrieva O. V. Choosing the optimal object of taxation when applying the simplified taxation system. *Finansy* [Finance], 2019, no. 8, pp. 40–44 (in Russian).
  8. Surinov A. E. (ed.) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2010: Statisticheskiy sbornik* [Russian Statistical Yearbook. 2010: Statistical Compendium]. Moscow, 2010. 813 p. (in Russian).
  9. Surinov A. E. (ed.) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2014: Statisticheskiy sbornik* [Russian Statistical Yearbook. 2014: Statistical Compendium]. Moscow, 2014. 693 p. (in Russian).
  10. Surinov A. E. (ed.) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2017: Statisticheskiy sbornik* [Russian Statistical Yearbook. 2017: Statistical Compendium]. Moscow, 2017. 686 p. (in Russian).
  11. Malkov P. V. (ed.) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2020: Statisticheskiy sbornik* [Russian Statistical Yearbook. 2020: Statistical Compendium]. Moscow, 2020. 700 p. (in Russian).
  12. Vinokurov E. F. Wage dynamics and economic growth: Russian realities. *Economics of Contemporary Russia*, 2021, no. 4, pp. 68–77 (in Russian). [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4\(95\)-68-77](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4(95)-68-77)

Поступила в редакцию 03.03.2023; одобрена после рецензирования 05.04.2023; принята к публикации 05.05.2023
The article was submitted 03.03.2023; approved after reviewing 05.04.2023; accepted for publication 05.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 341–348
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 341–348
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-341-348>, EDN: KUDAZZ

Научная статья
УДК 342.565.2

Предмет и порядок рассмотрения Конституционным Судом РФ дел о соответствии Конституции Российской Федерации инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума

В. Б. Сычев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Сычев Виталий Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, v.b.s.2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5614-0019>

Аннотация. Введение. Вопрос о предмете проверки Конституционным Судом РФ дел о соответствии Конституции Российской Федерации инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума не нашел разрешения на федеральном уровне. Процедура рассмотрения дел данной категории регламентирована федеральным законодательством только в общих чертах. **Теоретический анализ.** Систематизация представленных в научной литературе мнений относительно предмета проверки по данной категории дел позволяет выделить две позиции: к предмету рассмотрения Конституционного Суда относятся и предлагаемые на референдум вопросы, и вся процедура инициативы проведения референдума; предметом рассмотрения Конституционного Суда должны служить только предлагаемые на референдум вопросы. **Эмпирический анализ.** Анализ критериев (пределов) проверки по рассматриваемой категории дел показал, что к ним во всяком случае следует относить соответствие Конституции РФ вопроса (вопросов), предлагаемых на референдум, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ. Критерии допустимости запроса, процессуальная форма и сроки рассмотрения дел исследуемой категории нуждаются в совершенствовании. **Выводы.** Предметом проверки по делам рассматриваемой категории должны быть не только выносимые на референдум вопросы, но и вся процедура инициативы проведения референдума. Предлагается внести изменения в законодательство, предусматривающие освобождение Президента РФ от уплаты государственной пошлины при обращении в Конституционный Суд РФ по делам рассматриваемой категории, возможность участия в рассмотрении дел данной категории представителей инициативной группы или органа государственной власти, выступающего с инициативой проведения референдума, Центральной избирательной комиссии РФ и Президента РФ. Также предлагается предусмотреть в соответствующем законе специальную главу, регламентирующую именно рассмотрение дел о соответствии Конституции РФ инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума.

Ключевые слова: Конституция, Конституционный Суд, конституционный контроль, конституционное правосудие, референдум

Для цитирования: Сычев В. Б. Предмет и порядок рассмотрения Конституционным Судом РФ дел о соответствии Конституции Российской Федерации инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 341–348. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-341-348>, EDN: KUDAZZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The subject and procedure for consideration of cases of compliance of the initiative to hold a referendum on the proposed issue (proposed issues) of the referendum with the Constitution of the Russian Federation by the Constitutional Court of the Russian Federation

V. B. Sychev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vitalii B. Sychev, v.b.s.2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5614-0019>

Abstract. Introduction. The issue of the subject of review of cases of compliance of the initiative to hold a referendum on the proposed issue (proposed issues) of the referendum with the Constitution of the Russian Federation by the Constitutional Court of the Russian Federation is not regulated in the federal legislation. In addition, the federal legislation regulates the procedure for considering cases of this category only in

general terms. **Theoretical analysis.** The systematization of the opinions presented in the scientific literature regarding the subject of verification in this category of cases allows us to distinguish two positions: the subject of consideration by the Constitutional Court should include both the issues proposed for a referendum and the entire procedure for the initiative of holding a referendum; only the issues proposed for a referendum should be the subject of consideration by the Constitutional Court. **Empirical analysis.** The analysis of the criteria (limits) of verification for the category of cases under consideration showed that, in any case, they should include compliance of the issues proposed for a referendum, the division of jurisdiction and powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the constituent entities of the Russian Federation with the Constitution of the Russian Federation. The criteria for the admissibility of the motion, the procedural form and procedural periods of consideration of cases of the category under study need to be improved. **Conclusions.** The subject of verification in cases of the category under consideration should be not only the issues proposed for a referendum but also the entire procedure for the initiative of holding a referendum. The author proposes to amend the legislation providing for the exemption of the President of the Russian Federation from paying state duty when bringing the matter before the Constitutional Court of the Russian Federation in cases of the category in question, the possibility of participation of representatives of the electoral association or public authority proposing the initiative to hold a referendum, the Central Election Commission of the Russian Federation and the President of the Russian Federation in consideration of cases of this category. The author also proposes to provide a special chapter in the relevant law regulating the consideration of cases of compliance of the initiative to hold a referendum on the proposed issue (proposed issues) of the referendum with the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: Constitution, Constitutional Court, constitutional review, constitutional justice, referendum

For citation: Sychev V. B. The subject and procedure for consideration of cases of compliance of the initiative to hold a referendum on the proposed issue (proposed issues) of the referendum with the Constitution of the Russian Federation by the Constitutional Court of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 341–348 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-341-348>, EDN: KUDAZZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Вопрос о предмете проверки Конституционного Суда РФ по делам о соответствии Конституции РФ инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума в науке конституционного права является дискуссионным. Следует отметить, что данный вопрос не нашел однозначного разрешения ни в Федеральном конституционном законе «О референдуме Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О референдуме РФ») [1], ни в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») [2]. Вследствие этого возможны несколько подходов к определению предмета проверки по указанной категории дел. Согласно первому подходу предметом проверки являются вопросы, выносимые на референдум. Согласно второму подходу сама процедура выдвижения инициативы референдума также может быть предметом проверки.

Следует отметить, что в ФКЗ «О референдуме РФ» процедура рассмотрения дел о соответствии Конституции РФ инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума регламентирована только в общих чертах, а в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» в гл. XVI регламентируется рассмотрение дел как по запросу Верховного Суда РФ, так и по запросу Президента РФ, что не является оптимальным. Формулировки критериев проверки и критериев допустимости обращений по та-

ким делам представляются не вполне корректными и нуждаются в совершенствовании. Не определен круг участников конституционного судопроизводства по делам рассматриваемой категории.

Также необходимо обратить внимание на то, что специальная гл. XVI, посвященная рассмотрению дел, связанных с проведением референдума, появилась в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» только в ходе конституционной реформы 2020 г., на что обращал внимание А. А. Клишас [3, с. 12].

Поэтому институт рассмотрения таких дел для отечественного конституционного судопроизводства является новым и пока еще недостаточно развитым.

Теоретический анализ

В науке конституционного права встречаются различные точки зрения на вопрос о предмете проверки по делам о соответствии Конституции РФ инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума.

А. В. Дагуев верно заметил, что ФКЗ «О референдуме РФ» не определяет ни конкретного предмета судебного конституционного контроля, ни пределов проверки по делам указанной категории. Он также отмечает, что предмет проверки по делам рассматриваемой категории – это соответствие Конституции инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума [4, с. 165, 173].

Как отмечал Н. В. Витрук, непонятно, что конкретно относится к предмету рассмотрения по данной категории дел: только предлагаемые на референдум вопросы или вся процедура инициативы проведения референдума в целом, включая в том числе и выносимые на референдум вопросы. Исходя из буквального смысла ст. 23 ФКЗ «О референдуме РФ», данный автор делает вывод о том, что верным является второй вариант [5, с. 12].

На эту же проблему обращал внимание и О. В. Бржегнев. При этом он привел следующий аргумент в пользу мнения о том, что предметом проверки по рассматриваемой категории дел является вся процедура инициативы проведения референдума: согласно ФКЗ «О референдуме РФ» в Конституционный Суд РФ необходимо направлять не только сам запрос, но и все документы, на основании которых назначается референдум, вследствие чего можно сделать вывод о том, что эти документы потенциально могут рассматриваться и оцениваться Конституционным Судом РФ [6, с. 7].

А. В. Никитина приводит другой аргумент в пользу мнения о том, что по рассматриваемой категории дел предметом проверки должны быть не только выносимые на референдум вопросы или проекты нормативных правовых актов, но и соблюдение процедуры выдвижения инициативы референдума – даже если Конституционный Суд РФ ранее уже рассматривал запрос Верховного Суда РФ, Президент РФ все равно обязан обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом. Таким образом, логика ст. 23 ФКЗ «О референдуме РФ» указывает на необходимость более широкого определения компетенции Конституционного Суда РФ [7, с. 278].

Необходимо обратить внимание на то, что процедуры проверки конституционности вопроса (вопросов), предлагаемых на референдум, и инициативы референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума существенно отличаются, на что обращалось внимание в литературе [8, с. 77].

Эмпирический анализ

Следует отметить, что в ч. 1.1 ст. 23 ФКЗ «О референдуме РФ» [1] закреплена норма, согласно которой порядок, установленный ч. 1 данной статьи (т. е. рассмотрение дела о конституционности инициативы референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума), не изменяется в случае, если Конституционный Суд РФ рассматривал

запрос Верховного Суда РФ в соответствии с ч. 17 ст. 15 данного Закона (т. е. о конституционности вопроса (вопросов), предлагаемых на референдум). Если бы предмет проверки в обоих случаях был одинаков, то такая норма была бы не нужна, поскольку повторная проверка одного и того же предмета вряд ли необходима. Кроме этого, согласно ч. 3 ст. 110.2 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» [2] предшествующее направление запроса Верховного Суда РФ не затрагивает допустимости запроса Президента РФ. В то же время в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 43 указанного Закона Конституционный Суд РФ отказывает в принятии обращения к рассмотрению в случаях, если по предмету обращения Конституционным Судом РФ ранее было вынесено постановление, сохраняющее свою силу. В указанном пункте перечислены исключения из этого правила, однако ни одно из них не касается референдума. Поэтому представляется, что предметы проверки при обращении Верховного Суда РФ и при обращении Президента РФ должны быть разными – в первом случае это только вопросы референдума, а во втором – также и инициатива референдума.

А. В. Дагуев придерживается противоположного мнения: он считает, что предметом данного вида судопроизводства является проверка конституционности вопроса, выносимого на референдум, а рассмотрение других вопросов, которые имеют отношение к процедуре инициативы проведения референдума, связано с вопросами факта, которые не входят в компетенцию Конституционного Суда РФ [9, с. 25].

Следует отметить, что на основании п. 5.1 ч. 1 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» (а также норм гл. XVI указанного Закона) на первый взгляд можно предположить, что предметом проверки должны быть только вопросы, выносимые на референдум РФ. Однако в силу приведенных выше аргументов следует отметить, что предметом проверки по рассматриваемой категории дел является и сама инициатива проведения референдума.

Аргументом в пользу необходимости проверки Конституционным Судом РФ не только вопроса, выносимого на референдум, но и процедуры выдвижения инициативы референдума может быть необходимость недопущения ситуации, при которой в результате выдвинутой с нарушением процедуры инициативы референдума на референдуме будет принято решение, по своей формулировке соответствующее Конституции РФ, но вследствие нарушения процедуры

выдвижения инициативы референдума являющееся сомнительным с точки зрения его юридической силы. Следует отметить, что процедура разрешения подобной ситуации в российском законодательстве не предусмотрено.

Также необходимо обратить внимание на то, что согласно ч. 3 и 4 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» КС РФ решает исключительно вопросы права и воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов. При этом следует отметить, что поскольку в ч. 1–2 ст. 23 ФКЗ «О референдуме РФ» используется именно термин «инициатива проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума», а не «вопрос (вопросы) референдума» (как в ч. 17 ст. 15 указанного Закона), можно сделать вывод о том, что установление факта конституционности именно инициативы, а не только вопросов референдума, отнесено к компетенции Конституционного Суда РФ.

Предметом проверки может быть и нормативный акт, выносимый на референдум.

Критерии (пределы) проверки по делам о соответствии вопроса, выносимого на референдум РФ, Конституции РФ закреплены в ст. 110.4 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», согласно которой они устанавливаются п. 1, 4–6 ч. 1 ст. 86 данного Закона. Следует отметить, что использование именно таких формулировок в Законе представляется не вполне оптимальным, так как ст. 110.4, по сути, представляет собой отсылочную норму, касающуюся именно критериев (пределов) проверки вопросов, выносимых на референдум РФ, а ст. 86, на которую она ссылается, регулирует критерии (пределы) проверки по делам о соответствии Конституции РФ нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними. Однако вопросы, выносимые на референдум, – это далеко не то же самое, что нормативные акты, нормативные договоры и содержащиеся в них правовые нормы, поскольку выносимые на референдум вопросы не являются правовыми нормами, по крайней мере до их одобрения, а проверка их конституционности осуществляется явно ранее такового. Кроме этого, вопросы референдума не обязательно должны носить нормативный характер. Таким образом, проверка выносимых на референдум вопросов именно по содержанию норм представляется затруднительной.

Н. В. Витрук отмечал, что нельзя выносить на референдум РФ вопросы, которые преду-

сматривают ограничение, отмену или умаление общепризнанных прав и свобод человека и гражданина [5, с. 12].

Критерием проверки по рассматриваемой категории дел помимо содержания вопроса (вопросов), предлагаемых на референдум, также должно быть разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, установленное Конституцией РФ, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий; например, на федеральный референдум вряд ли можно выносить вопросы об изменении наименования того или иного субъекта РФ или муниципального образования. Если на референдум выносится проект нормативного акта, то критерием его проверки может быть и предполагаемая форма такого акта, а также предполагаемый порядок его опубликования и вступления в силу. На первый взгляд, такие критерии проверки по данной категории дел, как разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, разграничение компетенции между федеральными органами государственной власти, выглядят малоприменимыми, поскольку решение на референдуме принимается народом, а не органами государственной власти, на которые распространяется принцип разделения властей и компетенция которых установлена Конституцией РФ. Но если на референдум выносится вопрос о принятии нормативного или иного акта, решения определенным органом государственной власти, то критерием проверки может быть соблюдение принципа разделения властей и установленного Конституцией РФ разграничения компетенции между федеральными органами государственной власти. Критерием проверки процедуры выдвижения инициативы референдума должно быть соответствие установленному порядку ее проведения. Однако при этом могут возникнуть сложности, связанные с тем, что процедура выдвижения инициативы референдума Конституцией РФ прямо не регламентирована.

Критерии допустимости запроса Президента РФ по рассматриваемой категории дел установлены в ч. 2 ст. 110.2 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», согласно которой запрос допустим, если Президенту РФ из Центральной избирательной комиссии РФ поступили документы, на основании которых назначается референдум РФ.

А. В. Дагуев считает, что критерием допустимости запроса Президента РФ является

принятие решения Центральной избирательной комиссии РФ [9, с. 26]. Он также отмечает, что данный запрос является допустимым, если ЦИК РФ вынесла заключение о соответствии предложенного вопроса (предложенных вопросов) референдума требованиям ст. 6 ФКЗ «О референдуме РФ» и такое заключение направлено Президенту РФ с приложением необходимых материалов и документов, а также если в десятидневный срок с момента поступления к Президенту РФ запроса из Центральной избирательной комиссии РФ он обратился в Конституционный Суд РФ по указанному поводу с соответствующим запросом [4, с. 174].

Представляется, что критерием допустимости запроса по рассматриваемой категории дел также должно быть наличие решения Центральной избирательной комиссии РФ об установлении соответствия ходатайства инициативной группы и приложенных к нему документов требованиям закона и о регистрации инициативной группы по проведению референдума, а если в соответствии с международным договором РФ проект нормативного акта или вопрос государственного значения подлежит вынесению на референдум – наличие инициативы проведения референдума в соответствии с международным договором РФ, оформленной решением соответствующего федерального органа (соответствующих федеральных органов) государственной власти.

Формулировка критерия допустимости запроса по рассматриваемой категории дел похожа на формулировку основания для рассмотрения дела, так как рассмотрение дел о конституционности инициативы референдума на федеральном уровне не связано с разрешением конституционно-правового спора. По делам, подразумевающим наличие конституционно-правового спора, основание для рассмотрения дела обычно формулируется как неопределенность в вопросе о соответствии Конституции объекта конституционного контроля, а критерий допустимости запроса – как убеждение обращающегося в орган конституционного контроля субъекта в неконституционности или, напротив, конституционности объекта конституционного контроля. По делам, подразумевающим не наличие конституционно-правового спора, а участие органа конституционного контроля в конституционно значимых процедурах, основание формулируется как совершение определенных юридических действий, а критерий допустимости обращения – как факт совершения таких действий.

Необходимо обратить внимание на то, что в ч. 1 ст. 23 ФКЗ «О референдуме РФ» установлен срок для обращения в Конституционный Суд РФ по рассматриваемой категории дел – не позднее 10 дней после поступления Президенту РФ документов, на основании которых назначается референдум. Данный срок является одним из немногих и одним из самых коротких в конституционном судопроизводстве.

В ч. 1.1 ст. 23 ФКЗ «О референдуме РФ» закреплена норма, согласно которой порядок, установленный ч. 1 этой статьи (т. е. рассмотрение дела о конституционности инициативы референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума), не изменяется в случае, если Конституционный Суд РФ рассматривал запрос Верховного Суда РФ о конституционности вопроса (вопросов), предлагаемых на референдум.

Необходимо обратить внимание на то, что в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» не регламентирован круг участников процесса по рассматриваемой категории дел. Поэтому представляется необходимым предусмотреть участие в рассмотрении дел данной категории представителей инициативной группы или органа государственной власти, являющегося инициатором референдума, Центральной избирательной комиссии РФ, Президента РФ.

Необходимо также обратить внимание на сроки рассмотрения дел исследуемой категории.

В ст. 110.3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» для вынесения постановления предусмотрен срок не позднее 10 дней после регистрации запроса.

Следует отметить, что 10 апреля 2023 г. в Государственную Думу внесен законопроект № 332585-8 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О референдуме Российской Федерации” (по вопросам совершенствования законодательства о референдуме)» [10], в котором, в частности, предусматривается установление срока в 5 дней для рассмотрения запроса Президента РФ по делам исследуемой категории.

Представляется, что предлагаемый в данном законопроекте срок не заслуживает поддержки, поскольку, во-первых, он не соответствует сроку, предусмотренному в ст. 110.3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», притом что в рассматриваемом законопроекте не предлагается внесение изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» (кроме того, в приложении к данному законопроекту отмечено, что принятие указанного закона не потребует внесения изме-

нений в акты федерального законодательства), а во-вторых, пятидневный срок вряд ли может быть достаточным с точки зрения необходимости обеспечения полноты и всесторонности рассмотрения дела. Следует отметить, что столь короткий срок для рассмотрения дела не предусмотрен ни по одной категории дел, входящих в компетенцию Конституционного Суда РФ.

Ранее О. В. Брежнев обращал внимание на проблему отсутствия процессуального срока для рассмотрения дел указанной категории [6, с. 8].

По мнению А. В. Дагуева, с одной стороны, затягивание рассмотрения дела данной категории Конституционным Судом РФ может привести к нарушению конституционного права граждан на участие в референдуме, поскольку возможно наступление обстоятельств, которые исключают назначение и проведение референдума, а с другой стороны, установление слишком коротких сроков рассмотрения дел указанной категории связано с риском принятия неконституционного и необоснованного решения, при этом широта дискреционных полномочий в определении срока рассмотрения конкретного дела может способствовать чрезмерной политизации деятельности органа конституционного контроля [4, с. 174]. Поэтому по данной категории дел А. В. Дагуев считал целесообразным введение сроков рассмотрения, например, 30 дней [9, с. 24–25]. Данное предложение поддерживал и Н. В. Витрук [5, с. 10].

Представляется необходимым установление разумного срока для рассмотрения дел о конституционности инициативы проведения референдума, так как затягивание рассмотрения дела может привести и к затягиванию реализации инициативы референдума. В то же время чрезмерно короткий срок может привести к поверхностному рассмотрению дела и принятию необоснованного решения. Установленный в настоящее время десятидневный срок представляется достаточно разумным компромиссом между качеством и оперативностью рассмотрения дела, хотя его можно считать и довольно коротким. Поэтому, по нашему мнению, срок для рассмотрения дел анализируемой категории следует увеличить до 30 дней.

Необходимо обратить внимание на то, что освобождение Президента РФ от государственной пошлины в случае обращения в Конституционный Суд РФ с запросом о соответствии Конституции РФ инициативы референдума не предусмотрено ни ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», ни налоговым законодательством

РФ. Представляется, что поскольку обращение Президента РФ в Конституционный Суд РФ по делам данной категории является обязательным, а его запрос подается в публичных интересах, Президент РФ должен быть освобожден от уплаты государственной пошлины.

Особенностью рассматриваемого вида производства является также отсутствие противоположной заявителю стороны, так как по делам данной категории не предполагается наличие конституционно-правового спора.

Поэтому О. В. Брежнев отмечает, что по такой категории дел не всегда имеет место состязательность сторон, связанных противоположными интересами материально-правового характера [6, с. 7].

Это существенно отличает рассмотрение дел о конституционности инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума по запросу Президента РФ от рассмотрения дел о конституционности вопроса, выносимого на референдум РФ, Конституции РФ по запросу Верховного Суда РФ, поскольку последнее подразумевает наличие спора о конституционности вопроса, выносимого на референдум РФ, между инициативной группой и Центральной избирательной комиссией РФ, решение которой было обжаловано в Верховный Суд РФ. Поэтому рассмотрение дел о конституционности инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума по запросу Президента РФ нуждается в особом правовом регулировании.

Выводы

На основании изложенного можно прийти к выводу о том, что предметом проверки по делам о соответствии Конституции РФ инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума по запросу Президента РФ должны быть не только вопросы, выносимые на референдум (в том числе и выносимые на референдум проекты нормативных актов), но и процедура выдвижения инициативы референдума.

Критерием проверки по рассматриваемой категории дел в любом случае должны быть соответствие Конституции РФ вопроса/вопросов, предлагаемых на референдум, и разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, установленное Конституцией РФ, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов

ведения и полномочий, установленный порядок выдвижения инициативы референдума. Но в некоторых случаях, например, если на референдум выносятся проект нормативного правового акта, вопрос о принятии нормативного или иного акта, решения определенным органом государственной власти возможно применение других критериев проверки.

Что касается процедуры рассмотрения дел вышеуказанной категории, то представляется, что она может иметь место как с проведением, так и без проведения слушания.

Также необходимо внести в законодательство изменения, предусматривающие освобождение Президента РФ от уплаты государственной пошлины при обращении в Конституционный Суд РФ по делам рассматриваемой категории.

Кроме того, необходимо закрепить в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» возможность участия в рассмотрении дел данной категории представителей инициативной группы или органа государственной власти, являющегося инициатором референдума, Центральной избирательной комиссии РФ, Президента РФ.

На основании вышеизложенного также следует сделать вывод, что необходимо дополнить ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» новой главой «Рассмотрение дела о соответствии инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума, Конституции Российской Федерации». При этом следует изъять из гл. XVI «Рассмотрение дела о соответствии вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации, Конституции Российской Федерации» нормы, регламентирующие рассмотрение дел о соответствии инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума по запросу Президента РФ.

Список литературы

1. О референдуме Российской Федерации : федер. конституц. закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 27, ст. 2710 ; 2022. № 1 (ч. I). ст. 1.
2. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13, ст. 1447 ; 2021. № 27 (ч. I), ст. 5045.
3. Клишас А. А. О роли Конституционного Суда России в контексте его новых полномочий по предварительному конституционному контролю // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 5 (83). С. 10–22. <https://doi.org/10.18572/2072-4144-2021-5-10-22>, EDN: VATIPM
4. Дагуев А. В. Виды производств и их особенности в конституционном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 204 с.
5. Витрук Н. В. Производство в Конституционном Суде Российской Федерации по рассмотрению дела о соответствии Конституции Российской Федерации инициативы проведения референдума Российской Федерации по поставленному вопросу (поставленным вопросам) референдума // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 2. С. 10–13. EDN: MTARPV
6. Брежнев О. В. Судебный конституционный контроль при реализации инициативы проведения референдума Российской Федерации и его назначение: проблема правового регулирования // Государство и право. 2010. № 3. С. 5–12. EDN: LOZTZZ
7. Никитина А. В. Конституционно-правовые споры : дис. ... д-ра юрид. наук. Хабаровск, 2019. 500 с.
8. Сычев В. Б. Особенности рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации дел о соответствии Конституции России вопроса, предлагаемого на референдум Российской Федерации // Lex Russica. 2018. № 3 (136). С. 76–85. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.136.3.076-085>
9. Дагуев А. В. К вопросу о рассмотрении Конституционным Судом РФ дел о соответствии Конституции РФ инициативы проведения референдума Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 8. С. 24–26. EDN: JSDAVX
10. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» (по вопросам совершенствования законодательства о референдуме) : законопроект от 10.04.2023 № 332585-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/94D8BC2C-3F5A-46EF-8961-49EE276A6E3B> (дата обращения: 11.05.2023).

References

1. On the Referendum of the Russian Federation. Federal Constitutional Law 5-FKZ of June 2, 2004 (an edition of December 30, 2021). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2004, no. 27, art. 2710; 2022, no. 1 (pt. I), art. 1 (in Russian).
2. On the Constitutional Court of the Russian Federation. Federal Constitutional Law 1-FKZ of July 21, 1994 (an edition of July 1, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 13, art. 1447; 2021, no. 27 (pt. I), art. 5045 (in Russian).
3. Klishas A. A. On the role of the Constitutional Court of Russia in the context of its new powers for preliminary constitutional control. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2021, no. 5 (83), pp. 10–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/2072-4144-2021-5-10-22>, EDN: VATIPM

4. Daguev A. V. *Types of proceedings and their features in constitutional court proceedings*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2009. 204 p. (in Russian).
5. Vitruk N. V. Proceedings in the Constitutional Court of the Russian Federation on the Consideration of the Case on Compliance with the Constitution of the Russian Federation of the Initiative of Holding a Referendum of the Russian Federation on the Referendum Issue(s). *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2010, no. 2, pp. 10–13 (in Russian). EDN: MTARPV
6. Brezhnev O. V. Judicial constitutional control during implementation of the initiative of holding a referendum of the Russian Federation and its appointment: Problems of legal regulation. *State and Law*, 2010, no. 3, pp. 5–12 (in Russian). EDN: LOZTZZ
7. Nikitina A. V. *Constitutional legal issues*. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Khabarovsk, 2019. 500 p. (in Russian).
8. Sychev V. B. Distinctive Features of Consideration of Cases by the Constitutional Court of the Russian Federation Concerning Compliance of the Issue Submitted to Referendum of the Russian Federation with the Constitution of Russia. *Lex Russica*, 2018, no. 3 (136), pp. 76–85 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.136.3.076-085>
9. Daguev A. V. On the Issue of Consideration by the Constitutional Court of the Russian Federation of Cases on Compliance with the Constitution of the Russian Federation of the Initiative of Holding a Referendum of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2008, no. 8, pp. 24–26 (in Russian). EDN: JSDAVX
10. On Amendments to the Federal Constitutional Law “On the Referendum of the Russian Federation” (On Improving the Legislation on the Referendum). Bill no. 332585-8 of April 10, 2023. *Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deiatel'nosti* (Legislative Support System). Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/download/94D8BC2C-3F5A-46EF-8961-49EE276A6E3B> (accessed May 11, 2023) (in Russian).

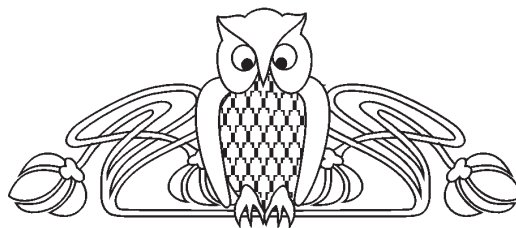
Поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 15.05.2023
The article was submitted 06.04.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 15.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 349–357
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 349–357
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-349-357>, EDN: BJPLWA

Научная статья
УДК 342

Конституционно-правовые основы ограничения свободы творчества: цели и пределы

Ю. А. Чулисова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чулисова Юлия Александровна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, ассистент кафедры теории государства и права, chulisowa.yuliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4069-5228>

Аннотация. Введение. Многообразие и трансформация отношений в сфере реализации права на творческую деятельность обуславливают формирование сложного механизма правового регулирования, элементами которого должны быть правовые ограничения. **Теоретический анализ.** Ограничения свободы творчества достаточно многочисленны и могут носить этический, морально-нравственный, а также правовой характер. Основаниями правовых ограничений свободы творчества является необходимость защиты конституционных ценностей, поэтому они императивны и общеобязательны при осуществлении любой творческой деятельности. Объем и пределы правовых ограничений свободы творчества не одинаковы и зависят от стадии творческой деятельности. Комплекс ограничений свободы творчества необходим тогда, когда уже готовый результат творческой деятельности – произведение – становится доступен для общественного обозрения и может восприниматься весьма неоднозначно. **Эмпирический анализ.** Результаты творческой деятельности – произведения, а также их творческая интерпретация не должны нарушать прав третьих лиц, создавать угрозы конституционному строю, нравственности, здоровью и прочим конституционным ценностям, что свидетельствует о необходимости ограничения свободы творчества в строго определенных целях (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Основная проблема определения объема и пределов ограничений свободы творчества связана, во-первых, с отсутствием закрепленного перечня видов творчества, во-вторых, с многообразием форм творческой деятельности и постоянным их увеличением. **Результаты.** Творческий процесс не нуждается в нормировании, тем более невозможно «загнать» его в правовые рамки и ограничить творческое восприятие автором окружающего мира. Однако если его результат – произведение – предназначено для демонстрации общественности, то его содержание, форма, интерпретация могут затрагивать права и интересы других лиц, поэтому общеконституционные ограничения прав человека применимы и к свободе творчества. Эта правовая дилемма является частным проявлением фундаментальной проблемы достижения баланса в соотношении частного и публичного и должна решаться на условиях их не противопоставления, а разумного соотношения и соразмерности.

Ключевые слова: свобода творчества, конституционные ценности, ограничение прав и свобод человека и гражданина, пределы реализации свободы творчества, косплей

Для цитирования: Чулисова Ю. А. Конституционно-правовые основы ограничения свободы творчества: цели и пределы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 349–357. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-349-357>, EDN: BJPLWA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Constitutional and legal bases of restriction of freedom of creativity: Goals and limits

Yu. A. Chulisova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yulia A. Chulisova, chulisowa.yuliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4069-5228>

Abstract. Introduction. The diversity and transformation of relations in the sphere of the realization of the right to creative activity determine the formation of a complex mechanism of legal regulation, the elements of which should be legal restrictions. **Theoretical analysis.** Restrictions on the freedom of creativity are quite numerous and can be of an ethical, moral and legal nature. The ground for legal restrictions on freedom of creativity is the need to protect constitutional values, and, therefore, they are imperative and obligatory in the implementation of any creative activity. The scope and limits of legal restrictions on the freedom of creativity are not the same and depend on the stage of creative activity. A set of restrictions on the freedom of creativity is necessary when the result of creative activity – the work – becomes available for public viewing and can be perceived very ambiguously. **Empirical analysis.** The results of creative activity – works, as well as their creative interpretation, should not violate the rights of third parties, should not create a threat to the constitutional order, morality, health and other constitutional values, which indicates the need to limit the freedom of creativity for strictly defined purposes (part 3 of Art. 55 of the Constitution of the Russian Federation).

The main problem of determining the volume and limits of restrictions on the freedom of creativity is connected, firstly, with the lack of a fixed list of types of creativity, and secondly, with the variety of forms of creative activity and their constant increase. **Results.** The creative process does not need to be regulated, moreover, it is impossible to “drive” it into a legal framework and limit the author’s creative perception of the surrounding world. However, if its result – a work – is intended to be demonstrated to the public, its content, form, interpretation may affect the rights and interests of other persons (consumers of creativity), therefore, general constitutional restrictions on human rights are also applicable to freedom of creativity. This legal dilemma is a particular manifestation of the fundamental problem of achieving a balance between private and public and should be resolved on the basis of not their opposition, but their reasonable correlation and proportionality.

Keywords: freedom of creativity, constitutional values, restriction on human and civil rights and freedoms, limits of realization of freedom of creativity, cosplay

For citation: Chulisova Yu. A. Constitutional and legal bases of restriction of freedom of creativity: Goals and limits. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 349–357 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-349-357>, EDN: BJPLWA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Многообразие и трансформация отношений в сфере реализации права на творческую деятельность порождают сложности правового регулирования в части установления неизбежных ограничений.

Конструкция субъективной свободы разработана в науке недостаточно. Большинство исследователей обходят проблему свободы стороной, ограничиваясь простым перечислением терминов «права» и «свободы» [1]. В гл. 2 Конституции РФ законодатель закрепил не только субъективные права, но и намеренно выделил ряд свобод, в том числе и свободу творчества (ч. 1 ст. 44), обозначая тем самым их конституционную специфику [2]. По мнению профессора М. В. Преснякова, «свободы – это всегда естественные права, т.е. не предоставленные гражданам государством, а вытекающие из самой природы человека» [3, с. 548]. В контексте свободы творчества разделяет данную точку зрения и А. С. Прудников, указывая на то, что «творчество представляет собой неотъемлемую часть жизни человека и относится к категории его естественных прав» [4, с. 74].

Свобода творчества является одним из условий сохранения и укрепления нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны [5]. При этом Д. С. Ивакина отмечает, что творцами могут быть любые физические лица, независимо от пола, возраста, гражданства, социального статуса. Авторские права у данных лиц возникают сразу, как только достигнутый творческий результат будет облечен в объективную форму, обеспечивающую его восприятие другими лицами [6].

Теоретический анализ

Свобода творчества допустима в пределах, не нарушающих права и законные интересы граждан и общества в целом, а значит, свобода

творчества не абсолютна и должна иметь пределы осуществления, обусловленные этическими, морально-нравственными, культурными, религиозными, правовыми требованиями, которые в праве формализуются в значении ограничений.

«Особое место правовые ограничения занимают в конституционном праве, ибо во многом они здесь приближаются к теоретической конструкции, приобретают надотраслевые черты, конкретизируемые впоследствии в отдельных текущих законах» [7, с. 134]. Именно ограничения позволяют, во-первых, определить пределы реализации свободы творчества личности и, во-вторых, степень защищенности человека, общества и государства от действий указанного субъекта творчества, обозначая четкое разделение законных действий и произвола. А. А. Подмарев указывает, что «необходимость установления ограничений прав и свобод обусловлена возможным столкновением интересов различных субъектов: человека, реализующего права и свободы, других лиц, органов государства, общества. Ограничения помогают достичь определенного компромисса, равновесия между интересами человека и интересами общества, государства, других лиц» [8, с. 130].

А. А. Алексеев, исследуя указанную проблематику, отмечает, что «ограничение – это вопрос об объеме регулирования, о границах, имеющихся у лиц прав, которые характеризуют результат юридического регулирования. Достигается же такой результат путем сужения дозволений, новых запрещений, дополнительных позитивных обязываний» [9, с. 280].

Конституционный термин «ограничение» образуется от общепотребительного слова «ограничение» – действие от глагола «граничить», что, по словарю А. П. Евгеньевой, означает «стесняет, ставит кого-, что-л. в какие-л. границы, рамки» [10]; схожее толкование представляет Д. Н. Ушаков – «стеснение, ограничивающее права, возможности» [11].

А. Г. Братко, рассматривая соотношение запретов и ограничений, утверждает, что «в отличие от запретов, которые указывают на юридическую невозможность определенного поведения, правовое ограничение “представляет собой не только юридически, но и фактически невозможный вариант поведения”» и что поэтому «правовое ограничение в принципе невозможно нарушить» [12, с. 117].

В свою очередь, И. М. Приходько, изучая ограничение свободы в общеправовом смысле, определяет его как «правовое средство, направленное на удержание субъекта права в определенных рамках с целью упорядочения общественных отношений путем обеспечения интересов контрsubjекта» [13, с. 20].

В контексте ограничения, напротив, самой государственной власти Б. С. Эбзеев обозначает «ограничение государственного вторжения в сферу индивидуальной автономии личности посредством признаваемых за человеком и гражданином неотъемлемых прав и свобод, которые не могут быть нарушены или произвольно ограничены государством» [14, с. 8].

Разграничивая терминологию «предел» и «ограничение» в праве, Н. О. Травников приводит следующее обоснование: «...предел права – это граница защищаемой государством социальной свободы индивида», а «под ограничением субъективного права следует понимать сужение, изъятие некоторых правомочий из содержания права» [15, с. 109].

В вопросе о соотношении понятий «творчество» и «свобода творчества» Д. С. Шапорева приходит к выводу, что понятия «творчество» и «творческая деятельность» тождественны, так как первое – это и есть деятельность, порождающая нечто, отличающееся новизной, неповторимостью, оригинальностью, общественно-исторической и иной уникальностью [16]. Потенциальным и действительным субъектом свободы творчества, который образует результат по перечисленным характеристикам, является индивид, через которого воплощается реализация свободы творчества.

Статья 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре закрепляет понятие творческой деятельности, как «создание культурных ценностей и их интерпретацию» [17], которые можно разграничить и считать их способами творческой деятельности. Более подробное их рассмотрение позволяет выделить несколько стадий творческой деятельности, для каждой из которых требуется определенный комплекс правовых гарантий и ограничений, направленный на реализацию свободы творчества.

Первая, по сути начальная, стадия творческой деятельности – *создание* произведения – включает в себя мыслительный и психологический процесс, происходящий во внутреннем мире автора; связанный с возникновением замысла произведения; разработкой основных сюжетов, образов; формированием концептуально-идеологической системы; сопряженный с наличием способностей, мотивов, знаний автора; обусловленный выбором методов и способов сотворения художественного мира и направленный на производство результата.

Вторая стадия – *представление результата* (т. е. о вещественного или иным образом объективированного продукта творческой деятельности, обладающего такими признаками, как новизна, оригинальность, уникальность).

Третью стадию, выделяемую законодателем в приведенной выше ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре, следует определить как *интерпретацию* (переосмысление уже созданного ранее результата творчества автора тем или иным субъектом (новым автором), который исходит из своего личного художественного восприятия прецедентного текста, живет в другом историческом периоде и отвечает на эстетические и социальные запросы своего времени и представляет его публике). Множественность альтернативных интерпретаций созданных ранее произведений – важная стратегия современного постмодернизма, учитываемая правовой нормой.

Создание, понимаемое как комплекс правомочий права человека на формирование и осуществление творческого замысла, обладает исключительно естественно-правовой природой, не носит предоставительно-обязывающего характера, обычно не предполагает вмешательства со стороны государства, потому, как правило, ограничениям со стороны закона не подлежит.

Тем не менее, автор уже на этом этапе должен учитывать ограничения в форме требований и запретов, существующие в законодательстве.

Исходя из этого, первая стадия, т. е. создание, – это то самое естественное право человека, которое не носит предоставительно-обязывающего характера, не требует вмешательства со стороны государства, никаким ограничениям со стороны закона не подлежит.

Законодателя интересует конечный результат – сам продукт творчества, который образуется на второй стадии или же «преобразуется» уже «новым» автором на третьей стадии, поскольку здесь наступает так называемый предел реализации естественных прав автора и затрагиваются права и интересы других граждан и общества в целом (потребителей творчества). Несмотря на то

что творчество – это область саморегулирования, государство участвует в нем, но лишь с целью обеспечения правовой охраны. Таким образом, в статье речь пойдет преимущественно о второй и третьей стадиях творческого процесса.

В процессе творческой деятельности этап создания, как было сказано ранее, ограничений со стороны государства не имеет, поскольку именно здесь свобода существует в «чистом» виде. На данном этапе могут быть только самоограничения в виде этических, моральных и нравственных предпочтений, которые зависят от уровня культуры и правосознания автора

Механизм ограничений вступает в силу со второго (при наличии третьего) этапа, когда уже готовый результат становится доступен для общественного обозрения и может восприниматься весьма неоднозначно.

Кроме наличия правовых ограничений свободы творчества, в обществе имеются и другие рамки, которые устанавливаются исторически сложившимися нравственными и моральными обычаями общества. Учитывая, что Российская Федерация является многонациональным государством, поскольку на территории проживают более 180 народов, каждый из которых самобытен и уникален, восприятие одних и тех же результатов творческой деятельности будет различаться, что существенно осложняет практику обоснования применения ограничений или же, напротив, их отсутствия. Общество реагирует на нарушение автором произведения норм этики и морали, выражая недовольство тем или иным результатом творческой деятельности с аморальным содержанием, тем самым нацеливая автора на отказ от продвижения подобных работ и на переосмысление своего творчества. Несомненно, реакция общества на процесс создания (в зависимости от вида творчества и на этом этапе могут быть действия аморального и противоправного характера) и конечный результат творческой деятельности автора являются ключевым аспектом ввиду того, что большее количество авторов все же стремится к общественному признанию, от чего зависят и созидательный характер творчества, и вознаграждение за труд. Поэтому именно общество, отсутствие его заинтересованности в негативных проявлениях результатов творчества является весомым сдерживающим фактором во многих случаях нарушения автором норм морали, этики и права. В том числе профессиональная критика может последовать со стороны профессиональных сообществ, творческих организаций в отражении специфики того или иного результата творчества.

Свобода творчества и право на свободу творчества тесно связаны и реализуются с такими правами, как право на свободу мысли и слова, т. е. на свободное выражение своего мнения в процессе творческой деятельности; право на обнародование результатов своих работ. Ограничительным аспектом этого права является запрет на пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается также пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства [2]. Указанные ограничения следует рассмотреть в контексте ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и связи с другими конституционными нормами и принципами.

Эмпирический анализ

Результаты творческой деятельности, в том числе результаты интерпретации подлежат ограничениям в целях, указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

1. Исходя из материалов судебной практики в сфере свободы творчества, можно сделать вывод, что, как правило, ограничения, налагаемые в целях защиты основ конституционного строя и обеспечения обороны и безопасности государства, используются неразрывно. Указанные правовые ограничения свободы творчества являются гарантом поддержания конституционного строя и защищают общественный порядок от неправомерного поведения отдельных людей или их групп. Например, именно такие основания были указаны Октябрьским районным судом г. Белгорода для признания экстремистской книги «Евангелие от Елизаветы» под авторством Николая Моностана, содержащей, по мнению суда, признаки возбуждения вражды по отношению к иудеям и буддистам.

2. Другой из целей ограничений является охрана нравственности. Преобладающее количество ограничений свободы творчества преследует именно эту цель и содержится в гл. 6 КоАП РФ [18] и гл. 25 УК РФ [19]. Указанные ограничения касаются, например, творческих произведений в жанре пародии либо карикатуры. Законодательством в п. 4 ст. 1274 Гражданского кодекса РФ допускается использование другого произведения без согласия автора и выплаты ему вознаграждения [20] в целях создания пародии или карикатуры. Пояснения высших судов определяют, что автор оригинального произведения не вправе запрещать его использование указанными способами [21]. Однако если произведения пародии или карикатуры порочат честь, достоин-

ство или деловую репутацию автора, он вправе их защищать по правилам ст. 152 ГК РФ, а именно требовать опровержения сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию в судебном порядке.

К наиболее опасному для будущего России возможному проявлению гуманитарного кризиса относят разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, ослабление единства многонационального народа Российской Федерации. Конкретизируется указанное положение и в творческой сфере через государственную поддержку отечественной кинематографии, производство и прокат фильмов, направленных на нравственное, гражданско-патриотическое и общекультурное развитие детей и взрослых [22].

В течение последних лет активное влияние на подростковую и молодежную категорию населения оказывает криминальная субкультура, наибольшую популярность среди которой приобрело общественное движение «Арестантское уголовное единство» (другие используемые наименования «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е.). Через социальные сети и публичные страницы указанное общественное движение пропагандировало криминальные традиции, сложившиеся в местах лишения свободы, престижность совершения преступлений через «романтизацию» преступной среды в глазах подросткового и молодежного поколения.

«Для многих подростков АУЕ вовсе не абстрактные три буквы, а реальная проблема, с которой приходится сталкиваться в школьных коридорах» [23]. Целью движения являлась деформация правосознания молодежи, изменение нравственных установок и ценностей, что способствовало формированию асоциального поведения и снижению уровня доверия и эффективности институтов государственной власти. Приняв во внимание многочисленные обращения о деструктивном воздействии указанного движения на психику и ментальные установки подростков и молодежи, Верховный Суд РФ своим решением от 17 августа 2020 г. признал движение АУЕ экстремистским, в результате его деятельность на территории России запрещена, а информация, пропагандирующая «криминальные ценности» в сети «Интернет», блокируется.

Оценочные характеристики в рассматриваемой сфере особенно трудны для правоприменения. Установить перечень (не только исчерпывающий, но даже примерный) грубых нарушений нравственности законом или сводом

моральных установлений невозможно. Возможно лишь исследовать междисциплинарный анализ имеющихся в законодательстве и интерпретационных актах судов описаний словосочетания «грубое нарушение нравственности» [24].

3. Ограничение свободы творчества в целях *охраны здоровья*. Не допускается изготовление и (или) распространение информационных материалов, содержащих скрытые вставки, воздействующие на подсознание людей и (или) оказывающие вредное влияние на их здоровье в соответствии с ч. 1 ст. 13.15. КоАП РФ [18]. Человек подвергаясь их воздействию, не осознает того вредного влияния, которое на него оказывается, и не может ему противостоять [25]. Поэтому запрет на производство киноматериалов, содержащих скрытые вставки, влияющие на сознание людей, предотвращает превращение личности в объект манипуляций.

4. *Охрана прав и законных интересов других лиц* осуществляется путем ограничений прав каждого человека, поскольку человек существует не сам по себе, а в обществе. Необходимо учитывать ограничение, содержащееся в п. 1 ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ [26], в соответствии с которым обнародование изображения гражданина возможно только с его согласия. Таким образом, происходит столкновение частного интереса и интереса иных лиц. С одной стороны, «каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества», «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». При этом каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну.

Фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, являются объектами авторского права, а следовательно, объектами творческой деятельности. Например, в Краснофлотский районный суд г. Хабаровска обратилась гражданка с иском к компании об обязанности удалить и не использовать фотографии, сделанные в умышленно невыгодном ракурсе, и взыскании компенсации морального вреда. Суд признал незаконным вмешательство в личную жизнь истца, обязал удалить размещенные фотографии с изображением гражданки и взыскать с компании компенсацию морального вреда [27].

Российским законодательством в целях борьбы с проявлениями фашизма и увековечивания Победы советского народа в Великой Отечественной войне налагается запрет на пропаганду,

публичное демонстрирование и использование в любой форме нацистской символики, а также предусмотрена ответственность за нарушение этого запрета [28]. На первоначальных этапах практика реализации указанного положения вызывала много вопросов, поскольку большое количество результатов творческой деятельности, посвященных хронике военных лет, по формальному составу подпадало под категорию запрещенных (например, материалы советской кинохроники, исторические документы и переписки, находящиеся в музеях и пр.). Однако в ходе обобщения материалов судебной практики было сформулировано положение о том, что показ документальных (в том числе военной кинохроники) и художественных фильмов, иллюстраций книг, картин, учебных и научных пособий, фотографий из музеев и т.п., допускающих изображения нацистской атрибутики или символики в общем контексте произведений о Великой Отечественной войне, не образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ [18]. Это нашло свое закрепление в примечании к этой статье, где указывается, что запрет на использование такой символики не распространяется на случаи, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацизма. Однако из сказанного явствует, что большая роль в толковании и применении права при рассмотрении конкретного дела отводится суду, поскольку судебная практика содержит немалое количество дел, где трактовать и оценить творчество односторонне не всегда представляется возможным, и определить так называемый предел реализации свободы творчества затруднительно.

Несомненно, в последнее время все больший общественный и научный интерес вызывают проблемы сохранения исторической памяти, одними из главных источников формирования которой являются художественные и документальные исторические фильмы, учебные и научные пособия и материалы, а также театральные постановки и другие результаты творческой деятельности, способствующие популяризации и осмыслению исторических фактов. Именно поэтому современная политика в сфере образования направлена на повышение значения исторического образования, реконструкцию визуальных образов исторических событий и их участников с целью передачи подлинной информации последующим поколениям.

«Пробельным» моментом является отсутствие закрепления перечня видов творчества, к тому же многообразие реализации форм твор-

чества, постоянное появление его новых видов неизбежно приводят к тому, что режим некоторых объектов творческой деятельности остается законодательно неопределенным. Одним из таких примеров стало набирающее популярность в настоящее время косплейное творчество, заключающееся в «фанатской деятельности, переодевании в костюмы известных персонажей, отождествлении себя с такими героями, копировании их манеры общения и поведения. Косплееры перевоплощаются в персонажей книг, кинофильмов, комиксов, аниме, сериалов и компьютерных игр», представляя авторские костюмы и дополняя новыми характеристиками героев [29]. Таким образом, косплей можно отнести к интерпретации творчества, в новом видении героя того или иного произведения и наделении его новыми внешними характеристиками. Проблема применения косплейного творчества мало изучена с позиции определения границ реализации субъектом указанного вида творчества, с точки зрения недопущения нарушения прав авторов произведений или иных правообладателей исключительных прав на них, ввиду чего правоприменительная практика нуждается в разъяснениях. Основой косплея, исходя из определения, является некий персонаж какого-либо произведения. В свою очередь, авторским правом охраняются не только само произведение, но и его части, название и персонажи, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и выражены в объективной форме [20], которые подвергаются своего рода интерпретации в косплейном творчестве с передачей характеристик указанного подражаемого объекта. Но персонаж авторского произведения, для того чтобы быть охраняемым, должен соответствовать перечисленным критериям.

Некоторые критерии содержит п. 82 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»: для признания персонажа самостоятельным результатом интеллектуальной деятельности он должен обладать характеристиками, которые его индивидуализируют, – определенным внешним видом, характером, отличительными чертами, такими как, например, движения, голос, мимика, речевые особенности. Благодаря таким особенностям действующие лица произведения должны быть узнаваемыми и при их использовании в отрыве от всего произведения [21].

Во избежание формирования противоречивой практики было бы оптимально отнести косплей к случаю свободного использования

произведения, который является одним из видов ограничения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности.

Результаты

Таким образом, для определения степени вмешательства в свободу творчества со стороны государства необходимо определить этап, с которого творчество затрагивает права других лиц, общества и государства в целом. Правовое регулирование процесса создания объекта (результата творчества) невозможно, что обусловлено естественной природой права на данном этапе.

Юридически значимыми стадиями творческой деятельности являются представление результата и интерпретация (при наличии), поскольку здесь наступает предел реализации естественных прав автора и затрагиваются интересы и права других граждан (потребителей творчества).

Результаты творческой деятельности автора, в том числе результаты интерпретации подлежат ограничениям в целях, указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [2]. Из приведенных законодателем целей ограничений обширная юридическая практика нарушения прав авторами складывается в сфере нарушения нравственности и охраны прав и законных интересов других лиц. Важен и тот факт, что государство, с одной стороны, предоставляет автору право на неприкосновенность процесса творчества, создавая условия для дальнейшей творческой реализации, с другой – выстраивает систему ограничений относительно результата творчества.

В последнее время участились случаи нарушения субъектами творческой деятельности прав в сфере защиты культурно-нравственного воспитания населения, что объясняется отсутствием четких критериев понятий «нравственность» и «безнравственность», обозначенных законодателем. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относит, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России [30]. Судя по приведенным словам «прежде всего», перечень отражает лишь фундаментальные ценности и не является исчерпывающим, но, тем не менее, понятны ориенти-

ры, на которые можно ссылаться при разрешении дел в данной категории правонарушений.

Свобода творчества является необходимым условием культурного, нравственного и научного развития. Однако эффективность реализации данной свободы зависит от всего комплекса прав и свобод человека, а также системы ограничений, реализуемых в указанной сфере, исходя из общепринятых критериев и индивидуальных установок.

Выявленные проблемы связаны сложностью регулирования данной области. Освещенные в статье случаи показывают необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в части конкретизации перечня видов творчества, ограничений реализации права и исключения из практики субъективности толкования закона правоприменителями.

Список литературы

1. Терехин В. А., Вершинин В. Б. Особенности судебной защиты прав, свобод и законных интересов личности // Российский судья. 2010. № 3. С. 37–40.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.01.2023).
3. Пресняков М. В. Политические права и свободы: проблемы определенности содержания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13, вып. 2. С. 547–564. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.216>
4. Прудников А. С. Свобода творчества: теория и практика (конституционно-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 74–77. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-3-74-77>
5. Сазонникова Е. В. Содержание свободы творчества в Конституционном праве России // Журнал российского права. 2009. № 5 (149). С. 52–59. EDN: LDLSOR
6. Ивакина Д. С. Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы содержания, методологии и классификации // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 28–41. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.040>
7. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2003. 250 с
8. Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: понятие, основание, значение // Правовая культура. 2011. № 1 (10). С. 129–134. EDN: OPGLIP

9. Алексеев А. А. Собр. соч. : в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 2. Специальные вопросы правоуказания. М. : Статут, 2010. 470 с.
10. Малый академический словарь Евгеньевой А. П. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/o/ограничение> (дата обращения: 14.01.2023).
11. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 14.01.2023).
12. Братко А. Г. Запреты в системе способов правового регулирования // Вопросы теории государства и права. Государство, право и правопорядок развитого социализма : межвуз. науч. сб. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1980. С. 109–118.
13. Приходько И. М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 26 с.
14. Эбзеев Б. С. Конституции Российской Федерации – 20 лет: государство, демократия, личность сквозь призму практического конституционализма // Государство и право. 2013. № 12. С. 5–17.
15. Травников Н. О. «Предел и ограничение» в праве: теоретико-правовой анализ понятий // Государство и право. 2017. № 7. С. 104–109.
16. Шапорева Д. С. Конституционное право человека и гражданина на свободу творчества в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 27 с.
17. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 28.12.2022) // Российская газета. 1992. 17 нояб.
18. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
20. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 07.11.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. 1), ст. 5496.
21. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Российская газета. 2019. 6 мая.
22. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 : указ Президента РФ от 25.01.2023 № 35 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 5, ст. 777.
23. Верховный Суд приравнял уголовные «понятия» к экстремизму. URL: <https://rg.ru/2020/09/02/verhovnyj-sud-priravnial-ugolovnye-poniatiia-k-ekstremizmu.html> (дата обращения: 14.01.2023).
24. Баранов В. М. Государственная защита нравственности как цель правового ограничения (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 56–73. EDN: OTKVHD
25. Куликова С. А. Правовой режим производства и распространения информации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 455–462. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2015-15-4-455-462>
26. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
27. Решение № 2-418/2017 от 6 марта 2017 г. по делу № 2-418/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iFb1AuQWsEIC/> (дата обращения: 15.01.2023).
28. Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : федер. закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1928.
29. Белугина А. С., Сигитова А. П. Косплей и его значение в современной культуре // Материалы научной сессии 2017 Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ». Борисоглебск : Кристина и К⁰, 2017. С. 32–37. EDN: YQEOPD
30. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

References

1. Terekhin V. A., Vershinin V. B. Features of judicial protection of the rights, freedoms and legitimate interests of the individual. *Rossiyskiy sud'ya* [Russian Judge], 2010, no. 3, pp. 37–40 (in Russian).
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of February 5, 2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of July 21, 2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of March 14, 2020, Federal Constitutional Law 5-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 6-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 7-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 8-FKZ of September 4, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416; *Official Internet portal of legal information*. Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed January 14, 2023) (in Russian).
3. Presnyakov M. V. Political rights and freedoms: Problems of content certainty. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2022, vol. 13, iss. 2, pp. 547–564 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.216>
4. Prudnikov A. S. Freedom of creativity: Theory and practice (constitutional and legal aspect). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2021, no. 3, pp. 74–77 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-3-74-77>
5. Sazonnikova E. V Content of freedom of creativity in Russian legislation. *Journal of Russian Law*, 2009, no. 5 (149), pp. 52–59. EDN: LDLSOR

6. Ivakina D. S. Cultural rights and freedoms of man and citizen: Issues of content, methodology and classification. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 4, pp. 28–41 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.040>
7. Malko A. V. *Stimuly i ogranicheniya v prave* [Incentives and restrictions in law]. 2nd ed., repr. and add. Moscow, Jurist, 2003. 250 p. (in Russian).
8. Podmarev A.A. The restriction of the rights and freedom of the person and the citizen: Concept, bases, value. *Pravovaia kul'tura* [Legal Culture], 2011, no. 1 (10), pp. 129–134 (in Russian). EDN: OPGLIP
9. Alekseev A. A. *Sobranie sochinenij v 10 t. [+ Spravochniy tom]. T. 2. Spetsial'nye voprosy pravovedeniya* [Collection of Works in 10 vols. [+ Reference volume]. Vol. 2. Special issues of jurisprudence]. Moscow, Statut, 2010. 471 p. (in Russian).
10. *Malyy akademicheskiy slovar' Evgen'evoy A. P.* (Concise Academic Dictionary by Evgenieva A. P.). Available at: <https://lexicography.online/explanatory/mas/o/ogranichenie> (accessed January 14, 2023) (in Russian).
11. *Tolkovyy slovar' Ushakova* (Ushakov's Explanatory Dictionary). Available at: <https://gufo.me/dict/ushakov/%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (accessed January 14, 2023) (in Russian).
12. Bratko A. G. Prohibitions in the system of methods of legal regulation. In: *Voprosy teorii gosudarstva i prava. Gosudarstvo, pravo i pravoporyadok razvitogo socializma: mezhevuzovskiy nauchnyy sbornik* [Questions of the Theory of State and Law. State, Law and Order of Developed Socialism: Interuniversity scientific collection]. Saratov, Saratov State University Publ., 1980, pp. 109–118 (in Russian).
13. Prihod'ko I. M. *Restrictions in Russian law (problems of theory and practice)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2001. 26 p. (in Russian).
14. Ebzeev B. S. Constitution of the Russian Federation – 20 years: state, democracy, personality through the prism of practical constitutionalism. *State and Law*, 2013, no. 12, pp. 5–17 (in Russian).
15. Travnikov N. O. “Limit and Restriction” in law: Theoretical and legal analysis of concepts. *State and Law*, 2017, no. 7, pp. 104–109 (in Russian).
16. Shaporeva D. S. *The constitutional right of a person and a citizen to freedom of creativity in modern Russia*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2007. 27 p. (in Russian).
17. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on October 9, 1992 no. 3612-1) (an edition of December 28, 2022). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], November 17, 1992 (in Russian).
18. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses 195-FZ of December 30, 2001 (an edition of November 4, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 2002, no. 1 (pt. 1), art. 1 (in Russian).
19. Criminal Code of the Russian Federation 63-FZ of June 13, 1996 (an edition of December 29, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 1996, no. 25, art. 2954 (in Russian).
20. The Civil Code of the Russian Federation (Part four) 230-FZ of December 18, 2006 (an edition of November 7, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 2006, no. 52 (pt. 1), art. 5496 (in Russian).
21. On the application of Part four of the Civil Code of the Russian Federation. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 10 of April 23, 2019. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], May 6, 2019 (in Russian).
22. On amendments to the Fundamentals of State Cultural Policy, approved by Decree of the President of the Russian Federation no. 808 of December 24, 2014. Decree of the President of the Russian Federation no. 35 of January 25, 2023. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 2023, no. 5, art. 777 (in Russian).
23. *Verhovnyy Sud priravnial ugovolnye «ponyatiya» k ekstremizmu* (The Supreme Court equated criminal “concepts” with extremism). Available at: <https://rg.ru/2020/09/02/verhovnyj-sud-priravnial-ugolovnye-ponyatiia-k-ekstremizmu.html> (accessed January 14, 2023) (in Russian).
24. Baranov V. M. State protection of morality as the goal of legal restrictions (doctrine, practice, technique). *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique], 2018, no. 12, pp. 56–73 (in Russian). EDN: OTKVHD.
25. Kulikova S. A. Legal regime of information production and distribution. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2015, vol. 15, iss. 4, pp. 455–462 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2015-15-4-455-462>
26. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) 51-FZ of November 30, 1994 (an edition of April 16, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301 (in Russian).
27. Decision no. 2-418/2017 of March 6, 2017 in case no. 2-418/2017. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/iFb1AuQWseIC/> (accessed January 15, 2023) (in Russian).
28. On perpetuating the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945. Federal Law 80-FZ of May 19, 1995 (an edition of July 1, 2021). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 1995, no. 21, art. 1928 (in Russian).
29. Belugina A. S., Sigitova A. P. Cosplay and its significance in modern culture. *Materialy nauchnoy sessii 2017 Borisoglebskogo filiala FGBOU VO «VGU»* [Materials of the scientific session 2017 of the Borisoglebsky branch of the VSU]. Borisoglebsk, Kristina i K⁰, 2017, pp. 32–37 (in Russian).
30. On the National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 2021, no. 27 (pt. II), art. 5351 (in Russian).

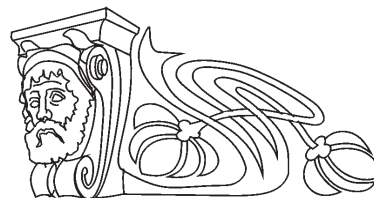
Поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 15.05.2023
The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 05.05.2023; accepted for publication 15.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 358–363
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 358–363
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-358-363>, EDN: CAWXKX

Научная статья
УДК 342.84

Конституционализация природоохранных отношений в России: становление и развитие

М. Н. Хасан

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Хасан Мохаммед Наджах Хасан, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, mohammednajah2016@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-7496-3232>

Аннотация. Введение. Становление и развитие конституционных норм об охране природы и окружающей среды является важным условием формирования благоприятной окружающей среды в интересах настоящих и будущих поколений. Анализ эволюции данного процесса позволит проследить правовые тенденции в данной сфере и дальнейшие перспективы конституционализации природоохранных отношений. **Теоретический анализ.** Анализ генезиса конституционализации природоохранных отношений в России показал, что данный процесс пошел по пути признания экологических прав человека и установления экологических обязанностей, что является важной конституционно-правовой мерой, направленной на формирование благоприятной окружающей среды, обеспечение экологических прав граждан, выступает как показатель, демонстрирующий готовность государства обеспечить экологическую безопасность России. **Эмпирический анализ.** Развитие процесса конституционализации природоохранных отношений в России осуществляется в том числе посредством внесения поправок в Конституцию Российской Федерации. Делается вывод, что данные поправки не будут иметь немедленного положительного эффекта, но все же являются положительной тенденцией конституционализации природоохранных отношений, «экологической инвестицией в будущее», направлены на формирование экологической культуры, закрепление позитивных экологических традиций. **Заключение.** Несмотря на наличие конституционных положений об охране окружающей среды и ее защите и сформированного на базе конституционных предписаний большого массива экологического законодательства, экологические проблемы в России решить не удастся. Делается вывод о том, что Россию, несмотря на юридическое эволюционирование природоохранных отношений до степени их конституционализации, пока нельзя назвать «экологическим государством», поскольку для этого должен быть создан эффективный эколого-правовой механизм реализации конституционных требований в данной сфере.

Ключевые слова: природа, окружающая среда, экологическая катастрофа, охрана окружающей среды, загрязнение

Для цитирования: Хасан М. Н. Конституционализация природоохранных отношений в России: становление и развитие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 358–363. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-358-363>, EDN: CAWXKX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Constitutionalization of environmental relations in Russia: Formation and development

M. N. Hassan

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Hasan Mohammed Najah Hasan, mohammednajah2016@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-7496-3232>

Abstract. Introduction: The formation and development of constitutional norms of the protection of nature and the environment is an important condition for creating the favorable environment in the interests of present and future generations. An analysis of the evolution of this process will allow us to trace legal trends in this area and further prospects for constitutionalization of environmental relations. **Theoretical analysis.** The analysis of the genesis of constitutionalization of environmental relations in Russia has shown that this process has followed the path of recognition of environmental human rights and establishment of environmental responsibilities, which is an important constitutional and legal security measure aimed at creating the favorable environment, ensuring environmental rights of citizens, and acts as an indicator demonstrating the willingness of the state to ensure environmental safety of Russia. **Empirical analysis.** The development of the process of constitutionalization of environmental relations in Russia is carried out, among other things, through amendments to the Constitution of the Russian Federation. It is concluded that these amendments will not have an immediate positive effect, but they are still a positive trend towards constitutionalization of environmental relations, an “ecological investment in the future”, aimed at forming ecological culture, consolidating positive environmental traditions. **Conclusion.** Despite the existence of constitutional provisions for environmental protection and a large body

of environmental legislation formed on the basis of constitutional prescriptions, Russia has not been able to solve environmental problems so far. Therefore, it is concluded that Russia, despite the legal evolution of environmental relations to the extent of their constitutionalization, cannot yet be called an "ecological state", since an effective ecological and legal mechanism for implementing constitutional requirements in this area must be created for this purpose.

Keywords: nature, environment, ecological catastrophe, environmental protection, pollution

For citation: Hassan M. N. Constitutionalization of environmental relations in Russia: Formation and development. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 358–363 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-358-363>, EDN: CAWXKX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Правовая институционализация природоохранных отношений в конституционном законодательстве той или иной страны отражает степень ответственности государства и общества перед нынешними и будущими поколениями, обуславливает его зрелость в качестве правового и социального государства. К тому же глобализационные процессы, развитие техники и технологий в настоящее время только увеличивают значимость регулирования данных вопросов на конституционном уровне. Как известно, вопросы, связанные с охраной окружающей среды, до XX в. не были столь актуальны, поэтому системно законодательством не регулировались. К необходимости их регламентации на национальном и международном уровне государства пришли в связи с тем, что факторы, неблагоприятно воздействующие на окружающую среду, стали стремительно расти.

Теоретический анализ

В научной литературе отмечается, что народы России на протяжении всего своего исторического развития всегда бережно относились к природным богатствам [1, с. 462]. Все виды деятельности – земледелие, охота, рыболовство сбор дикоросов и лесопользование – российский народ осуществлял с учетом необходимости охраны природного богатства. Именно поэтому такую охрану окружающей среды некоторые ученые называют народной, признавая ее как наиболее эффективную, без которой действенность государственных предписаний будет незначительной [2, с. 150].

А. И. Казанник отмечает, что «история возникновения народной охраны окружающей среды теряется в глубине веков, поскольку еще племена верхнепалеолитских охотников бережно относились к окружающей среде, занимаясь уборкой мусора с троп и дорог вокруг своего жилища, а также сгребанием различных отходов в единое место, выбранное ими для свалки» [3, с. 16]. Л. Шинкарев, также поддерживая данный вывод, заключает, что поскольку «при проведе-

нии раскопок стоянки Усть-Белый обнаружили своеобразные доверху наполненные и присыпанные землей хозяйственные ямы, в которых находились бытовые отходы, битые кости и разные обломки. При этом для их обозначения были сделаны насыпные бугорки» [4, с. 65].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что даже в период отсутствия правового регулирования рассматриваемого института в российском народном самосознании он существовал с древних времен. Поэтому вполне закономерным является тот факт, что появившаяся публичная власть и государство стали включать вопросы, связанные с охраной окружающей среды, уже в первые письменные правовые источники. Так, например, уже такой древнейший рукописный документ, как «Русская Правда», закрепляла в себе нормы, ограничивающие добычу птиц и зверей, запрещала разорять гнезда медоносных пчел, портить охотничьи угодья, воровать ловчих птиц и охотиться на территории чужих земель.

Таким образом, можно говорить о том, что, начавшись во времена правления Ярослава Мудрого, в Российском государстве стала постепенно развиваться система государственного управления природными богатствами.

Вместе с тем как самостоятельной правовой институт охрана окружающей среды сформировалась в российском законодательстве лишь в XX в. Первым нормативно-правовым актом, закрепляющим единую систему мер по защите, развитию и качественному улучшению природного богатства России, стало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20.06.1930 г. «Об охране и развитии природных богатств РСФСР» [5], для реализации мероприятий которого также было принято решение о создании Междуправительственного комитета содействия развитию природных богатств РСФСР.

В качестве первого комплексного законодательного акта, посвященного охране окружающей среды, стал Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «Об охране природы в РСФСР» [6], в котором была закреплена система подлежащих охране природных объектов и правовое регулирование их использования и охраны.

Здесь нужно отметить не только формальный рост числа законодательных актов об охране окружающей среды и ее отдельных компонентов, но и совершенствование ее институциональных характеристик, свидетельствующих о становлении и апробации теоретико-правового аппарата российского экологического законодательства. Так, в 1980-х гг. отечественный законодатель постепенно заменяет термин «охрана природы» на более широкое понятие «охрана окружающей среды». Постепенность такого перехода заключалась в том, что долгое время данные понятия в нормативно-правовых актах использовались параллельно в качестве синонимичных и лишь с принятием в 1991 г. Закона РСФСР от 19.12.1991 «Об охране окружающей природной среды» [7] стало применяться последнее.

Однако принятая в 1993 г. Конституция РФ [8], закрепившая в ст. 58 обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, вновь объявила каждый из них объектами правовой охраны. И сегодня и «природа», и «окружающая среда» являются важными объектами эколого-правовых отношений, обладающих конституционно-правовым режимом. При этом в качестве конституционного контекста установления конституционно-правового режима данных объектов выступает норма об экологической обязанности по бережному отношению к природе и окружающей среде [9, с. 24].

Конституционализации подверглись и экологические права, целая совокупность которых закреплена в ст. 42 Конституции РФ, а ст. 2 они объявлены высшей конституционной ценностью [8]. Как справедливо отмечает Д. С. Велиева, «реализация экологических прав дает возможность человеку пользоваться благоприятным состоянием окружающей среды, проживать в здоровой среде, не угрожающей его жизни и здоровью, способствует полноценному и свободному его развитию» [10, с. 123].

Сегодня мощный экологический потенциал, присущий действующей Конституции РФ, отмечается многими учеными, занимающимися проблемами охраны окружающей среды. Например, по мнению М. М. Бринчука, значительный потенциал современной Конституции РФ, являющейся основным источником экологического права, заключается в том, что она способна влиять на то, чтобы экологическое право в России прогрессивно развивалось и эффективно действовало [11, с. 14].

Об экологической направленности современной Конституции России говорит и С. А. Боголюбов, отмечающий ее превосходство

по данному параметру перед всеми предыдущими, так как экологические права и обязанности включены в статус человека и гражданина РФ, а необходимость решать природоохранные проблемы, которые обостряют и усугубляют экологические глобальные, континентальные и региональные кризисы, закреплена на самом высоком уровне [12, с. 39].

Таким образом, конституционализация природоохранных отношений в России сложилась в направлении признания и гарантирования экологических прав человека и установлении экологической обязанности по сохранению природы и окружающей среды.

В целом, правовая институционализация природоохранных отношений прошла путь от обычного права до конституционализации, которая в формально-юридическом смысле является апогеем их эволюционирования.

Эмпирический анализ

Несмотря на то что вопросам охраны окружающей среды в Конституции РФ 1993 г. посвящен ряд важных положений, масштабные поправки 2020 г. были направлены в том числе на совершенствование процесса конституционализации и природоохранных отношений. Как верно отмечается, «поправки к Конституции РФ наполнили ее “экологическими мотивами”, существенным образом расширили и конкретизировали конституционные основы природоохранного и природоресурсного законодательства и права» [13, с. 98]. Подобное мнение разделяют многие ученые. Так, С. А. Боголюбов пишет, что «поправки в Конституцию РФ, безусловно, свидетельствуют о том, что российское государство переосмыслило современные экологические проблемы, расширило конституционные ценности и обогатило конституционные правоотношения» [14, с. 18].

Однако некоторые авторы более сдержанно оценивают указанные аспекты конституционализации природоохранных отношений. Так, Н. Н. Аверьянова отмечает, что «по сути полномочия Правительства РФ в сфере охраны окружающей среды, которыми наделили его поправки в Конституцию РФ 2020 года, какой-то новеллой не являются, поскольку экологические вопросы никогда не были за рамками функционала высшего федерального органа исполнительной власти». Исследователь склонна оценивать данные инновации скорее как попытку вновь привлечь внимание к проблеме экологии и «синхронизировать конституционное законодательство в этой части» [15, с. 99].

Тем не менее стоит отметить, что расширение положений Конституции РФ экологическими нормами стоит оценивать, безусловно, позитивно, поскольку совершенствование конституционализации данной сферы – экологические инвестиции в будущее. Это закладывает традицию формирования природоохранного мышления, основанного на бережном отношении к окружающей среде с учетом внимания к последствиям, обусловленным и ее загрязнением. Благодаря закреплению на конституционном уровне более конкретных норм, направленных на охрану окружающей среды, в российском обществе постепенно формируется осознание того, что необходимо повсеместно соблюдать экологические права каждого человека, а также интегрировать интересы людей с благополучием природных ресурсов и объектов животного мира.

На основе признания безусловной важности конституционных положений для дальнейшего совершенствования правовой охраны окружающей среды может определяться следующий вопрос: означает ли конституционализация природоохранных отношений, что государство в своем развитии эволюционировало до статуса «экологического государства». Достаточно ли включения в Конституцию страны природоохранных норм для констатации данного факта?

Сегодня теория об экологическом государстве активно и всесторонне прорабатывается в различных направлениях гуманитарного знания. Под экологическим государством понимается государство, в основе политического управления которого лежат принцип ответственности, интересы устойчивого экологического развития и широкого круга субъектов от прав отдельной личности до прав будущих поколений и права биоразнообразия природы [16]. При этом исследователи в идеале видят, что каждое государство неизбежно должно стать экологическим, и это является условием выживания человечества [17, с. 27].

Понимая это, современные страны наращивают темпы конституционализации природоохранных отношений. В этой связи в конституционные законы государств вводятся экологические нормы. Так, например, в ряде стран преамбулы Конституций прямо указывают на отношения с природой. Так, Конституция Кыргызской Республики 2010 г. начинается со слов: «Мы, народ Кыргызстана... исходя из заветов наших предков жить в мире и согласии, в гармонии с природой...», в преамбуле Конституции Центрально-Африканской Республики 2015 г. определено, что только строгое и прозрачное

управление публичными делами и окружающей средой может обеспечить гармоничное, рациональное и устойчивое развитие [18].

Вместе с тем следует признать, что термин «экологическое государство» в России, как и во всем мире, в настоящее время имеет больше доктринальный, нежели легально установленный характер, поскольку не наполнен конкретным содержанием. Современные Конституции как России, так и зарубежных стран, не содержат в себе указаний на то, что они являются экологическими государствами, несмотря на ряд предпринимаемых в сфере охраны окружающей среды беспрецедентных мер, направленных на улучшение экологической ситуации.

Заключение

Анализ процесса конституционализации природоохранных отношений в России показал, что в настоящее время государство признает необходимость и важность охраны окружающей среды, закрепляя экологические нормы в тексте своей Конституций. Конституционализация природоохранных отношений и тенденции к ее развитию являются важной обеспечительной конституционно-правовой мерой, направленной на формирование благоприятной окружающей среды, обеспечение экологических прав граждан, выступает как показатель, демонстрирующий готовность государства обеспечить экологическую безопасность для настоящих и будущих поколений.

Однако, несмотря на наличие конституционных положений об охране окружающей среды и ее защите и сформированного на базе конституционных предписаний большого массива экологического законодательства, экологические проблемы в России решить не удастся. В частности, исходя из данных Государственного доклада о состоянии и охране окружающей среды в 2021 г., увеличение антропогенной нагрузки наблюдается в отношении практически всех компонентов окружающей среды, особенно атмосферного воздуха и водных ресурсов, увеличивается количество отходов производства и потребления, до конца не решена глобальная проблема их переработки и утилизации, соответствующая современным экологическим технологиям и стандартам [19].

Поэтому полагаем, что говорить о том, что Россия, несмотря на юридическое эволюционирование природоохранных отношений до степени их конституционализации, является «экологическим государством», пока преждевременно, поскольку должен быть создан конкретный,

а главное, эффективный эколого-правовой механизм реализации конституционных требований в данной сфере.

Список литературы

1. Бирюков А. В. Становление понятий «охрана окружающей среды», «экологическая безопасность» в Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12, вып. 2 (83). С. 462–469. <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.83.2.015>
2. Гуляев Я. А. Предпосылки регулирования охраны природы в процессе исторического развития Российского государства // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 150–155.
3. Казанник А. И. Народная охрана природы Сибири = People's Protection of Siberian Nature : (История. Состояние. Перспективы). Омск : Омский дом печати, 1999. 192 с.
4. Шинкарев Л. Сибирь: откуда она пошла и куда она идет : Факты, размышления, прогнозы. М. : Советская Россия, 1978. 462 с.
5. Об охране и развитии природных богатств РСФСР : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.06.1930 // Собр. узаконений РСФСР. 1930. № 30, ст. 397.
6. Об охране природы в РСФСР : закон РСФСР от 27.10.1960. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
7. Об охране окружающей природной среды : закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060–1 (ред. от 10.01.2002) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10, ст. 457.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
9. Боголюбов С. А. Теоретические новеллы конституционной экологии // Спутник высшей школы. 2022. № 5 (10). С. 24–29. https://doi.org/10.55346/27825647_2022_02_24
10. Велиева Д. С. Система конституционных экологических прав и обязанностей в Российской Федерации. М. : ДМК Пресс, 2009. 220 с.
11. Бринчук М. М. Развитие экологического права в конституционно-цивилизационном аспекте // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 1. С. 14–21. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.53.1.014-021>
12. Боголюбов С. А. Охрана окружающей среды, судебная деятельность, наука // Правосудие/Justice. 2022. Т. 4, № 2. С. 39–59. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2022.2.39-59>
13. Борисов Н. А., Волков В. А. В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии. СПб. : Северо-Западный ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2014. 144 с.
14. Боголюбов С. А. Потенциал экологических норм Конституции России // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 16–25. https://doi.org/10.12737/art_2018_5_2
15. Экология и право в XXI веке: теория и практика / под ред. А. П. Анисимова, А. Я. Рыженкова. М. : Юрлитинформ, 2023. 382 с.
16. Конституция Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обращения: 23.02.2023).
17. Борисов Н. А., Волков В. А. Понятие экологического государства в контексте формирования политической экологии // Управленческое консультирование. 2014. № 2. С. 27–35.
18. Конституция Центральноафриканской Республики. URL: <http://www.sangonet.com/africq/PAFF/Dic/actuC/ActuC19/projet-constitution-RCA-adoptee-par-CNT-2015.pdf> (дата обращения: 23.02.2023).
19. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году. Государственный доклад. М. : Минприроды России ; МГУ имени М. В. Ломоносова, 2022. 685 с.

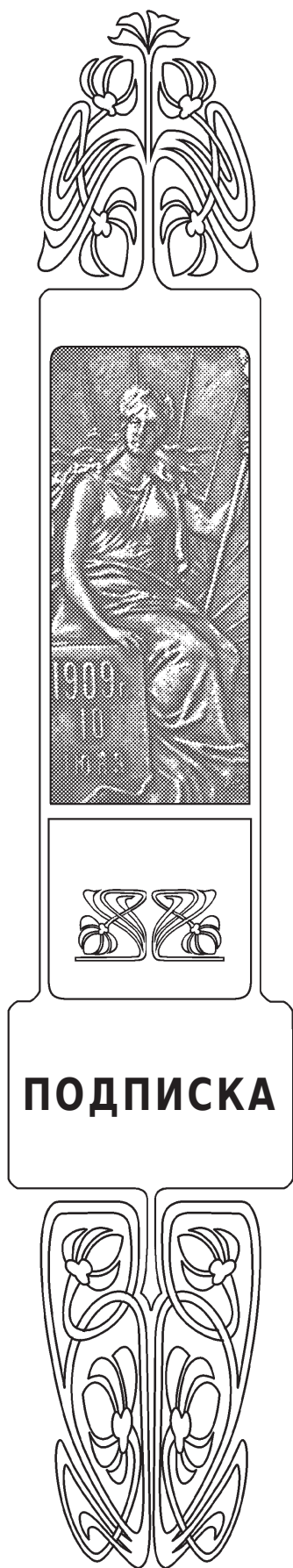
References

1. Biryukov A. V. Formation of the concepts of “environmental protection”, “environmental safety” in the Russian Federation. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy* [Issues of National and Federal Relations], 2022, vol. 12, iss. 2 (83), pp. 462–469 (in Russian). <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.83.2.015>
2. Gulyaev Ya. A. Preconditions of regulation of wildlife management in the course of historical development of the Russian state. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2011, no. 6, pp. 150–155 (in Russian).
3. Kazannik A. I. *People's Protection of Siberian Nature*. Omsk, Omskiy dom pečhati, 1999. 192 p. (in Russian).
4. Shinkarev L. *Sibir': otkuda ona poshla i kuda ona idet : Fakty, razmyshleniya, prognozy* [Siberia: Where did it go from and where is it going: Facts, reflections, forecasts]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1978. 462 p. (in Russian).
5. On the protection and development of natural resources of the RSFSR. Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of June 20, 1930. *Sobranie uzakonenyi RSFSR* [Collected legalizations of the RSFSR], 1930, no. 30, art. 397 (in Russian).
6. On nature protection in the USSR. Law RSFSR of October 27, 1960. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
7. On environmental protection. Law RSFSR 2060-1 of December 19, 1991 (an edition of January 10, 2002. *Vedomosti SND i VS RF* [Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation], 1992, no. 10, art. 457 (in Russian).
8. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended by Federal

- Constitutional Law 6-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of February 5, 2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of July 21, 2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of March 14, 2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
9. Bogolyubov S. A. Theoretical novelties in constitutional ecology. *Higher School Companion*, 2022, no. 5 (10), pp. 24–29 (in Russian). https://doi.org/10.55346/27825647_2022_02_24
  10. Velieva D. S. *Sistema konstitutsionnykh ekologicheskikh prav i obyazannostey v Rossiyskoy Federatsii* [The system of constitutional environmental rights and obligations in the Russian Federation]. Moscow, DMK Press, 2009. 220 p. (in Russian).
  11. Brinchuk M. M. Development of ecological law in constitutionally-civilizational aspect. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 1, pp. 14–21 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.53.1.014-021>
  12. Bogolyubov S. A. Environmental protection, judicial activity, science. *Pravosudie/Justice*, 2022, vol. 4, no. 2, pp. 39–59 (in Russian). <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2022.2.39-59>
  13. Borisov N. A., Volkov V. A. *V poiskakh novoy paradigmy: ocherk politicheskoy ekologii* [In search of a New Paradigm: An Essay on Political Ecology]. St. Petersburg, North-West Institute of Management – branch of RANEPА Publ., 2014. 144 p. (in Russian).
  14. Bogolyubov S. A. The Potential of Environmental Norms of the Russian Constitution. *Journal of Russian Law*, 2018, no. 5. pp. 16–25 (in Russian). https://doi.org/10.12737/art_2018_5_2
  15. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. Ya. (eds.) *Ekologiya i pravo v XXI veke: teoriya i praktika* [Ecology and law in the XXI century: Theory and practice]. Moscow, Yurlitinform, 2023. 382 p. (in Russian).
  16. *The Constitution of the Kyrgyz Republic*. Available at: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (accessed February 23, 2023) (in Russian).
  17. Borisov N. A., Volkov V. A. Concept of the Ecological State in a context of Political Ecology Formation. *Administrative Consulting*, 2014, no. 2, pp. 27–35 (in Russian).
  18. *Constitution of the Central African Republic*. Available at: <http://www.sangonet.com/afriqg/PAFF/Dic/actuC/ActuC19/projet-constitution-RCA-adopte-par-CNT-2015.pdf> (accessed February 23, 2023) (in Russian).
  19. *O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchey sredy Rossiyskoy Federatsii v 2021 godu. Gosudarstvennyy doklad* [On the state and environmental protection of the Russian Federation in 2021. State report]. Moscow, Minprirody of Russia, Lomonosov Moscow State University Publ., 2022. 685 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 15.05.2023
The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 15.05.2023

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36012
Оформить подписку на печатную версию
можно в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (eup.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: izdat@sgu.ru, publ@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,

экономический факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-38

E-mail: sgu-eup@rambler.ru

юридический факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-17

E-mail: kulikovasveta@inbox.ru

Website: <https://eup.sgu.ru>

ISSN 1994-2540

23003

9 771994 254007

ISSN 1994-2540 (Print). ISSN 2542-1956 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Том 23, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле
Серия: Социология. Политология
Серия: Физика
Серия: Филология. Журналистика
Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология
Серия: Экономика. Управление. Право

